

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Тезисы докладов и сообщений
Всероссийской научной конференции

Свердловск, 23-25 октября 1990 г.

Вып. I. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Свердловск - 1990

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ**

**МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

**Тезисы докладов и сообщений
Всероссийской научной конференции**

Свердловск, 23–25 октября 1990 г.

Вып. I. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Свердловск – 1990

**МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ:**
Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной
конференции, 23-25 октября 1990 г. - Вып. I.
МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ. - Свердловск: Ин-т
истории и археологии УрО АН СССР, 1990. - 194 с.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук В.В.Алексеев (отв. редактор);
кандидат исторических наук Е.Т.Артемов; кандидат исто-
рических наук К.И.Зубцов; кандидат исторических наук
Е.В.Логунов (отв. секретарь); кандидат исторических
наук Л.А.Фофанова.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В советском обществе все шире разворачивается острая политическая и экономическая борьба, исторический смысл которой не ясен большинству ее участников. Даже сам масштаб решаемых вопросов осознается весьма неадекватно. Так, высказывание М.С.Горбачева о том, что предполагаемый переход к рынку по своему историческому значению будет равен Октябрьской революции, явно не осмыслен в должной степени ни "реформаторами", ни их противниками. Думается, однако, что и этот масштаб явно недостаточен для оценки происходящего. Кризисное развитие демографических, экологических, социально-экономических и политико-идеологических процессов угрожает столь быстро приобрести катастрофический характер, что единственно правильным выражением сути дела оказывается вопрос - быть или не быть? И не просто - данной политической или экономической системе, но самому русскому этносу, а также многочисленным нациям и народностям, связавшим с ним свои исторические судьбы. Именно такова ретроспектива и перспектива, в которой представляется возможным выявить объективную истину происходящего. Именно это определяет меру ответственности всех, кто волей судьбы стал участником происходящего, а особенно тех из нас, кому присуща способность более или менее осознанно воспринимать логику исторического процесса.

Историческое сознание, исторический опыт, обретаемый в трудах и борьбе поколений, в поисках и ошибках практиков и теоретиков, всех мыслителей - религиозных, художественных, - это бесценное историческое достояние приобретает особое значение в такие вот переломные эпохи. Это объясняется тем, что именно исторический опыт может стать наиболее адекватным средством всякого серьезного исторического выбора. Между тем известно, что хоть история и не вершится по выбору того или иного субъекта, будь то великая личность, класс или даже целый народ. Тем не менее и без их исторического творчества, без их неперменного вклада она не обходится. Исторический опыт есть не только "фактор выбора", который помогает определить, какую позицию следует занять в историческом споре. Он выступает также в качестве средства консолидации, средства объединения малых человеческих песчинок в мощный монолит, своим значением и весом способный соперничать с любыми значимыми ве-

личинами исторического процесса. Причем стратегию и тактику социальных сил, действительно заинтересованных в дальнейшем прогрессивном развитии советского общества, не должны определять сиюминутные обстоятельства, сколь бы драматичными или даже трагическими они ни были.

Понимая происходящее как прямое следствие всей послеоктябрьской истории, а следовательно и самой Октябрьской революции, надо и сам Октябрь осмыслить в более широком историческом контексте. Если теоретическая и практическая деятельность В.И.Ленина начиналась с доказательства того, что капитализм достаточно развит в России, чтобы думать и действовать в пользу социалистической перспективы, то, пожалуй, один из важнейших его выводов послеоктябрьского периода состоит в том, что — с точки зрения той же самой исторической перспективы! — необходимо прежде всего "доделывать недоделанное капитализмом". Стало быть в послеоктябрьский контекст мощным пластом вплелись докапиталистические общественные отношения, и не только на так называемых "национальных окраинах", где, скажем, кланово-родовые отношения выжили и пыльным цветом расцвели под видом "советской государственности" и "коммунистической партийности". Докапиталистические отношения, исторически модифицируясь, стали мощным фактором формирования всех "советских" и "социалистических" структур и в России, во всем советском обществе в целом. Ведь далеко не случайно, что, например, прибалтийские республики, казалось бы традиционно, по типу культуры, ориентированные на буржуазно-демократический Запад, демонстрируют, в своем нынешнем рывке к свободе, и всеобщий для нас тоталитаризм, и нединамичное, догматическое мышление. Сложившиеся структуры, общественные отношения и мыслительные формы имеют объективный характер, они не есть результат чьих-то "ошибок", будь то Сталина или, как ныне пытаются утверждать, Ленина. Безусловно, и Сталин, и Ленин совершили немало ошибок с точки зрения той логики, которую каждый из них пытался реализовать в практику. Но в том-то и дело, что не личности и даже не классы творят историю. Она возникает как результирующая, как снятие разнонаправленных усилий различных социальных субъектов, сам характер действий и мышления которых определяется их исторически сложившимся культурным уровнем. Исторический опыт значим именно тем, что является важной составляющей культуры всякого социального субъекта.

Специфика исходных культурных условий, на чем особенно акцентировал внимание В.И.Ленин в последний период своей жизни, привела к тому, что Октябрь, а точнее, открытый им период, не принес

полного решения задач становления социалистической демократии и социалистической формы собственности. По-существу, наша страна только ступила на путь социалистического развития. Советское общество есть общество переходного типа, причем специфика переживаемого нами переходного периода состоит в том, что господствующий в нашей многоукладной экономике уклад, типологически ниже капиталистического. Рассмотрение его качественной природы есть особая задача. В данном же контексте важно подчеркнуть лишь то, что с учетом этого переход "к рынку", то есть к капиталистическому производству, не есть чья-то выдумка или "идеологическая диверсия", как утверждают некоторые ревнители "чистоты" сложившейся в нашей стране социально-экономической системы. Однако и превращение рынка в самоцель не есть единственно возможный вариант исторического выбора, имеющегося сегодня. Во всяком случае для коммунистов. Такой путь исторически обусловлен. Развитие рынка как одного из укладов исторически детерминировано и в этом смысле необходимо. Однако, для сторонников социалистического выбора не на словах, а на деле этот путь может быть лишь средством, но не основной целью. Именно так ставил вопрос В.И. Ленин. И сегодня, пройдя огромный исторический "виток", советское общество вернулось к той же дилемме, что встала после Октября.

Однако объективно имеющиеся варианты исторического выбора отнюдь не сводятся к дилемме, по какому пути развиваться, капиталистическому или социалистическому. Капитализм в чистом виде вряд ли возможен, потому что когда трудящиеся под влиянием самой действительности сбросят с глаз пелену социальной демагогии, столь мощную сегодня, они вряд ли откажутся от пусть и немногих, но реальных достижений социалистического развития, социалистического образа жизни, которые, говоря ленинскими словами, вошли в быт, в привычку. С другой стороны, и социализм в "чистом виде" невозможен сегодня, как он был невозможен сразу после Октября. В силу целого ряда причин капиталистический уклад нужен ему как диалектическая противоположность, как основание для становления.

Но дальнейшее обсуждение этого вопроса приведет скорее к вопросам тактики, чем стратегии. Если же остаться на уровне философии истории и, соответственно, на уровне стратегического понимания проблемы, то в заключение стоит оговорить лишь еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Попытка "форсированного" строительства социализма не создала ничего другого, что объективно могло быть создано из исходного состояния социальной системы, однако

поставила ее на край гибели. Попытка форсированного создания рынка, то есть "строительства капитализма" в нашей стране "в исторически сжатые сроки" приведет ее к катастрофе. В этом — возможность национального согласия всех, про- и антисоциалистических сил. Согласия всех, кроме сил действительно антинародных. Какая бы тенденция ни возобладала, социалистическая или буржуазная, особенности тысячелетней истории России таковы, что ее развитие может быть лишь медленным, эволюционным по форме, с акцентом на поднятие культурного потенциала, его обновление на основе преемственности.

О.Ф.Русакова
(Свердловск)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос об опыте как предмете научно-исторического исследования, а следовательно, как категории исторического познания слабо разработан в советской историографии. Предметом методологического анализа становились главным образом лишь частные модификации исторического опыта — социокультурный, революционный, историко-партийный.

Для создания целостного представления об историческом опыте как предмете научного исследования необходимо не только обобщить все, что было сделано в отношении изучения его разновидностей, но также и определить, какую специфическую гносеологическую нагрузку несет в себе категория "исторический опыт", какова ее познавательная функция.

Категориальный анализ различных видов социально-исторического опыта показывает, что все они соотносятся между собой через категорию "социальная память", т.е. воплощают ценную для человеческой жизнедеятельности социальную информацию. Объективация и трансляция социально ценной информации осуществляется в трех основных формах: вещно-предметной, институциональной и знаковой. Для историка непосредственным источником исследования выступают первая и третья формы объективации и трансляции социальной памяти как резервуара исторического опыта. Причем в условиях развития научно-технического прогресса, средств массовой информации, компьютеризации все большую роль источника изучения исторического опыта приобретает знаковая форма — знаковые системы социальной памяти. Институциональная форма исторического опыта, объекти-

вируемая в различных исторических типах социальных организаций, общественных отношениях, культовых и политических системах, в технологии управления и власти, становится предметом научно-исторического исследования не непосредственно, а через документальные продукты деятельности общественных институтов, т.е. представит перед историком опять-таки в знаковой форме.

Возможны различные способы классификации исторического опыта. По социальному носителю можно выделить общечеловеческий, народный, национально-государственный, сословно-кастовый, групповой, личностный исторический опыт. По сферам конденсации, хранения и передачи опыт можно разделить на производственно-технический, научно-теоретический, политико-идеологический, социально-психологический, культурно-бытовой, литературно-художественный и т.д. Однако главная задача методологического анализа исторического опыта как предмета научного исследования состоит не в построении различных систем классификации и типологии исторического опыта, а в осмыслении особенностей и способов отбора социально значимой информации при рассмотрении опыта прошлого.

Известно, что характер отбора социально ценной информации детерминирован множеством факторов. Среди них можно выделить внутринаучные факторы: культурно-научные традиции исторического исследования, система парадигм, концептуальных установок, господствующая в данном научном сообществе, теоретико-методологическая ориентация ученого. Наряду с этим действуют и вненаучные детерминанты, интенсивно влияющие на селекцию и оценку исторического опыта. Это прежде всего социальный заказ, требующий определенного отбора социальной информации, определенного способа ее интерпретации, отвечающего нуждам современного исторического момента. Это и идеологические факторы, требующие ориентации историка на конкретные социальные ценности. Гипертрофированное преобладание вненаучных факторов в процессе изучения исторического опыта обесценивает историческое исследование, ставит его на службу политической конъюнктуры.

Процесс деидеологизации исторического исследования не ведет к полному освобождению историка от идеологических факторов. Состояние общественной мысли, определенная духовная атмосфера неизбежно накладывает отпечаток на выбор системы оценок исторического опыта, на применение тех или иных критериев социальной значимости. По мере интернационализации исторической науки, конструктивного сотрудничества различных направлений и школ, расширения

обмена научной информации складываются системы обобщенных критериев для оценки разнообразных видов исторического опыта. Так, например, при оценке опыта политической деятельности различных общественных, государственных и партийных организаций, независимо от того, к какой общественно-политической системе они принадлежат, главным критерием оценки их исторического опыта выступает способность эффективно регулировать общественные процессы, добиваясь, с одной стороны, определенной политической стабильности, а с другой, возможности движения по пути социального прогресса.

Обеспечение социального прогресса является наиболее общим критерием при оценке исторического опыта. Не углубляясь в категориальные тонкости данного понятия, подчеркнем, что сущность социального прогресса состоит в развитии всех видов социального творчества — производственно-технического, научного, хозяйственно-экономического, общественно-организаторского, политического, коммуникативного и т.д. Развитие социального творчества ведет к росту навыков, умения, искусства, мастерства во всех сферах социальной жизни, а, следовательно, к увеличению и обогащению сокровищницы исторического опыта в целом.

Важнейшим условием роста социального прогресса является расширение социальной и духовной свободы. Поэтому только тот исторический опыт может быть оценен положительно, в котором воплощенное социальное творчество связано с определенными завоеваниями в области социальной и духовной свободы. Так, при оценке опыта экономических реформ, которые являются воплощением социально-экономического творчества, необходимо учитывать уровень экономических свобод, предоставляемых ими производителю, степень освобождения от форм экономического отчуждения.

В случае, когда социальное творчество ведет к разрушению завоеваний в области социальных и духовных свобод, но тем не менее связано с определенными достижениями в сфере техники, профессионализма, с наращиванием гуманистически нейтральных навыков в производстве, все равно общая оценка подобного исторического опыта не может быть половинчатой (по схеме: с одной стороны — с другой стороны). Подобного рода исторический опыт в силу своей общей дегуманистической сущности может получить лишь негативную оценку, если спять-таки руководствоваться критериями социального прогресса.

РОЛЬ ИНФОРМАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ВОПРОСА

Выявление движущих сил, механизма регуляции и саморазвития общества составляет важнейшие элементы исследования исторического опыта. Генезис и развитие опыта цивилизаций базируется на накоплении, сохранении и передаче полученной на практике информации. По мере развития способа производства социальная сущность человека все более воспроизводится не путем передачи наследственно-информационных связей, а совокупностью общественных отношений путем отбора социально значимой информации, знаний и опыта.

Исторический опыт, как социально-информационная память индивида, региона, государства, имеет конкретно-временные, всеобщие и пространственные характеристики. Степень их взаимосвязи и особенности развития обусловлены географическими, экологическими, политическими, национальными и др. факторами.

Эволюционный переход от архаического к доиндустриальному, затем индустриальному и, наконец, к постиндустриальному обществу усложняет механизм передачи, объем, структуру и значимость информации и знания. От стереотипа к обычаю, затем переход к формированию разветвленной системы коммуникаций и, наконец, создание единого информационного общества на уровне региона, страны, а в перспективе всего мирового сообщества, — таков путь и основные этапы развития информации как источника получения знания и его влияния на практику.

Коммуникативная роль информации пронизывает все сферы человеческого бытия: духовность, способ производства, собственность, власть, политику, право, культуру, цивилизованность. Так, на примере региона проследим формирование и усложнение передачи правовых знаний: стереотип — обычай — традиция — формирование отношений регламентации в виде закона — система права и переход к правовому государству.

Развитие региона, государственного образования во многом зависит от объема, полезности накопления информации и скорости ее распространения. Между накоплением и распространением знаний и прогрессом общества существует геометрическая прогрессия. Натуральный способ производства законсервировал информацию как источник знаний, что обусловило длительность первоначальных стадий в развитии человечества. Появление товарного производства, приоб-

речение товаром всеобщих форм, ускорило распространение информации как источника знаний, лишив ее территориальных, государственных и национальных границ. Ограничение роли товарно-денежных отношений, политико-экономическая замкнутость на любой стадии развития региона, государства играла ограничительно-регрессивную функцию. С другой стороны, практика подтвердила, что любые скачки, прерывы постепенности нарушают естественное накопление и передачу знаний и чреваты последующими, иногда довольно длительными деструкциями.

Любое общество в своем развитии переживает поиск момента истины, стремясь обрести адекватные степени развития общества самосознание, чтобы выработать дальнейшую политику. Системный отбор социально значимой информации, взятый в единстве диалектики, логики и основных методов теории познания, позволит расширить и углубить ретроспективный анализ исторического опыта, чтобы эффективнее применять его в практике.

А.В.Меренков, Т.Б.Суворова
(Свердловск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

В настоящий период потребность в творческой, мыслящей личности, способной решать сложные проблемы экономического и социального развития трудового коллектива, города, региона, страны сильно возросла. Переход к новому общественному устройству можно осуществить только в результате нахождения принципиально новых решений. Наша страна, как и многие другие, освобождаясь от коллундно-административной системы, не может следовать чьему-либо опыту. Требуется новый подход на основе расширения творческого потенциала широких масс трудящихся.

При решении задачи формирования и развития творческого потенциала личности можно учитывать различные аспекты: психологический, когда выявляются конкретные методы развития способностей отдельных индивидов, особенно в раннем детстве; педагогический, базирующийся на поиске новых методов обучения и воспитания; социологический, при котором пытаются раскрыть социальные факторы выявления творческого потенциала индивида в условиях перехода к новому общественному устройству.

Исторический подход занимает особое место в системе изучения закономерностей становления творчески активной личности. На протяжении всей истории шло накопление опыта развития всех сфер общественной жизни в результате деятельности ученых, изобретателей, рационализаторов, выдающихся писателей, художников и т.п. Их достижения, распространяясь в обществе, обеспечивали общий подъем материальной и духовной культуры. Поэтому в различные периоды истории в просвещенных государствах проявляли заботу о выявлении и развитии талантов.

История имеет пример формирования достаточно эффективных способов развития творческого потенциала личности (может быть, не всегда осознанно). Кроме того, еще в прошлом проявилось действие объективных потребностей в реализации этого потенциала. Поэтому, обращаясь к истории, мы можем выделить наиболее эффективные для развития творческой активности личности объективные и субъективные факторы.

В нашей стране в процессе установления господства командно-административной системы, фактически забыли этот опыт. Отсутствовала потребность в использовании всего лучшего, что было достигнуто в прошлом для развития творческого потенциала личности. Это прежде всего заинтересованность в способном, талантливом человеке. Это создание материальных условий для формирования творческой активности в какой-либо сфере, предоставление свободы творчества. Все эти факторы долгое время у нас фактически не использовались. Их приходится открывать как бы заново. Заново доказывать, что без многообразия взглядов, идей, без столкновения противоположных позиций творчество невозможно, что требуется свобода для творческого поиска, что необходимо рисковать, чтобы добыть новое знание.

Однако роль исторического анализа заключается не в том, чтобы утвердить это, в целом понятное, положение. История показывает также организационные формы, в которых осуществлялось развитие творческого потенциала личности. Субъективный фактор развития творческого потенциала личности помогает раскрытию способностей индивидов путем создания специальных школ, гимназий, лицеев, фондов, комиссий и т.п. Для каждого этапа развития способных людей требуется своя организационная система.

Примеры организации поиска талантливых людей, их поддержки, имеют большое значение для нашего времени. Мы обращаемся к опыту прошлого для решения сегодняшних проблем. Так, в системе народно-

го образования стали создаваться гимназии, лицеи. На какой основе они возникают? В чем они копируют оригинал? Об этом чаще всего не задумываются, так как очень плохо знают историю данных форм развития образования.

Из прежней истории можно многое взять не только для решения проблемы формирования творческого потенциала личности в период ее первичной социализации. Много ценного существует в организации естественно-научных и общественных исследований, художественного творчества. Поэтому требуется объединить усилия историков, социологов, специалистов в области образования, науки, искусства для изучения и применения в настоящее время всего ценного, что было создано нашим прошлым в организации развития творческого потенциала личности.

В.П.Тимошенко
(Свердловск)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ УРАЛА: МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ

История индустриального развития Урала представляет собой пример целенаправленного и форсированного формирования крупной промышленной базы мирового значения. Ретроспективный анализ этого процесса может вывести на выявление закономерностей складывания индустриальной структуры региона и подтверждение обусловленности современных хозяйственных и социально-экономических проблем предшествующим развитием производительных сил. Результаты такого анализа необходимы для установления воздействия различных факторов на масштабы экономического развития в настоящем и в перспективе.

Обобщение опыта регионального индустриального развития, принимаемого в виде смены типов исторического движения, исторической деятельности людей, конечно же выражает нечто выходящее за узкие региональные рамки, требует широких аналогий хронологического и территориального свойства.

Речь идет о новом прочтении исторического прошлого, не ограничивая его реставрацией событийной истории, с выделением потребностей современной социальной практики в качестве исходного пункта направленного в прошлое поиска. И здесь перед исследователем естественным образом встанут далеко не праздные вопросы:

1. Можно ли осмыслить настоящее, притом весьма оригинальное настоящее, при наличии нескольких вариантов (альтернатив) дальнейшего развития, с помощью понятий и методов, сформулированных для изучения проблем прошлого?

2. Вокруг какого "тематического ядра" группируются проблемы обобщения опыта?

3. Применим ли научный инструментарий использования исторического опыта в выборе эффективных стратегий и программ регионального индустриального развития?

Думается, что ориентиром в решении этих вопросов может стать эволюция технологического способа производства, собственно, задающая круг исследовательских проблем и решений в изучении исторического опыта развития индустрии.

Технологический способ производства обладает производственной функциональной структурой, включающей в себя определенные пропорции воспроизводства и соответствующую социальную организацию. Другой срез обнажает регионально-производственные связи производственных ячеек, расположенных на определенной территории. Имеются у него и иные характеристики, обусловленные функционированием и развитием производства, распределения и потребления материальных жизненных средств. Технологический способ производства раскрывается через дефиниции присвоения, хозяйствования, организации труда, дающих возможность проследить действие различных механизмов развития, роль процессов углубления разделения труда, влияние экономических интересов на выбор вариантов развития и т.д.

С учетом такого подхода процесс индустриального развития можно условно представить себе в виде бесконечной дихотомической цепочки, где в узловых точках имеются более одного варианта развития. Один из вариантов реально осуществляется, другой, или другие - эвентуальные, но в силу разных причин не реализуются. Каждый из вариантов представляет собой синтез основанных на опыте прошлого тенденций, сложного переплетения нового и старого, формируется под влиянием интересов и конкретно-исторических условий. Изучение факторов, условий, обеспечивающих исторический выбор вариантов развития представляет собой изучение опыта, как познание законов развития.

Как и естествоиспытателям, обществоведам рано или поздно придется преодолеть горизонты традиционного рационализма. В частности, идеал "классического" исследования предполагает, что при любых,

произвольно выбранных начальных условиях, субъект делает то, что закодировано в историческом законе. Иначе говоря, предполагается какая-то "предустановленная гармония" между содержанием исторической необходимости и тем, как будут действовать люди в данной точке исторического развития, а значит, появляются основания для классификации действий субъектов на "нормальные", соответствующие ходу истории, и "отклоняющиеся от нормы", противоречащие истории.

Между тем, в обществоведении, быть может как ни в какой другой области, невозможно однозначно (и заранее) определить, в каких конкретных действиях будет осуществляться закон развития, в каких формах будет осознана людьми данная необходимость. И дело тут не в сложности операции прогноза. Закон, сформулированный в системе объективного знания действительности, не может однозначно определить ход событий, в которых участвуют люди с их сознанием и волей. Здесь исследователь наталкивается на некий "предел", образуемый действиями самих субъектов со всей их уникальностью, случайностью, непредсказуемостью. Здесь проявляется элемент свободы в исторической деятельности людей. Границы господства "силы обстоятельств" сужаются в той мере, в какой люди из простого субстрата истории превращаются в активно действующую силу. Можно сказать более определенно: там, где в силу обстоятельств отсутствуют инновации, изменения, там складываются сложные противоречия, создаются препятствия для развития. К индустрии уральского региона это имеет непосредственное отношение.

Для изучения исторического опыта интерес представляют узловые точки истории индустриального развития, когда нарастает понимание необходимости преобразований. Это периоды назревания взрывных состояний, исторические ситуации "выбора", в них просматриваются действия многочисленных и разнообразных факторов, детерминирующих индустриальное развитие. Такое восприятие исторического прошлого может, видимо, вывести на прогнозирование процесса на обозримую перспективу. И здесь очень полезным может быть использование методологии изучения альтернатив развития.

Современное видение проблемы позволяет выделить три уровня в индустриальном развитии: "микроуровень" - региональная организация и функционирование промышленности; "мезоуровень" - региональная промышленность в системе межрегионального взаимодействия; "макроуровень" - место и роль Урала в мировом разделении труда. Каждому уровню иерархии соответствует набор актуальных вопросов,

нуждающихся в ретроспективном изучении, особенно в течение при-
мыкающего к современности периода. Эти вопросы ставятся социаль-
ной практикой, и их число может постоянно меняться в зависимости
от современных общественных потребностей.

Е.Т.Артемов
(Свердловск)
А.П.Дубнов
(Новосибирск)

ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДИ- ТЕЛЬНЫХ СИЛ СССР

Прежде всего поясним, что понимается под "доктринальным фак-
тором". Для этого необходимо соотнести понятия "доктрина" и "па-
радигма". На наш взгляд, они не тождественны. Парадигма, соглас-
но Т.Куну, представляет собой совокупность теоретических устано-
вок, образцов объяснения фрагментов реальности и обобщения дан-
ных эксперимента. Она является продуктом и инструментом деятель-
ности научного сообщества. Открытие аномальных фактов, необъяс-
нимых в рамках господствующих воззрений, ведет к принятию новой
парадигмы. Новая же политико-экономическая теория становится до-
ктриной, когда она отчуждается от экономических субъектов. Ее
аксиоматика и выводы канонизируются и принудительно навязывают-
ся властью, или сверхсубъектом, всему обществу. Таким образом,
теория, становясь руководством к действию сверхсубъекта, превра-
щается в доктринальный фактор общественного развития.

В понятии "доктринальный фактор" мы усматриваем отрицатель-
ный смысл. Действительно, согласно К.Марксу, теория становится
материальной силой, когда она овладевает массами. Если же она ов-
ладевает носителем абсолютной власти, массы превращаются в пас-
сивный материал социальной "конструкции". Ни о какой их подлинной
активности в политической и социально-экономической жизни не мо-
жет быть и речи. В этом, пожалуй, наиболее негативное проявление
деструктивного воздействия доктринального фактора на общество.

Признание производности доктринального фактора по отношению
к объективной реальности не означает его сведения к содержанию
сознания. Доктринальный фактор включает и практическое воздейст-
вие сверхсубъекта на внешний мир. Следовательно, в этом понятии
необходимо различать его концептуальную основу, а также субъект,
в лице абсолютной власти, использующий ее для определения своих

стратегических целей и объект, т.е. массы, выступающие в качестве материала доктринального конструирования. Концептуальная основа состоит из жесткого "ядра" и "защитного пояса". Последний представляет собой набор положений, призванных объяснить постоянно возникающие расхождения канонизированных теоретических представлений с реальностью. "Защитный пояс" может приспособливаться, переделываться или даже полностью заменяться. Но "ядро" доктрины остается неизменным.

Истоки доктрины развития и размещения производительных сил, реализовавшейся на практике на протяжении всей истории советского общества, уходят корнями в классический марксизм. Ее основные постулаты базируются на соответствующей интерпретации ряда положений, содержащихся в трех источниках марксизма. В немецкой философии — это признание диалектики отрицательности в качестве основной движущей силы истории. В английской политэкономии — обоснование решающей роли развития производительных сил в разрешении антагонистических противоречий частно-капиталистических отношений собственности. Во французском утопическом социализме — идея обобществления производительных сил и использования насильственных методов для утверждения господства общественной формы собственности.

В соответствии с таким пониманием исторического процесса, постулируется всеобщность пути, по которому народы идут к новому обществу. Его экономической основой должно стать народное хозяйство, чем-то подобное гигантскому комбинату. Оно принадлежит всему народу, представляемому на начальном этапе государством диктатуры пролетариата. В рамках этого комбината существует только техническое разделение труда, не опосредованное рыночными отношениями. Его структурные элементы взаимодействуют друг с другом как цехи одного предприятия. Их производственная деятельность, распределение ресурсов и рабочей силы направляются посредством единого плана, стратегические цели которого задаются доктринальными установками.

В условиях послереволюционной России доктринальная идея развития производительных сил подвергалась неоднократной корректировке. Но это не затронуло ее основ. Достаточно сравнить основные цели социалистической системы хозяйствования, зафиксированные во II программе партии (1919 г.) с формулировками последующих десятилетий. Безраздельное господство общественной собственности, приоритетное внимание развитию производительных сил при первоочередном учете "обшечародных" (в действительности государственных)

интересов, всеобъемлющее планирование и централизация управления социально-экономической деятельностью являются их обязательным требованием. Фиксация в плановых заданиях социальных целей, допущение элементов товарно-денежных отношений, введение материальных стимулов для предприятий и отдельных работников не меняли существа дела. "Все более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа" на практике приносилось в жертву "планомерному" строительству "материально-технической базы коммунизма" и "формированию" коммунистических общественных отношений".

Создание новой системы хозяйства предусматривало достижение оптимальных пропорций его территориальной структуры. Оптимальность понималась, как "гармоничное", "рациональное", "более равномерное" размещение общественного производства, призванное обеспечить наиболее высокие темпы роста производительных сил и утверждение новых производственных отношений. Развитие отдельных элементов территориальной структуры народного хозяйства подчинялось интересам "целого" ("единого народнохозяйственного комплекса"). Отношения между ними определялись централизованно и регулировались на плановой основе. Все это логично следовало из представлений, отождествляющих народное хозяйство с одним гигантским предприятием. Неслучайно, например, Урало-Кузнецкий территориально-производственный комплекс был назван комбинатом. Тем самым подчеркивалось, что его составные части, расположенные на огромной территории Урала, Сибири и северного Казахстана объединяют технические, а не экономические связи.

Такая модель регионального развития в основных чертах была сформулирована уже в плане ГОЭЛРО (1920 г.). Отсутствие в нем хозяйственных механизмов, основанных на использовании экономических и демографических законов, стало впоследствии нормой. Оно характерно для всех региональных народнохозяйственных программ, включая обсуждаемые сегодня проекты строительства Катунской ГЭС и БАМа. Их реализация привела к огромной деструктивной нагрузке на жизнеобеспечивающие, в том числе экологические, системы. Любая возможность изменения ситуации блокировалась действием доктринального фактора, исключившего всякую обратную связь с объектом своих манипуляций. Последствия оказались катастрофическими. Экстраординарная индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, "великие стройки коммунизма" и другие противоестественные эксперименты опустошили целые регионы, начиная от Нечерноземной зоны России до Урала, Сибири и Дальнего Востока

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ И ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ПРОСТЕЙШЕЙ КООПЕРАЦИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Становление теории самоорганизации, или синергетики, ведет к пересмотру целей науки, ее методов и теоретико-познавательных установок. В отличие от традиционных философских взглядов необходимость и случайность в синергетике рассматриваются как равноправные начала. Универсальные законы материалистического детерминизма применимы лишь к локальным областям реальности, к замкнутым системам и линейным соотношениям. В живой и неживой природе преобладают открытые системы, которые обмениваются с окружающей средой веществом, энергией, информацией. Главную роль в них играют неравновесность и неустойчивость. Тесно связанные с открытостью системы, со случайностью необратимые процессы порождают более высокие уровни организации – диссипативные структуры.

Системы, согласно синергетике, бывают равновесные, слабонервновесные и сильно неравновесные. Все системы имеют подсистемы, которые флуктуируют. Возмущения среды – флуктуации, или внешние воздействия в сильно неравновесных системах, могут вызывать сильные волны и прежняя организация разрушается. Такой переломный момент называется точкой бифуркации. В социальных структурах точка бифуркации тождественна понятию "революция". В точке бифуркации невозможно предсказать направление развития системы. Система может перейти на более дифференцированный, высокий уровень развития, где требуется больше энергии поддержания социальных связей, а может пойти к энтропии, к распаду.

В процессах системы есть петли положительной и отрицательной обратной связи. Для социальных структур это означает, что в точке бифуркации (в момент революции) нельзя предсказать, создается ли в ее результате более прогрессивное или более реакционное общество, случайность подталкивает остатки системы на новый путь развития, а когда вариант выбран, вновь вступает в силу детерминизм.

Согласно синергетике, существуют два типа развития структур. В первом типе, в замкнутых системах процессы ведут к энтропии, к уменьшению или потере энергетических связей, поддерживающих систему. Если она не становится открытой, то возникает точка бифуркации и дальнейший прогноз событий невозможен. детерминизм

не действует, пока не сложится новая структура, В системах второго типа, открытых, идут процессы самоорганизации.

В свое время открытия Ньютона привели к господству в общественных науках механистических представлений. Открытия в области естественных наук Дарвина и других привели к диалектическому материализму Маркса. Сегодня в естественных науках опять наблюдается смена парадигмы, когда детерминизм становится не всеобщим, а локальным явлением. Естественно, что смена парадигмы должна произойти в общественных науках. Применение синергетического метода позволит получить здесь ряд новых оценок.

Синергетика отрицает ряд ключевых положений марксизма: что революция всегда является орудием прогресса; что формации сменяют друг друга поступательно, как более прогрессивные формы. Меняется само понятие прогресса. К основным его признакам относятся внедрение новых технологических процессов, позволяющих за счет увеличения энергетических связей усложнять системы и менять социальную структуру общества.

Локально замкнутые системы считаются менее прогрессивными по отношению к открытым. Соответственно синергетическим принципам предлагается другая стадийность человеческого общества: традиционное общество, где преобладает ручной труд, индустриальное общество, компьютерное общество. Но на этих стадиях характер социальных связей различен, и существует множество моделей управления. Чем больше открытых моделей, тем быстрее идет процесс самоорганизации новых прогрессивных систем.

Естественно, что изменение глобальных представлений об обществе меняет и представление о структурах общественных систем, и в том числе о кооперации. С точки зрения синергетики марксистское понятие социализма как высшей, единственно научной формации в развитии человеческого общества есть нонсенс. Одни системы вырождаются, другие развиваются, и движение это вечно. В традиционном, индустриальном, компьютерном обществах может быть множество моделей социальной гармонии, к чему и сводится определение множеств "социализмов".

Та подсистема, которая получила в СССР название "научный социализм" или административно-государственный социализм, как разновидность локально замкнутой системы, относится к тупиковым ветвям развития, ведущим к энтропии. Простейшая кооперация как детище рынка, конкуренции, многоукладности, базирующаяся на добровольности членства, экономической самостоятельности, материаль-

ной заинтересованности и т.д. есть структура открытого типа. Противоречия между принципами государственного социализма (ликвидация рынка, конкуренции, многоукладности, административный централизм в управлении, уравнительность по социальным группам в распределении) и кооперацией неминуемо должно привести к ликвидации последней. Так и случилось. Кооперация была огосударствлена и существовала только по названию. Соотношение административного плана-директивы и рынка выделяет 3 периода в истории советского общества: 1917-1921 гг. - военный коммунизм, 1922-1929 - рыночный нэп и 1929-1980-е гг. - административно-государственный социализм. Следовательно, нет смысла говорить о природе кооперации в СССР в первом и третьем периодах, т.к. она стала разновидностью государственной организации. Во втором периоде следует изучить степень огосударствления простейшей кооперации и тогда говорить о ее природе.

Самый высокий уровень кооперирования населения на Урале наблюдался до восстановления Советской власти. Это говорит о политике Временного правительства и мелкобуржуазных социалистических правительств Урала как проявлении открытых синергетических процессов. Их кооперативная политика была прогрессивна и больше соответствовала интересам крестьян.

В настоящее время синергетика получила развитие в естественных науках. В общественных науках ее методы только начинают применяться. В этом докладе многие оценки даются в первом приближении, для их обоснования не используется математический аппарат. Но главную свою задачу автор видит в привлечении внимания к новым перспективным методам познания.

М.М.Ефимкин
(Новосибирск)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РСФСР

Изучение исторического опыта жизнедеятельности общества - важная часть познания окружающего нас мира. Без знания прошлого невозможно правильно осмыслить современные процессы и, тем более, прогнозировать будущее, понять устройства человеческой цивилизации. Обращаясь к проблемам настоящего, ученые обращаются к системам незавершенным, открытым, находящимся в различных стадиях развития. Подобное обстоятельство требует от него тщательного и непредвзятого изучения, на базе прошлого и современ-

ного, диалектики соотношения различных параметров и темпов развития исследуемых объектов. Для историка в данном процессе важнейшим звеном является соблюдение основополагающего требования научного анализа общественной жизни – требования историзма. Лишь в таком случае знание опыта прошлого, обращенного в настоящее и будущее, становится необходимым условием успешного преломления его результатов в общественной практике, минимизирует влияние на нее субъективных факторов.

Стержневой проблемой изучения исторического опыта регионального развития является анализ деятельности человека по освоению территорий. Деятельность, как непрерывно изменяющаяся реальность, находит свое отражение в общественном сознании, проходит временную апробацию и получает общественную оценку, трансформируясь, тем самым, в исторический опыт. Соответственно исторический опыт есть ни что иное, как результат деятельности трудящихся масс, зафиксированный во времени и оцененный в общественном сознании. С этой точки зрения, главная задача историка состоит в воспроизведении и объяснении последовательности исторических изменений в развитии данной деятельности. Иначе говоря, ее цель – получение исторического знания и формирование на его основе конкретных представлений о тех или иных процессах. Затем, опираясь на полученное знание, в кооперации с представителями других наук, можно, по-видимому, предлагать выводы прикладного характера.

Важнейшим инструментом научного познания проблем исторического опыта регионального развития является системный подход. Достижение высокого уровня исследований сегодня возможно только с его широким использованием и применением качественно иной информационной базы. Органическое соединение анализа и синтеза, количественного и качественного в изучении социальных процессов должно опираться на более высокий информационный уровень, требующий кардинального изменения источниковой основы, методов ее формирования, изучения и интерпретации, введения широких массивов новых видов источников, создания их там, где это необходимо, и обязательного компьютерного обеспечения.

Чтобы иметь глубокое и всестороннее представление об историческом опыте советских людей в освоении и развитии восточных районов Российской Федерации, следует в первую очередь глубоко изучить их самих, как субъектов данной деятельности. Предлагаемый выше теоретико-методологический подход, позволяет выйти на более высокую фазу разработки данной темы, заключающей в себе объективное, научное освещение проблем исторической демографии в тесной

связи с уровнем социально-экономического бытия населения, проживающего на указанных территориях, его социально-классовой структуры. Особую значимость приобретает анализ и обобщение исторического опыта общественно-политической активности трудящихся Урала, Сибири и Дальнего Востока, давших в последнее время образцы организованного, массового политического движения.

Указанные темы остро актуальны и теоретически, и практически, лежат в основном русле обществоведческих усилий по выработке и созданию научных принципов организации нашего общества. Они органично вписываются в целевую научно-исследовательскую программу "Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)", которая с полным основанием может быть распространена на все восточные районы РСФСР. Их разработка позволит выяснить основные тенденции и закономерности, этапы и особенности формирования и развития населения указанных районов, его роль и опыт в их освоении, жизненный уровень и индекс политической активности с учетом требований современной жизни.

Подчеркивая общность исторических судеб, наличие многообразных и устойчивых связей между восточными районами РСФСР, давно идущий выход за региональные рамки в наших исследованиях, изучение и обобщение исторического опыта по их освоению и развитию становится задачей дня. Ее выполнение может стать тем фундаментом, который, с учетом перспектив развития академической науки в РСФСР, с ростом национального самосознания ее многочисленных народов, явится хорошей базой для создания обобщающих трудов по истории республики, не имеющей таковых по сей день. Представляется, что это не только важнейшая перспективная научная задача и долг российских историков, но и политическое требование конкретно-исторической ситуации, пытающейся осмыслить наше историческое наследие.

Л. А. Шевченко
(Киев)

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Функционирование социально-культурной инфраструктуры характеризуется как общими закономерностями, определяющими ее развитие в глобальных масштабах, так и региональными преломлениями.

Региональные различия обусловлены особенностями социально-эко-

номического развития, накопленным производственным, научно-техническим и духовным потенциалом, уровнем национального самосознания населения, демографическими процессами и т.д.

Важнейшим принципом исследования социально-культурного развития общества на различных уровнях является признание приоритета общечеловеческих ценностей мира над всеми другими, в том числе и классовыми. Это – существенная составляющая нового мышления, укрепляющая целостность и единство общечеловеческой культуры. Другими словами, единство культуры – в ее общечеловеческих устремлениях.

В то же время определяющим подходом к изучению духовных процессов должен быть учет национальной определенности каждой культуры, поскольку она выступает важнейшим гарантом будущего народа как нации. При этом несомненно, что каждая национальная культура несет в себе интернациональное, взаимодействует с другими. Так, в частности, в условиях этнического плюрализма, сложившегося на Украине, только такой подход позволяет объективно исследовать процесс развития украинской культуры, а также культур других народов, населяющих республику, вскрыть деформации в национально-культурном строительстве в республике.

Методологическим принципом анализа процессов регионального социально-духовного развития является раскрытие их реальной диалектики. Только на основе исследования как положительного опыта, так и негативных тенденций и деформаций возможны объективные оценки всех явлений и сущности регионального развития. Такой подход отражает принципиальный вывод теории марксизма-ленинизма о наличии в социалистическом обществе внутренних противоречий, не имеющих антагонистического характера.

Важнейшим фактором культурного прогресса является восприятие духовного опыта предшествующих поколений. Изучение процесса преемственности культуры – одна из задач науки о человеке, прежде всего, несомненно, истории. Диалектика развития культуры проявляется в том, что в ней органически взаимодействуют разновременные слои культурного наследия – традиции прошлых веков и инновации.

Методика исследования процесса функционирования социально-культурной сферы на примере республики предполагает комплексный подход. Он обусловлен тем, что только совокупность различных элементов (или, как принято в культурологии, отраслей) может обеспечить интеллектуальное развитие. Только функционирование всех ин-

ституты духовного производства — школ, вузов, учреждений культуры, средств массовой информации, творческих союзов — обеспечивает образовательный уровень подрастающего поколения, формирование кадров интеллигенции, развитие художественной культуры, ее воспитательный потенциал и т.д., — то есть культурный прогресс общества. Отсутствие или недостаточное развитие какого-либо элемента культурной среды существенно ограничивает возможность духовного развития человека.

Однако комплексный подход предполагает и анализ отдельных проблем. К примеру, состояния и трансформации материальной базы народнохозяйственного комплекса культуры, выявления тех тенденций, которые наметились в этом процессе: общая недооценка социальной сферы общества, обусловившая утверждение остаточного принципа в финансировании социально-культурных объектов, привела к снижению доли расходов на потребности культуры в республиканском бюджете. В результате появились серьезные деформации в совершенствовании материальной базы культуры. В свою очередь уровень социально-культурной инфраструктуры определяет жизненные условия населения, возможности для образования, удовлетворения духовных потребностей, организации досуга, то есть качество той культурной среды, которая определяет формирование духовного облика личности.

Г.М.Макиевский, В.Н.Севастьянов
(Красноярск)

ОБЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Материальные основы строительства социализма создаются, как утверждали классики марксизма-ленинизма, прогрессом капиталистической экономики, обобществляющей производство и труд на базе машинной техники. История распорядилась иначе. Социалистическая революция победила в России, стране относительно слабого развития капитализма, которую отличали вопиющие диспропорции в размещении производительных сил. Концентрация индустрии в нескольких центральных районах резко контрастировала с ее мизерным присутствием на окраинах, особенно в Азиатской России.

Практический опыт в сочетании с теоретическим анализом выявил два альтернативных направления развития советского общества; плюрализм собственности, использование товарно-денежных отношений, демократизацию управления на рельсах новой экономической

политики, с одной стороны, и полное огосударствление экономики, превращение товарно-денежных отношений в планово-денежные отношения в планово-принудительные, установление жестко централизованной командно-административной системы управления, с другой. Степень зрелости экономических и социально-политических отношений, кадровый потенциал, уровень культуры народа были таковы, что определили перевес второго варианта, который полностью утвердился в начале 30-х гг.

Это был первый в истории опыт обобществления экономики на основе централизованного государственного планирования и директивного управления. Предельно высокая степень концентрации материальных и финансовых ресурсов, централизованное распределение значительной части специалистов и квалифицированных рабочих, энтузиазм авангарда трудящихся увенчались историческими достижениями. На протяжении 30-х гг. произошла решительная ломка отраслевой и территориальной структуры промышленности. Была создана современная тяжелая индустрия, приоритетные позиции заняли машиностроение и оборонное производство. В основном удалось преодолеть стадийное отставание от развитых капиталистических стран. Советский Союз получил надежный экономический фундамент для победы в Великой Отечественной войне, а впоследствии для преодоления атомной монополии США и штурма космических высот.

Главные сдвиги в географии промышленности выразились в ее продвижении на восток. Урал, Сибирь, Дальний Восток дали прописку гигантским предприятиям добывающих отраслей промышленности, металлургии, энергетики, машиностроения, химии. К концу 30-х гг. большая индустрия страны дошла до Кузнецкого меридиана, послевоенные десятилетия включили в ее орбиту ТПК Ангаро-Энисейского района. Ранее чисто сельскохозяйственные районы обрели отчетливый индустриальный облик.

Установившаяся в стране монополия власти и собственности дала мощный импульс росту тяжелой промышленности. Однако этой системе имманентно присуща низкая эффективность, которая нарастала вместе с увеличением объемов производства. Диктат центра, политика игнорирования требований закона стоимости, ограничение товарно-денежных отношений неотвратно вели к подрыву материальной заинтересованности трудящихся, препятствовали их участию в управлении производством. Односторонняя ориентация на экстенсивный рост при независимости производителя от потребителя стали непреодолимым тормозом научно-технического прогресса. Отсутствие

горизонтальных экономических связей вело к обособлению отраслей и предприятий, наносило ущерб разделению труда, особенно подетальному и технологическому. Возрастало число предприятий-гигантов с большим вспомогательным производством, плохо поддающегося механизации. Усиливалась дифференциация в сфере материального производства: между промышленностью и сельским хозяйством, предприятиями групп "А" и "Б". Превратилось в норму хроническое отставание инфраструктурных отраслей и всей социальной сферы.

Отрицательное воздействие монополизма центральных органов особенно проявилось на региональном уровне. Возглавив создание индустриальных центров, набравшие силу министерства и ведомства не смогли обеспечить их рациональное функционирование. Комплексность региональной экономики превратилась в недостижимый идеал. Регионы не являлись объектами целостного планирования и управления. Их планы являлись лишь сводкой отраслевых, составленных в технократическом ключе, оторванных от социальной действительности. Ведомства действовали в соответствии с собственной выгодой: получить максимум ресурсов с минимальными издержками, экономя на социальной сфере и природоохранных мероприятиях. Силы обновления зрели на протяжении многих лет. В урбанизированном обществе с многозвеневой системой общего и специального образования, армией специалистов всех профилей, в том числе громадным отрядом ученых, складывался работник нового типа, неприемлющий социального диктата, ориентированный на творческий труд, на самоконтроль, на саморегулирование. Научные изыскания 60-80-х гг., развивая и конкретизируя идеи В.И.Ленина, выдающихся ученых 20-30-х гг., раскрыли гигантские возможности, которые таятся в обобществлении экономики на региональном уровне. Признанным лидером исследований выступил Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР (академики А.Г.Аганбегян, Т.И.Заславская, д.э.н. М.К. Бандман и др.). Сибирская школа ученых обстоятельно доказала, что в процессе обобществления экономики стрелы возрастают роль региональных подсистем. Специфика естественно-исторических и демографических факторов такова, что она не только не уходит в прошлое, но приобретает все большую значимость. Строительство комплексной региональной экономики с учетом природных ресурсов, климатических условий, экологических требований, исторических традиций и навыков населения, его квалификации открывает путь к

постоянному наращиванию вклада в общесоюзную экономику. Только региональный комплекс позволит целеустремленно и последовательно решать социальные проблемы, дать простор свободному развитию личности, формировать подлинную коллективность, которая выступает глубинным преимуществом социализма.

Неоднократные попытки местных властей добиться комплексного роста региональной экономики, создать полнокровные территориально-производственные комплексы не увенчались успехом. Симптоматичен пример Красноярской десятилетки на 1971-1980 гг. План был рассчитан на комплексное социально-экономическое развитие края путем рачительного высокопроизводительного использования его природных ресурсов, внедрения новейшей технологии. Пропагандистская шумиха звучала немало лет, а провал обнаружился без малейших промедлений. Ведомства развеяли в прах все надежды на комплексность, на решение социальных проблем. Провал Красноярской десятилетки прозвучал сигналом безнадежности частичных изменений в координатах монопольного централизованного управления.

Практика регионального обобществления с ее достижениями и провалами подвела к выводу о необходимости революционных изменений в сфере собственности и отношений власти. Настало время пересмысления и творческого использования опыта НЭПа, особенно товарно-денежных отношений, а также всестороннего анализа опыта регионального управления, накопленного человечеством.

Л. Е. Репида
(Кишинев)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ СССР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В последние годы идет интенсивная переоценка прежних концепций истории советского общества. Однако зачастую этот процесс носит преимущественно односторонний характер. Допускается отход от принципов историзма - комплексного, глубокого анализа всей совокупности факторов, отражающих диалектическую противоположность, многообразие процесса развития общества. Нередки попытки перечеркнуть все по-настоящему ценное в нашем историческом наследии, в нашем социалистическом выборе. Ссылка на то, что о достижениях и так много сказано, не является действенным аргументом. Объективная оценка прошлого необходима для

правильного понимания современной ситуации в стране и прогнозирования ее дальнейшего развития.

Анализируя исторический процесс на материалах Западного региона и в частности ССР Молдавии, имеющей много общих черт со всем регионом, нами выделены для рассмотрения проблемы наиболее значимые в исторической ретроспекции и решении современных задач. Среди них проблема юго-западной границы СССР и бессарабский вопрос. Сегодня делаются попытки увязать освобождение Бессарабии, воссоединение молдавского народа и образование союзной Молдавской ССР в составе СССР с советско-германским договором 1939 года. Однако эти события имели гораздо более голубые корни. Историческая действительность такова, что еще в первые годы советской власти коммунистическая партия и советское правительство выступили за мирное решение бессарабского вопроса. Другими словами, на протяжении многих лет последовательно проводилась линия на освобождение Бессарабии от боярско-румынской оккупации мирным путем. Так оно и произошло в 1940 году в результате революционной борьбы трудящихся края и усилий Советского государства.

Социалистическое строительство в республиках и областях, позже вступивших на путь социализма, имело существенные преимущества. В то же время этот вопрос осложнился войной и гитлеровской оккупацией, огромным материальным ущербом, гибелью многих активных участников революционного движения и социалистического строительства, деструктивной деятельностью буржуазных националистов. Оккупанты стремились разобщить трудящихся разных национальностей, отравлять сознание буржуазным национализмом и шовинизмом. Идеи обособленности и вражды наций насаждались особенно среди молодежи.

Коммунистическая партия противопоставляла этому идеи пролетарского, социалистического интернационализма, революционного братства народов, общности коренных интересов трудящихся всех национальностей, объединения усилий народов страны в победе над врагом и преодолении послевоенных социально-экономических трудностей.

В западном регионе СССР одновременно с восстановлением народного хозяйства осуществлялись социалистическая индустриализация, переустройство сельского хозяйства, культурная революция. Важную роль в успешном осуществлении этой программы сыграли: опора на индустриальную базу страны; помощь, которую оказывали союзное

правительство и республики районам, подвергавшимся фашистской оккупации; сотрудничество советских республик, сложившееся в годы социалистического строительства. В историографии эти процессы рассматриваются объективно, с точки зрения темпов развития народного хозяйства, изменения социально-классовой структуры, оказанной помощи ЦК ВКП/б/, правительством и союзными республиками. Менее освещены или вовсе обойдены негативные явления, ошибки, просчеты и другие явления, порожденные авторитарно-бюрократическими деформациями, попранием социалистических принципов.

Формы и методы проведения социалистических преобразований в новой ситуации не всегда были обоснованы. Здесь были повторены ошибки 20-30-х гг. Значительно сильнее сказались репрессии, от которых страдала интеллигенция, и чаще всего простые труженики - крестьяне, колхозники, единоличники, многие из которых были неграмотные и малограмотные, политикой не занимавшиеся. Проявленные подозрительность и недоверие к местному населению, даже к коммунистам, нанесли серьезный урок росту национальных кадров и духовной культуре народов, привели к массовым необоснованным жертвам. Если учесть, что вслед за аграрной реформой последовала война, затем засуха, неурожаи 1945-1946 гг. и голод 1946-1947 гг., то следовало бы применить более дифференцированные меры и по отношению к кулацким хозяйствам.

Анализ многочисленных и разносторонних источниковых данных показывает, что экономический и социальный прогресс регулировался коммунистической партией и Советским правительством. В условиях помощи и взаимопомощи Советской федерации произошла ликвидация фактической отсталости Правобережных районов, быстрое наращивание экономического и культурного потенциала Молдавии, сближение со средними общесоюзными показателями в уровне развития материально-технической базы, образования и культуры населения. Сдвиги могли бы быть и более существенными при максимальном учете местных условий, более гибком проведении политики финансовой, материальной, кадровой помощи республики. Массовые репрессии в 40-х гг., чрезмерная специализация народного хозяйства в последующем вызвали перекосы в миграционных процессах, привели к усложнению межнациональных отношений.

Обобщение опыта развития Молдавии за годы Советской власти позволяют сделать вывод, что при изучении истории социалистического строительства и особенно межнациональных отношений необходимо сравнивать уровень политической, экономической, эстетической,

нравственной культуры различных национальностей, классов, социальных групп и слоев населения. Это позволит более предметно определить назревающие проблемы, прогнозировать наиболее оптимальные пути развития республик, регионов, сближение наций и народностей страны на пути подлинной интернационализации советского общества.

Л.Н.Корякова, А.Ф.Шорин
(Свердловск)

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ УРАЛА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ДРЕВНОСТИ

Предметом изучения является деятельность общества по освоению и использованию природного потенциала региона в древности и средневековьи до прихода на Урал русских, а в его северных районах – вплоть до современности. Исходной посылкой при этом служит признание того, что адаптационные и преобразовательные возможности человеческой деятельности в древности реализуются прежде всего в создаваемой обществом культуре.

Зарождение и развитие культуры народов Урала происходило на основе взаимодействия различных факторов, из которых доминирующим был фактор материального производства, тесно связанный с природным и на ранних стадиях практически полностью совпадающий с аграрной сферой. История Урала и прилегающих к нему территорий в древности – это, главным образом, история деятельности сельского населения, несмотря на довольно раннее возникновение там индустриальных отраслей (горного дела, металлургии и т.д.).

Географическое положение Урала, занимающего с одной стороны, несколько различных природно-ландшафтных зон от тундры до сухих степей, с другой, являющегося зоной контакта между культурами Европы и Азии, обусловило чрезвычайное разнообразие хозяйственно-культурных традиций, выработанных народами этого региона, которые и требуют серьезного научного анализа. Обобщая опыт аграрного развития, очень важно понять не только преобразовательную, но и этническую природу этих традиций. Взаимодействие факторов географического и этнического разнообразия нашло свое выражение в сложении на Урале и в связанных с ним районах богатого комплекса хозяйственных структур, ориентированных на приоритет аграрной сферы деятельности. Специфика этих структур во многом зависела от степени развития производящих или присваивающих отраслей

хозяйства, или же от их сочетания.

В органическом единстве с аграрно-производственной деятельностью древнего поселения находилась его культура жизнеобеспечения, включающая такие компоненты, как системы местообитания, домостроительства, питания и т.д. Она лежит в основном в материальной сфере, но ее соционормативный пласт отражает ряд аспектов духовной культуры.

Изучение культуры жизнеобеспечения важно не только потому, что в ней находят самое непосредственное отражение народные традиции, но также и потому, что она самым прямым образом проецируется на материальную культуру, лучше всего сохранившуюся в археологических источниках.

Актуальность исследования аграрной сферы определяется не только необходимостью углубления наших знаний о закономерностях развития экономики и культуры, но и практическим интересом к народному опыту с целью использования его в современной жизни.

Таким образом, в основу исследования должно быть положено изучение хозяйственно-культурных типов и структур, складывавшихся в Уральском регионе в древности и базирующихся на аграрных отраслях. Необходимо выявить динамику, факторы и направление их развития, а также специфику в различные исторические эпохи. Очень важен, с точки зрения обобщения исторического опыта, анализ производственных и связанных с ними культурных традиций, в которых отражается эта специфика.

Решение обозначенных выше задач сопряжено с целым комплексом проблем, которые, в силу специфики древней истории, могут быть реализованы в двух основных аспектах: источниковедческом и содержательном.

Источниковедческие предпосылки изучения аграрной деятельности древних народов Урала заключаются в создании системы непротиворечивых фактов, полученных в результате комплексных работ на уровне междисциплинарных исследований. Они станут основой реализации тематики содержательного уровня.

Основополагающая из проблем содержательного уровня - комплексная проблема "Древние хозяйственно-культурные типы и структуры Урала и сопредельных территорий, основанные на приоритете аграрной сферы (Опыт исторического развития)". Эта проблема может решаться через раскрытие отдельных конкретных тем (направлений) исследования.

Одна из них включает изучение традиций присваивающей экономики, сложившейся на Урале вместе с его освоением человеческими кол-

лективами и сохранившейся в отдаленных районах вплоть до современности.

Тематика этих работ охватывает не только проблемы развития присваивающей экономики как системы (применительно к эпохам камня и таежно-тундровым территориям), но и проблемы истории ее отдельных отраслей, их соотношения с производящим хозяйством, влияния на культуру и духовную жизнь населения.

Другое направление включает проблемы исследования производящей экономики в ее динамике и этно-географической изменчивости, в частности проблемы становления и начальных этапов развития производящего хозяйства в Уральском регионе. Эти проблемы практически не изучены и требуют рассмотрения следующих конкретных тем:

- время проникновения производящего хозяйства в регион;
- исходные центры и пути распространения скотоводства и земледелия на Урал и в сопредельные территории;
- проблема автохтонного развития некоторых производящих отраслей, возможности и результаты;
- предпосылки и этапы проникновения производящего хозяйства в различные природно-ландшафтные зоны Урала;
- возможности и механизмы воздействия скотоводов и земледельцев на природные условия Урала. Культурно-хозяйственные трансформации и стереотипы, отражение их в археологическом материале;
- формы перехода к скотоводству и земледелию, локально-хронологические особенности;
- Урал в системе контактов обществ с различной хозяйственной ориентацией.

Н. А. Миненко
(Свердловск)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В XVI – XIX ВВ.

В основу периодизации деятельности общества по наращиванию сельскохозяйственного потенциала страны в целом и отдельных ее регионов должны быть положены качественные изменения в характере и уровне регуляции этой деятельности, структурном соотношении регулирующих институтов и факторов. В особый этап необходимо, в частности, выделить период господства в аграрном производстве трудовых традиций – приемов и навыков, выработанных многолетней практикой поколений. Именно трудовые традиции, а также

механизм их межпоколенной и пространственно-территориальной трансляции должны быть в центре внимания исследователя, обратившегося к аграрной истории Урала XVI-XIX вв.

Необходимо учитывать, что в процессе массового переселения носителей агрокультуры на новые территории (в том числе на Урал) происходила тотальная ревизия традиционной сельскохозяйственной технологии, поскольку ее важнейшей особенностью являлась преимущественная ориентация на локальные природно-климатические условия. Важнейшие рубежи в процессе колонизации уральского региона следует, таким образом, рассматривать в качестве заметных вех и в истории его аграрного развития.

Обновление старых и формирование новых производственных традиций в условиях уральского региона происходило, как в результате культурного обмена аборигенного населения и переселенцев, различных групп внутри этих общностей, так и инициативной деятельности отдельных труженников, семей, деревенских коллективов, частных владельцев. Соотношение этих факторов не могло не меняться под влиянием перемен в природной среде, этно-демографической ситуации, социальных отношениях, политике властей, уровне товарности производства и пр. Выявление общей тенденции изменений и конкретной их картины - необходимое условие раскрытия специфических закономерностей развития региональной агрокультуры.

Сельское "рационализаторство" на Урале, в свою очередь, питалось из двух главных источников - внутреннего и внешнего. При этом, под первым подразумевается комплекс эмпирических природо-хозяйственных знаний труженников, обогащающийся в ходе производственной деятельности, экологических наблюдений, внутриобщинных и межобщинных контактов; под вторым - достижения отечественной и зарубежной науки (в области агрономии, зоотехники, ветеринарии, лесоводства и пр), которые активно воспринимались на Урале уже в первой половине XIX в. обстоятельное рассмотрение этого вопроса позволит полнее выявить многообразные слагаемые сельскохозяйственного опыта, накопленного в регионе к концу XIX в.

При изучении истории аграрного освоения Урала должны быть учтены особенности структуры его экономики. Понять всю специфику этой истории невозможно без анализа взаимоотношений сельского хозяйства и промышленности, их эволюции на протяжении XVII-XIX вв. Сама периодизация аграрной истории региона оказывается зависимой от периодизации его индустриального освоения. Все это доказывает необходимость параллельного развертывания работ по реализации тех заданий, которые сформулированы в "экономическом" разделе

целевой программы "Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)".

Многие элементы традиционной агрикультуры России, как отмечалось в научной литературе, представляют практический интерес для решения проблем современного сельского хозяйства. Задача исследователя аграрной истории Урала – выявить положительный потенциал местного народного опыта.

В.М.Суринов
(Москва)

НАРОДНЫЙ ОПЫТ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ НАУКА

Земледельческое освоение Урала и Западной Сибири изначально было сопряжено с разработкой новых приемов и методов ведения хозяйства. Для русского земледельца с его сложившимися навыками организации производства в Европейской России региональные особенности новых мест являлись экстремальными. Можно выделить ряд параметров, которые исключали прямое адаптирование. Это – низкие температуры, продолжительность зимнего периода, оттели, непривычная флора и фауна вредителей и сельскохозяйственных растений ("березка", кобылка и др.). Все это порождало необходимость вносить серьезные коррективы в агротехнику, в системы землепользования.

Крестьянский опыт ведения хозяйства в новых условиях нарабатывался в течение многих десятилетий и даже веков в относительно замкнутой среде земледельческих сообществ. Он имел исключительную ценность. Земледелец отобрал высококачественную пшеницу (твердые и сильные сортоотыпы), выделил высокоценные по жиромолочности породы скота и т.д. Однако замкнутость крестьянского мира, недостаточная грамотность лимитировала возможности в обобщении собственного и использования чужого опыта.

Между тем, экономическое развитие региона к концу XIX в. настоятельно требовало не только обобщения опыта крестьян, но и его научной интерпретации. Это могло быть осуществлено только через использование высококвалифицированных специалистов. В связи с этим на Урале и в Зауралье стали формироваться земские и правительственные агрономические службы. Источником их комплектования, как правило, были выпускники Петровской Земледельческой и Лесной Академии (П.Н.Соковнин, В.Н.Варгин, И.И.Барсуков, Н.Л.Скалозубов и

др.). Учебный процесс этого учебного заведения был ориентирован, прежде всего, на обслуживание интересов и запросов крестьянского хозяйства. Поэтому в регионах, где основным потребителем агрономического знания выступало крестьянство, создавался режим наибольшего благоприятствования для их деятельности. Пермская губерния явилась колыбелью формирования службы земских агрономических смотрителей. В Красноуфимске функционировало сельскохозяйственное отделение промышленного училища, которое называли филиалом Петровской Академии.

Важным моментом в формировании условий работы представителей первых агрономических служб России, созданных в Уральском регионе, являлось то обстоятельство, что Петровская Академия в глазах правительственных кругов была известна как "гнездо крамольников". Это порождало "подозрения" у местных властей, которые приводили к периодическим разгромам агрономических служб. Это, естественно, сужало возможности в освоении агрономического знания населением. Тем не менее первые земские и правительственные агрономы провели большую работу по вторичному сельскохозяйственному освоению Урала и Зауралья. Им были составлены фундаментальные труды о состоянии экономики края, сформированы концепции перспектив его развития, созданы научно-исследовательские учреждения и школы, многие из которых продолжают функционировать и в настоящее время.

Комплексное изучение формирования агрономических служб на территории Урала и Зауралья представляет особый интерес и с позиций сегодняшнего дня. Его изучение дает возможность глубже понять механизм взаимодействия между наукой и опытничеством, особенности потребления агрономического знания в конкретных социально-экономических условиях.

В. Н. Ратушняк
(Краснодар)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АГРАРНЫХ ОКРАИН ПЕРЕФОРМИРОВАННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА)

Советские историки проявляют повышенный интерес к исследованию аграрно-капиталистической эволюции окраин дореволюционной России. Позитивные результаты, достигнутые в этом направлении, не снимают с повестки дня вопрос о постановке новых задач, развитии методов изучения данной проблемы, решении ряда принципиальных во-

ментов методологического характера.

Капиталистические аграрные отношения на Северном Кавказе в пореформенный период истории расценивают неодинаково. Одни из них видят лишь направление развития, ведущую тенденцию в социально-экономической эволюции края, обычно без конкретного определения уровня этого развития на том или ином хронологическом этапе. Другие считают, что на рубеже XIX и XX вв. произошло утверждение аграрно-капиталистических отношений в форме адекватного общественно-экономического уклада. Причем понятийный аппарат последнего ими не раскрывается.

Между тем, задача состоит в том, чтобы "нащупать" основные этапы развития капитализма в сельскохозяйственном производстве. Методологические подходы к этому апробировались давно, но комплексное применение их к аграрным регионам дореволюционной России еще ждет специальной научной разработки. Очевидно, что только на конкретной исторической фактуре можно определить те важнейшие критерии, которые могут стать оценочными при характеристике степени аграрно-капиталистической эволюции региона.

Это, прежде всего, выяснение роли и масштабов крестьянской колонизации края при исследовании соотношения развития капитализма вширь и вглубь, трансформация сельского хозяйства, уровень капиталистической специализации и соотношение экстенсивного и интенсификационного производства, формы применения наемного труда и возможности его рекрутирования, стадии социально-экономического расслоения крестьянства, изменение и соотношение форм и видов капитала, в первую очередь переменного и постоянного, условия реализации сельскохозяйственной продукции, уровень ее товарности и пр.

Созревание капитализма в недрах феодальной общественно-экономической формации еще не означает полного исчезновения последней. Поэтому важно отличать два этапа в развитии капитализма: его генезис и период утверждения как общественно-экономической формации. В период становления капитализма вначале появляются зачатки будущей формации как спорадические явления нового, затем капиталистический уклад, как определенный тип целостной системы производственных отношений, который разлагает старую формацию вплоть до утверждения и победы новой капиталистической формации. На различие между этими двумя этапами эволюции капитализма неоднократно указывал К. Маркс.¹

Уровень развития капитализма тем выше, чем больше товарную форму принимают не только продукты труда, но и сам труд. Своеобразные процессы наблюдались в этом отношении в горских аулах Северного Кавказа. Развитие капитализма вширь на территории полного преобладания мелкого парцелльного производства горских крестьян приводило к тому, что даже при минимально низком уровне личного потребления горских бедняков простое воспроизводство в большинстве подобных хозяйств осуществлялось с величайшим трудом. Однако, подчиняясь новым экономическим условиям развития, эти хозяйства вынуждены были отдавать на рынок чаще всего в виде арендной платы или ростовщического процента часть своего необходимого продукта, что приводило к еще большему обеднению горского крестьянства.

В отдельных горских районах беднота составляла до 60–80% всех крестьян. Однако только на этом основании неправомерно делать вывод о значительном уровне развития капитализма в этих районах края. Ибо на другом полюсе горского аула капиталистически поставленных хозяйств было обычно немного (иногда не более 3%), а, следовательно, и не было соответствующего потенциальным возможностям бедноты спроса на рабочую силу. Между тем, известно, что лишь с вступлением в процесс труда как наемной рабочей силы ее носители становятся объектом капиталистической эксплуатации, становятся частью капитала.

Рекрутирование наемных рабочих из разоренного крестьянства в процессе развития капитализма постепенно возрастало и приобрело необратимый характер. Этому способствовал рост местной кулацкой верхушки и возможность уйти на заработки в капиталистически более развитые аграрные районы и промышленные центры. Крестьянский отход на заработки вовсе не означал наличие высокоразвитого капитализма в местах выхода, как об этом пишут некоторые историки, скорее наоборот, это явление говорило о недостаточном его развитии, хотя и сравнительно высоком, чем в местах, где не было еще такой массы обедневших крестьян, вынужденных искать заработки на стороне.

Требуют конкретно-исторического исследования и теоретического осмысления также характер даровой родственной помощи бедняков горским верхам в период капитализма, роль центра в аграрно-капиталистическом развитии окраин, взаимовлияние и соотношение развития капитализма вширь и вглубь.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 26. Ч. 3. С. 516; и др.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

Однотипность социально-экономической и классовой структуры, производственных отношений и методов эксплуатации наемных рабочих, политических и правовых институтов капиталистических государств во второй половине XIX – начале XX в. обусловили сходство в экономическом и политическом положении рабочих отдельных стран и регионов, в способах борьбы рабочего класса. Вместе с тем, в различных странах и даже в отдельных регионах одной страны рабочий класс имел свои особенности, вызванные социально-экономическими, политическими, географическими и историческими условиями его формирования и развития.

Большое значение исследованию региональных особенностей местных отрядов рабочего класса придавали классики марксизма. К. Маркс глубоко обосновал положение, что стоимость рабочей силы, кроме физического элемента – необходимых для рабочего жизненных средств, – включала исторический и моральный элемент, который зависел от культурного уровня жизни, сложившихся исторических традиций и "между прочим, в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих"¹. Он неоднократно отмечал особенности пролетариата разных стран, вызванные местными социально-экономическими и политическими условиями. Ф. Энгельс, освещая положение рабочего класса в Англии, выделил несколько регионов, в которых условия жизни имели существенные отличия². Он подчеркивал, что помимо социально-политических факторов, важное место имели внешние условия жизни рабочего класса. В письме А. Бебелю от 18–23 марта 1875 г. Ф. Энгельс писал: "Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин"³.

В. И. Ленин отметил, что для того, чтобы "полнее и точнее" представить рабочее и социал-демократическое движение в целом, необходимо установить "численность, состав, распределение и другие

особенности местного пролетариата (промышленного, торгового, кустарного и т. д., может быть также и земледельческого)"⁴. Всестороннее проанализировав общественно-экономический строй пореформенной России, он выделил несколько регионов, рабочие которых отличались определенными особенностями, дал глубокие социально-политические характеристики рабочим Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Центрального промышленного района, Юга России, Урала и других промышленных районов страны.

Советские историки (К.А.Пажитнов, М.С.Балабанов и др.), разработывая марксистскую концепцию истории российского пролетариата, уже в 1920-х гг. предприняли первые попытки выявить типичное и особенное в формировании, составе, положении и борьбе рабочих отдельных промышленных регионов страны, установили некоторые специфические черты в составе и положении рабочих Петербурга, Центрального промышленного района, Юга России, Кавказа. Однако в дальнейшем, в 1930-х - первой половине 1950-х годов, с распространением в нашей исторической науке догматизма и субъективизма, события на местах в большинстве работ стали рассматриваться лишь в качестве иллюстрации к господствовавшим в то время официальным общероссийским схемам, представляться как отголоски на происходящее в центре.

Вместо исследования на конкретно-историческом материале своеобразия процесса формирования и развития региональных отрядов пролетариата, историки стали подгонять факты под общероссийские схоластические конструкции. Некоторые исследователи в те годы стали вообще отрицать существование у рабочих отдельных регионов каких-либо различий.

Начавшееся со второй половины 1950-х - начала 1960-х годов, после XX и XXII съездов КПСС, преодоление в общественных науках догматизма и схематизма, сопровождалось обстоятельным исследованием исторических событий на местах, появлением обобщающих трудов и монографий, посвященных истории рабочего класса отдельных регионов страны. В 1972 г. в Ростове-на-Дону состоялась научная сессия на тему "Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ", которая привлекла внимание исследователей к изучению общего и особенного в истории региональных отрядов российского пролетариата, усилила интерес к разработке методологии и методики рассматриваемой проблемы. Однако наметившийся в 1970-х - начале 1980-г годов, в период застоя, возврат к догматизму и схематизму, снизил результативность предпринимаемых усилий.

Несмотря на то, что к настоящему времени накопился значительный по объему конкретно-исторический материал о формировании, численности, составе, положении и борьбе рабочих различных регионов страны, правда, не всегда сопоставимый, до сих пор остаются слабо исследованными многие проблемы, решение которых позволило бы более глубоко выяснить региональные особенности отдельных отрядов российского пролетариата.

Наиболее важные из них: характер и содержание технической революции второй половины XIX – начала XX в., ее социальные последствия; соотношение экстенсивных и интенсивных путей развития производства; специализация и производительность труда; взаимодействие научно-технического и социального прогресса, влияния уровня технического оснащения предприятий на степень профессиональной подготовки рабочих; воздействие изменений в техническом оснащении предприятий, производственном процессе и технологии на размеры заработной платы, продолжительность рабочего дня в целом на жизненный уровень рабочих, на развитие грамотности и культуры; формирование в период капитализма на предприятиях трудовых коллективов, рабочих династий, складывание трудовых и революционных традиций.

Более глубокое и всестороннее, комплексное изучение региональных особенностей отдельных отрядов российского пролетариата позволит: более тщательно изучить своеобразные черты местного пролетариата; полнее и точнее, во всем многообразии представить ход социально-экономического и политического развития страны; исследовать исторический опыт формирования производственных коллективов и трудовых традиций рабочих, истоки их трудолюбия, мастерства, творческого отношения к труду; извлечь полезные для нас уроки.

Примечания:

- 1 Макс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.182.
- 2 Там же. Т.2. С.243-248, 256-257, 261-262.
- 3 Там же. Т.34. С.104.
- 4 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.7. С.74.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ УРАЛА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом региональных исторических исследований являются события и процессы, происходящие на региональном уровне в различные эпохи. Однако их цель не ограничивается анализом территориальных процессов как таковых. Региональные исследования должны дать ответ, как общие исторические закономерности проявляются на локальном уровне, каким образом национально-исторические процессы определяли основные тенденции регионального развития, как местные события влияли на развитие всемирной истории.

Что касается исторического опыта, то это активное воздействие людей на окружающую их среду и на общественные отношения. Отсюда вытекает и задача историков-аграрников: исследование путей, форм и методов сельскохозяйственного освоения территории. Успешное выполнение этих задач требует прежде всего углубления методологических подходов к их постановке и решению, выработки адекватных этим задачам способов исследования исторической реальности. При этом следует подчеркнуть, что ни постановка самых актуальных проблем, ни расширение доступа историков к новым материалам без повышения теоретико-методологического уровня исследований не приведут к существенным сдвигам в развитии исторической науки.

Основным понятием объектом исследования при изучении сельскохозяйственного освоения является аграрный потенциал в его развитии. Для построения его модели следует вычлениить основные сферы аграрного потенциала. Среди них – процесс сельскохозяйственного производства, состояние производственной инфраструктуры отраслей, обслуживающих сельское хозяйство, уровень социального развития села. Следует определить условия и характер их взаимодействия, изучить структуру и механизм функционирования, разделить данные сферы на блоки, выявить связь между ними. Это предполагает решение следующих научных задач:

1) исследование объективных потребностей развития сельскохозяйственного производства на различных исторических этапах. Решение этой проблемы предусматривает анализ тенденций, механизма разработки и реализации аграрной политики. Следует показать формирование системы руководства аграрным сектором народного хозяйства. При этом следует учитывать, что полезными для современности чаще

оказываются принципы и методы при решении тех или иных задач в прошлом, а не достигнутые при этом результаты как таковые. Важным для изучения исторического опыта является выявление альтернативных вариантов исторического развития. Это позволит лучше изучить то, что произошло;

2) важной задачей является выявление итогов и результатов развития аграрного потенциала. Следует показать их соответствие целям и потребностям общества, выявить усилия, затраченные при решении определенных задач, соотнести их с теми результатами, которые были достигнуты. Т.е. получить оценку результатов исторической деятельности с позиций приложенных усилий. Сопоставление итогов следует непосредственно связать с оценкой сложившегося механизма реализации целей в сфере аграрного производства;

3) потенциал аграрной сферы охватывает не только сельское хозяйство, но и промышленность, строительство, транспорт. Представляется необходимым исследовать условия, структуру, этапы, тенденции развития звеньев производственной инфраструктуры сельского хозяйства и агропромышленной интеграции (сельскохозяйственное машиностроение, МТС, "Сельхозтехника", предприятия по заготовке и переработке сельхозпродукции, производству минеральных удобрений, мелиорации и т.д.), без чего не может осуществляться процесс сельскохозяйственного производства;

4) следует определить факторы, тенденции и этапы развития социальной инфраструктуры села, выявить динамику совокупных материальных услуг и благ, получаемых сельским населением, обеспеченность жильем; описать и проанализировать процесс материального потребления сельчан с нормативными и достигнутыми в городской местности, выявить влияние социальной сферы на уровень сельскохозяйственного производства. Последнее требует установить связь между качеством труда работников сельского хозяйства, экономической эффективностью производства и состоянием социальной инфраструктуры;

5) особое внимание должно быть уделено анализу общественного сознания крестьянских масс в его идеологических и социально-психологических формах, поскольку именно здесь находятся многие долговременные факторы исторического развития.

Освоение Урала — длительный период и необходимо учитывать специфику разных народов и целых эпох. Сохраняется представление, что практическое значение имеет лишь тот опыт, который можно почерпнуть из недалекого прошлого. Отсюда концентрация усилий на

изучении советского общества и прежде всего его последних десятилетий. Однако много полезного можно почерпнуть и из истории досоветского периода. При этом основные усилия следует направить на исследование механизма реализации целей экономического развития, соотношение их с итогами этого развития, извлечение позитивного и негативного опыта, выработку на его основе рекомендаций для современной социальной практики.

А.Ф. Тимофеев
(Омск)

ПРИНЦИПЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В сфере социальных отношений новое видение социализма, нарастающее разнообразие жизни и дифференциация общества по-новому ставят проблемы ретроспективного анализа, прогнозирования и моделирования социальных процессов, социализации человека. Еще К.Маркс указывал, что коммунизм это не идеал и не состояние общества, а реальное его самодвижение по освобождению человека, устраняющее его прежнее состояние: эксплуатацию и угнетение.

Конкретно-исторический подход к развитию общества должен основываться на следующих принципах.

Принцип взаимодействия экономики и социальной сферы. Критерием социализма не может стать экономическая эффективность, а только социализация личности на принципе справедливости. Экономика может стать только социальной. Все управление производством должно исходить из реальных социальных программ. Необходима полная, всеобъемлющая социальная экспертиза любых хозяйственных решений.

Принцип соединения труда и собственности. Человек потому труженник, что он собственник. И потому собственник, что он труженник. Сам процесс производства должен подсказать ему форму собственности: общенародная, кооперативная, собственность учреждения и организации, индивидуальная собственность, семейная, частная собственность. Между этими формами собственности должна существовать не только рыночная, связь, но и непосредственно – организационная, финансовая, распорядительная.

Принцип демократизации и самоуправления народа. Старые требования "участие трудящихся в управлении" и "воспитание чувства хозяина" несовместимы с социализацией личности работника, труженника. Требуется полное управление со стороны народа – и обществом

в целом, и отдельными его ячейками, и превращение каждого индивида в реально хозяйствующего субъекта - в экономике, производстве. По мнению Ленина, полный социализм невозможен без полной демократии - власти народа посредством самоуправления народа.

В моделировании социальных процессов требуется новое осмысление принципов, норм и структурных элементов современного общества. Совокупность принципов ("каждому - по труду", "равенство", "гласность", "демократия", "социальная справедливость") должны определять структурные элементы социализма ("собственность", "плановость", "централизм"), а не наоборот.

Главный критерий - человек труда. Отношение общества к человеку - важнейший социалистический критерий. Речь идет об отношении не к абстрактному человеку, а именно к человеку труда. Формула Маркса "освобождение труда" предполагает освобождение от эксплуатации и угнетения. Эксплуатация - это чисто экономическое отношение, и она невозможна без личной свободы, полной юридической независимости работника от капиталиста. Угнетение - это присвоение воли одного человека другим, ограничение личных прав и свобод гражданина. Последовательное освобождение от гнета и эксплуатации - вот формула движения социального прогресса.

Принцип "работы на себя" - реальная возможность труженика свободно выбирать то, где и как приложить свою рабочую силу, способности, профессиональную квалификацию независимо от воли и желания работодателей - главное условие решения этого принципа. Выбор не за работодателем, а за самим работником. "Работа на себя" в нашем понимании - это стремление лучше жить, быть самостоятельным, независимым, свободной личностью, это реализация возможности раскрыть свой творческий и трудовой потенциал. Реализация этих принципов - методологический ключ к современному социальному развитию.

Э.Г.Истомина
(Москва)

ЭКОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ГОРОДОВ: НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И МЕТОДИКА

Выявление различных аспектов взаимодействия человека и природы, историко-экологическая оценка состояния и направленности антропогенных изменений во времени и пространстве не только углубляет и конкретизирует знание о региональных источниках процессах, но позволяет также подключиться к решению важнейших задач в сфере оптимального природопользования. В этой связи особое значение приоб-

ретаает изучение влияния в ретроспективе природной среды на социально-экономическое развитие города и, одновременно, воздействие урбанизации на эволюцию природных ресурсов. Однако комплексная методика, где историко-экологические подходы выступают в качестве принципиальных исходных положений, пока еще не разработана, чем и обусловлена постановка настоящей темы.

Города занимают особое место в историко-культурной традиции, являясь основой развития всей производственной и духовной деятельности людей. В их истории отразились не только формы хозяйственного уклада, социального устройства, общественного сознания, но и самобытной культуры, на зарожение которой огромное влияние оказала окружающая природа. Поэтому так велик интерес к задачам комплексного сохранения культурного наследия в единстве с историко-экологической средой, к выявлению так называемого исторического ландшафта (сложного природно-социально-экономического образования) в пределах населенных пунктов и их ближайшей округи.¹

В ряде работ русских историков (С.М.Соловьева, В.О.Ключевского, Н.А.Рожкова), зарубежных авторов, писавших о русской истории (Шнитцлера, Сегюра, Рембо) конкретизировались представления о связи развития русских городов с природными условиями. Однако в историко-региональной литературе историко-экологическое состояние города, изменение природной среды под влиянием урбанизации, вопросы охраны природных условий в процессе исторической эволюции не получили должного освещения.

При выявлении принципов, на основе которых возможна разработка методики изучения исторической экологии, следует учитывать, что концентрация и рост городов наблюдались как правило там, где имелись возможности для решения экономических, транспортных и экологических проблем. В частности, предпосылкой развития для многих городов Урала служило положение месторождения полезных ископаемых. Отличительной чертой микрогеографии металлургического производства была обязательная привязанность предприятия к воде как к источнику энергии, сохранившаяся вплоть до наступления века паровой машины. Не менее важным условием освоения рудных богатств являлось наличие значительных массивов леса, а также судоходно-сплавных рек, обеспечивавших вывоз продукции горнозаводской промышленности. Возникшие на протяжении XVII-XVIII вв. города Урала подошли к XX в. с определенным социально-экономическим и культурным потенциалом, связь которого с природными условиями была очевидна.

Влияние на развитие городов естественно-географических условий, также как и прочих важнейших факторов, не оставалось неиз-

менным во времени. Их воздействие проявлялось в разных формах и в различной степени – в зависимости от исторической ступени общественного развития.

Природные ресурсы признаны как неотъемлемая часть хозяйственного функционирования любого населенного места, и изучение их как прагматической основы различных социально-экономических процессов должно играть в историко-краеведческой проблематике особую роль. Однако и непроизводительное использование окружающей среды (учет эстетического момента при планировке улиц, закладке архитектурных и садово-парковых ансамблей и т.д.) должно учитываться эτικο-гуманистическим аспектом исторического краеведения (регионального изучения) и распространяться на исследование эстетического потенциала города. В научно-естественной и историко-экологической литературе уже предприняты попытки выделить эту особую часть природного окружения человека и заняться ее исследованием. Попытка интегрировать различные стороны природной среды, направленные на создание целостного облика (и образа) города, теснейшим образом связана с концепцией экологии культуры Д.С.Лихачева, являющейся теоретико-методической основой для всестороннего изучения историко-культурного наследия в рамках региональной истории.

Историческая экология ставит вопрос о необходимости экономико-экологической классификации городов и составления программ соответствующего изучения каждого типа города, в котором должна быть выявлена и учтена географическая специфика объектов и явлений, подлежащих изучению. При этом в первую очередь учитываются свойства природных комплексов, оказывающих влияние на исторический процесс.

Исследуя компоненты исторического ландшафта, следует отметить, что наиболее широкие и сложные связи наблюдаются между исторической средой и водными объектами. В их использовании отражается весь мир, в котором живет городской человек. Водные ресурсы оказывают влияние на жизненный уклад, хозяйство, застройку, занятия жителей, наконец, на облик города, придавая ему неповторимые черты. Различия в типах городов, природные особенности внутренних вод определяют масштабы и формы использования водных ресурсов для водоснабжения, водного транспорта, хозяйственной деятельности, связанной с добычей биологических ресурсов и т.д. Выделение главного направления в системе связей населения и водной среды в пределах городской агломерации и обуславливает методические подходы

и масштабы историко-экологического исследования.

Схема изучения города с позиций исторической экологии может иметь примерно следующую структуру: 1. Изучение первичных физико-географических условий места, где возник город, роли природных условий и естественных ресурсов в формировании планировки города, его территориально-хозяйственных комплексов, создании архитектурных и садово-парковых ансамблей; 2. Изучение влияния на облик города в целом, его микрорайоны, состояние памятников истории и культуры крупных технических и хозяйственных мероприятий, связанных с вмешательством человека в окружающую природу (гидротехническое строительство, мелиорация, создание отраслей промышленности и промыслов на местном сырье); 3. Изучение степени изменения обществом природных условий и ресурсов к моменту исследования, оценка направленности этого изменения; 4. Изучение механизмов взаимодействия в каждой ландшафтно-техногенной системе (город или отдельный объект) по циклу - "воздействие - изменение - последствие" и выявление закономерностей взаимодействия общества и природы на различных ступенях исторической эволюции города.

Выявление, анализ, обобщение различных сторон экологической ситуации в рамках общественно-экономических формаций выдвигает на первый план большие источниковедческие задачи. Встает вопрос об уточнении и расширении видовой структуры источниковой базы и методов исследования массовых источников, содержащих информацию о природных условиях прошлых эпох. Учитывая, что исследования по исторической экологии требуют данных различных наук естественного цикла (физической географии, геологии, почвоведения, исторической ботаники и др.), историкам предстоит наметить пути использования этой не совсем обычной источниковой базы, сотрудничества с представителями естественного цикла наук. Но основой для решения рассматриваемой проблемы несомненно останутся пр. вычные комплексы исторических источников, дополненные, в основном, ведомственными материалами различных учреждений и организаций города.

Таким образом, историко-экологическое изучение города, в частности, реконструкция исторических ландшафтов - природных комплексов, на основе которых возникли и развивались устроительные начала, хозяйственный уклад, культура города создаст условия для обеспечения надежной охраны памятников и исторической среды, установления режимов ограниченной хозяйственной деятельности и го-

поиска оптимального сочетания охраны и хозяйственного развития.

I Синоним понятия "исторический ландшафт" – антропогенный ландшафт на различных этапах исторической эволюции.

В.Н.Севастьянов
(Красноярск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Рассматривая опыт регионального развития восточных районов страны в период после 1917 года, следует, по нашему мнению, выделить три принципиальных положения, позволяющих более корректно определиться в методологии исторического анализа и соответственно планирования социально-территориального развития. Во-первых, оценивать необходимо весь комплекс природных, экономических и социальных факторов, действующих на территории региона в анализируемый период, во всей сложности и многообразии взаимосвязи этих факторов. Во-вторых, уточнить применение термина "развитие", как необязательно адекватное понятию "прогресс". В-третьих, принять, что противоречие между государственными интересами в рамках существующего общесоюзного разделения труда и интересами развития территории может иметь позитивную направленность разрешения, именно в условиях территориального приоритета.

Предваряя анализ, можно сказать, что все эти положения целенаправленно игнорировались, ибо планирование развития восточных районов было полностью подчинено интересам государства. Освещение территорий было прежде всего направлено на всемерное использование природных ресурсов и практически в отрыве от этого рассматривались экономические, социальные, национальные интересы той или иной территориальной общности. Именно абсолютизация государственного приоритета породила подход, ныне определяемый как "остаточный принцип" вложений в развитие социальной сферы.

Практически капиталовложения в социальную сферу определялись только как предельно необходимый минимум поддержания работоспособности привлекаемой рабочей силы. Стимулирование рублем фактически было с точки зрения развития территориальной общности антисоциальной практикой, ибо привлекало временную рабочую силу со стороны, будто бы снимая проблемы создания нормального образа жизни местного населения.

Именно отсутствие комплексного подхода к социально-экономическому развитию территории привело к усугублению противоречий между характером развития цивилизации в районах нового освоения и сложившегося национально-территориального уклада жизни северных народностей. Практика неестественной ассимиляции разрушала национальный характер труда и исторически сложившиеся общественные отношения, с одной стороны, а с другой — не более чем демонстративное сохранение "местного колорита" увеличивало и без того значительный разрыв в уровнях цивилизации.

Наконец, понятие "развитие", длительный период оцениваемое в количественных показателях индустриализации районов нового освоения, рассматривалось адекватно понятию "прогресс". Но от становления промышленных гигантов в Иркутской и Кемеровской областях, Красноярском крае, Якутской и Бурятской АССР образовался серьезный перекося в реализации собственных интересов территории. Это касается прежде всего оттока трудовых ресурсов из сельского хозяйства.

Сохраняется тенденция серьезнейших экологических нарушений, экономическая и техническая компенсация которых на многие годы останется головной болью народного хозяйства Сибири. Выбросы вредных веществ в атмосферу в расчете на одного жителя в Восточных районах в 2 раза превышают аналогичный показатель для Европейской части России. Неудивительно, что общие коэффициенты смертности населения в Уральском, Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском районах с 1970 года по 1980 год устойчиво росли и несмотря на некоторое снижение в 1987 году превышали более чем на 10 процентов показатель 1970 года.

Продолжает действовать порочная практика взаимоотношений с бюджетом, когда территория переводит в государственный бюджет отчисления, возвращающиеся к ней в совсем не оптимальной, с точки зрения интересов территории, структуре. Например, в Красноярском крае объем производимой валовой продукции сопоставим с объемом инвестиций, получаемых от государства, но основная часть капиталовложений реализуется в индустриальном развитии, не только не разрешая имеющиеся в крае социальные проблемы, но постоянно порождая новые.

В политическом аспекте планирование развития территории "сверху" лишает местные Советы возможности сколько-нибудь серьезно влиять на решение задач, действительно определяющих прогрессивные из-

менения в развитии социально-территориальной общности.

Анализ многостороннего и противоречивого опыта развития восточных районов, особенно в годы их интенсивного освоения, может дать уникальную информационную базу, которая в свою очередь позволит найти оптимальные критерии и методические подходы к дальнейшему социально-экономическому развитию территорий, имеющих уже сейчас во многом определяющее значение для страны.

Н.В.Куксанова
(Новосибирск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РАЙОНОВ НОВОГО ОСВОЕНИЯ

Социальные условия жизни советских людей прочно перешли в разряд острейших практических вопросов. Усиление инфляционных процессов, чрезмерно быстрый рост дефицита товаров народного потребления и услуг вызывает критическое отношение трудящихся к политике и политическим лидерам советского государства. Более того, значительная часть населения связывает кризисные явления с природой самого социализма.

В настоящее время в научной литературе и публицистике выявилось многообразие различных точек зрения на происхождение кризиса в нашем обществе, который проявился во всех сферах и на всех уровнях. В общем виде их можно свести к четырем позициям. Сторонники первой утверждают, что кризисные явления вызваны самой перестройкой, гласностью и демократией. Сторонники второй утверждают, что они — результат крупных катастроф, наложившихся на серию субъективных ошибок руководства. Третьи видят сегодняшние проблемы как результат политики и практики застойных лет, как взрыв, энергия которого копилась десятилетиями. Четвертые считают, что причины неудач заключаются в том, что провозглашенные цели не имеют надежных научных моделей социально-экономической реформы и это ведет к негативным последствиям. Все вышесказанное свидетельствует о том, что изучение любых аспектов конкретно исторического опыта развития актуализируется необходимостью современной теоретической и практической деятельностью.

Оценивая состояние изученности исторического опыта социального развития районов нового промышленного освоения, следует отметить, что она находится лишь в стадии становления и в то же

самое время требует применения новых походов, которые вытекают прежде всего из начавшейся ломки устоявшихся исторических представлений.

Среди имеющегося разнообразия исторической научной литературы по вопросам социальной политики советского государства, проблемам благосостояния рабочего класса в послевоенный период еще совсем недавно не было работ, в которых бы не говорилось о том, что высшей целью экономической стратегии КПСС является подъем народного благосостояния. Очевидно, это происходило от того, что явления и процессы анализировались в рамках декларативно провозглашенных направлений политики и не было глубокого анализа самой политики. Последнее предполагает, на наш взгляд, изучение сложного комплекса проблем, в том числе и исследование подготовленности всех эшелонов власти и наличие у них возможности решать социальные проблемы на общесоюзном и региональном уровнях через эффективно работающий хозяйственный механизм.

Необходимо большие усилия сосредоточить на раскрытии тех обстоятельств, что промышленное освоение новых территорий происходило в рамках статической системы, в которой человек рассматривался как объект приложения политики государства, в отсутствии специально разработанных социальных программ, которые бы учитывали особые природно-климатические и демографические условия. Существенную роль в практике освоения новых территорий сыграли и распространенные психологические стереотипы, суть которых заключалась в том, что новостройки должны были сопровождаться бытовыми трудностями, которые якобы являются неизбежными спутниками героизма и романтики будней. Основным элементом реального жизненного уровня считались деньги. Но на практике они, являясь решающим фактором привлечения населения на новостройки, не обеспечивали необходимой устойчивости кадров, хозяйского отношения к национальным богатствам, народным средствам, ответственности за судьбу осваиваемых территорий и людей, проживающих на них.

Историкам предстоит еще выявить весь спектр как положительных, так и негативных явлений реальной региональной политики. Важно учитывать при этом соответствие вклада районов промышленного освоения в социально-экономическое развитие СССР и удовлетворенные ими собственные социальные потребности. Имеющиеся научные труды и публицистика свидетельствуют, что в ходе освоения в восточных районах страны в большей мере проявились негативные тен-

денции в социальной сфере по сравнению с другими районами.

С.С.Букин
(Новосибирск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ РСФСР

Освоение региона — это сложный социально-экономический процесс формирования и развития материального производства, заселения и обживания территории, ее комплексного преобразования в интересах человека. Необходимо подчеркнуть, что экономические, демографические и социально-культурные "составляющие" данного процесса тесно взаимосвязаны между собой. Только их сбалансированное сочетание обеспечивает подлинный прогресс региона.

Применительно к восточным районам России особое значение имеет, во-первых, обеспечение пропорционального роста материального производства и социально-бытовой инфраструктуры, и, во-вторых, преодоление отставания населения в этих районах по основным показателям материально-бытового положения от среднесоюзного уровня. Неоднократно провозглашавшаяся партийными и государственными органами, в том числе XXVII съездом КПСС, задача выравнивания социально-бытовых различий в территориальном плане не получила сколько-нибудь заметного решения, что тормозит развитие производительных сил, отражается на миграционных потоках, вызывает социальную напряженность.

Реализация принципа социальной справедливости предполагает точный учет соответствия вклада региона в народнохозяйственный комплекс СССР его доле в общесоюзном фонде потребления. Большое значение это имеет для восточных районов РСФСР, которые по добыче полезных ископаемых, объемам капитального строительства, производству продукции тяжелой индустрии находятся в стране на ведущих позициях, а по параметрам жизненного уровня трудящихся занимают последние места.

При этом исследуя различия в материально-бытовом обеспечении населения в отдельных регионах СССР, целесообразно особое внимание уделять показателям степени удовлетворения потребностей, которые существенно отличаются между собой в связи с неодинаковыми природно-климатическими и социально-экономическими условиями жизни. В соответствии с рациональными нормами жителям в восточных

районах требуется больше калорийных и богатых витаминами продуктов, теплых вещей, просторных жилых помещений. Нормативы обеспечения медицинскими и детскими учреждениями здесь гораздо выше. Поэтому фактическое выравнивание территориальных различий в социально-бытовой сфере означает не одинаковое потребление материальных благ, а достижение равной степени удовлетворения потребностей населения.

Ретроспективный анализ важно не ограничивать характеристикой условий жизни трудящихся, а исследовать саму жизнедеятельность по обеспечению социально-бытовых потребностей семей. Представляются односторонними и недостаточными широко распространенные в экономической, социологической и исторической литературе статистические методы изучения социально-бытовой инфраструктуры, суть которых заключается в раскрытии обеспеченности населения теми или иными жизненными благами. Например, число больничных коек и медперсонала в расчете на 10 тыс. жителей не позволяет объективно судить о медицинском обслуживании. Необходимо проанализировать деятельность учреждений здравоохранения и его социальную эффективность, которую отражают показатели заболеваемости и смертности.

Социально-бытовые проблемы, с одной стороны, взаимосвязаны между собой, а с другой – обладают относительной автономией. Величина реальных доходов влияет на уровень и структуру потребления. Качество продовольствия отражается на здоровье человека. Вместе с тем рост заработной платы не может компенсировать нехватку жилья, строительство детских учреждений – недостаток продуктов питания и т.д. Поэтому необходим комплексный подход к решению социально-бытовых проблем. В данной связи очевидна и важность системного исторического исследования социально-бытовой инфраструктуры и ее влияния на жизненный уровень населения.

Такое исследование целесообразно проводить по следующим основным направлениям: 1) проследить изменение параметров социально-бытового развития в рамках рассматриваемого исторического периода, сопоставить данные базового и конечного года, используя абсолютные, а не относительные цифры, значительный рост которых может определяться низкими исходными показателями; 2) сопоставить как достигнутый уровень развития социально-бытовой инфраструктуры, так и объем потребления материальных благ населением с рациональными нормами, что позволит дать качественную оценку; 3) выя-

лить территориальную специфику, особенности формирования и функционирования социально-бытовой сферы в восточных районах по сравнению с РСФСР или СССР в целом; 4) определить различия в социально-бытовом развитии отдельных областей и макрорегионов; 5) раскрыть реальную дифференциацию в материально-бытовом обеспечении социальных групп населения.

Разработку этих направлений целесообразно производить с позиции обобщения исторического опыта, представляющего собой совокупность выработанных и накопленных в процессе общественного развития знаний, которые имеют практическую ценность для преобразования жизни человека. Формирование социально-прикладного аспекта исторических исследований, изучение уроков прошлого и создание системы выводов, связанных с решением современных социальных проблем, не приведет к ослаблению фундаментального характера исторической науки, а, напротив, усилит его. Действительно научное обобщение исторического опыта предполагает совершенствование методологии, методики и техники работы историка, глубокое теоретическое осмысление фактического материала.

В.С.Прядин
(В.Салда)

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕЗНОВАНИЯ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Вопросы периодизации трудового соперничества в СССР стали усиленно разрабатываться с 60-х гг. Они затрагивались в работах по истории, теории, историографии соревнования рабочего класса. Кроме того, вышло несколько специальных статей.

На наш взгляд, ни один из многочисленных вариантов периодизации социалистического соревнования не может быть признан удовлетворительным, поскольку все они опираются на устаревшую концепцию социализма, этапы его созидания. Поскольку не был основательно разработан вопрос о критериях периодизации, поскольку последняя не является научно обоснованной.

Одни исследователи называют в качестве такого критерия научно-технический прогресс, другие - изменения в характере труда и распределения, третьи - уровень развития производительных сил, четвертые - степень накопления элементов коммунистического отношения к труду и т.д. Иногда критерии путают с факторами, условия-

ми развития процесса или с общими принципами подхода к периодизируемому объекту.

В качестве критериев периодизации социалистического соревнования мы бы назвали характер и степень его развития, определяемые ставкой на те или иные "двигатели" состязательности, с учетом уровня развития производительных сил.

В соответствии с данными критериями можно выделить, по нашему мнению, следующие периоды:

I период: октябрь 1917 - 1929 гг. Начальный период, когда по уровню своего развития соревнование не носило массового характера; в его основе лежал стихийно возникающий энтузиазм, морально-этические факторы. Введение НЭПа наметило тенденцию к экономизации соревнования (состязательности), хотя она не стала доминирующей в силу неполноты и несовершенства хозрасчета и других факторов.

II период: конец 20-х - середина 60-х гг. Период осознанной ставки на морально-этические, идейно-политические источники развития состязательности, нещадная эксплуатация морального ресурса народа с помощью административно-командных методов. В эти годы формируются морально-этические концепции, имеет место бурный количественный рост соревнования. Вместе с тем извращаются ленинские идеи о соревновании и усиливаются элементы формализма. В рамках этого периода имелись свои "приливы" и "отливы". В какой-то мере продлило жизнь моральных стимулов движение за коммунистическое отношение к труду. Именно в этом видна реальная роль движения. В целом данное явление преждевременное, внесенное в общественную среду административно-командными методами руководства и непомерно раздутое средствами массовой информации. С конца 60-х годов оно стало превращаться в теоретические постулаты и пропагандистские штампы.

III период: конец 60-х - середина 80-х гг. Период вырождения социалистического соревнования. Количественно показатели росли. Фактически же состязание шло к состоянию оцепенения, развивались его извращенные формы: "рублевое" - не ради конечного продукта, а ради отдельных показателей, "теневое" - состязание между предприятиями за менее напряженный план и т.п.

Причинами такого положения, по нашему мнению, являлись:

а) девальвация морально-этических, патриотических, идеологических факторов; б) несовершенство форм реализации общественной собственности, что вместе с централизацией управления экономикой несло в

себе социальную пассивность; в) слабое применение в организации соревнования социально-психологических методов.

Возникло своеобразное состояние безвременья, когда моральные и административные стимулы себя исчерпали, а экономические еще не были введены в действие.

IV период: с середины 80-х годов. Период организационной и концептуальной перестройки соцсоревнования, создания экономических условий для их развития. На современном этапе возрождение соревнования идет сложно, с нарастанием элементов бесхозяйственности и равнодушия, падением дисциплины. Усиливается социальная, но падает трудовая активность населения. Это говорит о необходимости ускорения перехода на экономические методы хозяйствования, сохранения в практике организации трудового соперничества некоторых старых прогрессивных методов.

Безусловно, периодизация социалистического соревнования корреспондируется с периодизацией развития общества в целом. Однако речь должна идти об увязке с периодизацией реального общественно-го процесса, а не с умозрительно сконструированными этапами социалистического развития.

А. И. Кузнецов
(Омск)

ОПЫТ УЧАСТИЯ РЕГИОНА ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ: ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

Исторический опыт региональной внешнеторговой деятельности, безусловно, относится к числу наименее исследованных сторон в хозяйственно-политическом развитии территорий. Осуществление внешней торговли в условиях центрально-координируемой экономической системы связывалось с существенными особенностями регионального участия в этом процессе. Особенности задавались специфическим балансом интересов центра и территорий в организации внешнеторгового обмена и использовании врученной валюты. Баланс интересов устанавливался в ходе составления планов экспортно-импортных операций и их территориальных разделов как правило при использовании методов административного давления на местные органы.

Извлечение уроков из опыта региональных внешнеэкономических связей призвано дать ответы на вопросы: как сложившиеся в прошлом тенденции долговременного действия влияют на развитие регионально-

го хозяйственного комплекса? При этом важно выявить влияние внешнеторгового обмена на развитие разных отраслей хозяйства, на характер использования общерайонных ресурсов и формирование региональной производственной и социальной инфраструктуры.

На этой стадии исследования на первый план выдвигаются аналитические операции, позволяющие оценить степень технологического отставания и зависимости советской экономики от мирового рынка и механизм приспособления условий внутреннего хозяйствования к потребностям мирового рынка (в частности, углубление сырьевой ориентации советского экспортного производства). Важно определить экономические, политические и другие факторы, сдерживающие и тормозящие процессы интеграции региональной экономики в мировое хозяйство. Эта работа позволит перейти к сравнению альтернатив участия регионального народнохозяйственного комплекса в мирохозяйственном обмене.

Рассмотрение возможных вариантов участия предприятий региона в торговых связях с мировым рынком следует вести с выделением таких вариантов, которые могут оказывать существенное воздействие на развитие его экономики. Для этого анализируются различные формы торгового обмена и их эффективность с учетом исторического опыта.

При изучении состояния и перспектив развития экспортного производства в регионе необходимо видеть народнохозяйственные потребности, определить ресурсы экспортного потенциала. Под экспортным потенциалом региона понимается сумма товарных ценностей, пригодных для экспорта, которую регион может дать в данный период времени по состоянию своего производственного и транспортного хозяйства за вычетом, во-первых, внутренних потребностей, а во-вторых, той части продукции, которая постоянно идет на внеобластные рынки внутри страны, согласно определенно установившемуся спросу. В категорию "экспортные ресурсы" попадают и пользующиеся спросом в стране, но освоение которых предусматривается с целью планомерных и долгосрочных экспортных поставок. В первую очередь к ним относятся возможности сооружаемых и намеченных к строительству экспортных производств на интеграционной и компенсационной основе.

Важной составляющей исследования внешнеторгового регионально-го обмена и оценки перспектив его развития является анализ воздействия импортных операций на экономику региона: техники и технологии, сырья и потребительских товаров. Импорт наиболее совершенной

технологии; комплексного оборудования особенно актуален для таких регионов, как Урал, где ведущую роль в специализации труда играют машиностроение и отрасли глубокой переработки с устаревшей технико-экономической базой. Для этой цели можно рассмотреть варианты использования эффективных форм внешнеторговой деятельности, основанных на кооперационных связях.

Для "оживления" опыта прошлого в организации и осуществлении внешнеторгового обмена необходимо иметь в виду, что особенности региональных внешнеэкономических связей нуждаются при изучении в специальном методическом обеспечении. Дело в том, что в условиях монополии внешней торговли статистический учет внешнеторговых операций велся исключительно по отраслевым каналам и, следовательно, многие территориальные характеристики оставались вне поля зрения. Используя укрупненные показатели – коэффициент экспортной специализации, сопоставление стоимостных объемов экспорта и импорта, коэффициент экспортостойкости – возможно преодолеть недостатки статистической базы.

Таким образом, изучение внешнеторговой деятельности в ее региональном разрезе с точки зрения извлечения исторического опыта следует проводить как составляющую часть исследований по региональной экономике и планированию. Историческая ретроспектива проблемы показывает действие и активное влияние на внешнеторговые связи как конкретных региональных особенностей экономического развития, так и политико-экономических условий функционирования народного хозяйства страны в целом.

В.Э.Лебедев
(Свердловск)

РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

Реконструкция объективной исторической реальности невозможна без осмысления процесса возникновения и механизмов развития общечеловеческих ценностей. Важное значение среди них имеет такое явление социально-экономической жизни, как территориальное (местное) самоуправление. В контексте ретроспективного изучения исторически сложившихся элементов общечеловеческого, цивилизационного потенциала возникает необходимость постановки новых для исторических исследований проблем. В частности, анализ опыта территориального са-

моуправления предполагает изучение такой закономерности научно-технического прогресса, как его регионализация и, соответственно, выдвижение в качестве объекта специального исследования всего комплекса проблем, связанных с формированием и реализацией региональной научно-технической политики.

Научно-техническая политика является отражением в сфере НТП функционирования политической системы. Ретроспективный анализ регионализации как одной из важнейших закономерностей развития науки и техники может быть плодотворен на фоне изучения исторической динамики социально-политических отношений в обществе. В условиях авторитарно-бюрократического "социализма" осуществилось одностороннее самоопределение своеобразия и логики исключительно отраслевой подсистемы управления НТП. Концепция регионально-комплексной организации социально-экономической жизни противоречила складывавшейся с конца 20-х гг. системе социалистического монополизма, состоявшей в резком сужении числа субъектов, принимавших политические решения. Утверждение монополизма как основы командно-административной системы обусловило перерыв исторической последовательности в реализации процессов, связанных с регионализацией НТП. Разгерметизация общественной системы, начавшись в середине 50-х гг. и став определяющей тенденцией в стране со второй половины 80-х гг., создала политические предпосылки для самоопределения региональных структур управления НТП. Именно в данный период обозначилось формирование субъекта региональной научно-технической политики. Оно происходило в условиях, когда в СССР не существовало иной политической традиции, кроме как связанной с руководящей ролью коммунистической партии. Воссоздание реального процесса становления и развития структуры субъекта региональной политики общества предполагает изучение политической традиции.

Анализ политического фактора НТП в регионе методически целесообразно рассматривать как бы в двух "срезах" и прежде всего с точки зрения целей региональной научно-технической политики. По своему содержанию функция целеполагания в наибольшей степени (в сравнении с другими функциями руководства, развитием науки и техники) слита с политикой, т.к. именно целеполагание служит конкретной формой практического обеспечения первенства политики над экономикой и определяет общую направленность НТП. Причем историческое исследование проблемы требует не просто зафиксировать цели научно-технической политики региона, а сфокусировать внимание

на самом процессе целеполагания, как предвосхищении в сознании результата, на достижение которого направлена деятельность. Необходимо осмыслить критерий (взаимодействие интересов различных социальных групп, соотношение приоритетов научно-технического развития и др.), которыми определялась целеполагающая деятельность. Такой подход к обобщению исторического опыта позволит выявить диалектику возможного и действительного уже при постановке целей региональной научно-технической политики и представить их не в качестве "директивы", а как желаемый научно-технический социальный результат, ожидаемый с определенной вероятностью.

Второй "срез" предполагает изучение механизма реализации региональной научно-технической политики. Ретроспективно ясно: в условиях авторитарно-бюрократического "социализма" сложился механизм внешней, а не внутренней регуляции научно-технической культуры, основывавшейся на административных, преимущественно партийно-политических методах воздействия на сферу науки и техники. В результате длительного существования лишь отраслевой системы управления НТП процесс формирования элементов структуры регионального управления был осложнен многими противоречиями. Степень использования методов управления (экономических, социально-политических и правовых) на отраслевом и региональном уровнях были различны. В отраслевом управлении НТП использовались в определенной мере все эти методы, в региональном — главным образом, социально-политические. Следует учитывать преимущественно "политизированный" механизм реализации научно-технической политики региона. Данный механизм оказался в известной степени пригодным в условиях экстенсивного развития региона, которое определялось перманентной мобилизацией различного рода ресурсов и было маловосприимчиво к интенсифицирующим факторам экономики, прежде всего НТП.

В. И. Бакулин

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ (1917-й — конец 20-х гг.)

С первых лет существования Советской власти партия российских коммунистов столкнулась с необходимостью поиска наиболее оптимальных форм организации общественного производства, способных обеспечить рост его эффективности. Вычленив важный аспект этой проб-

лемч, одно из главных направлений ее решения, еще весной 1918 г. В.И. Ленин поставил задачу рационального размещения промышленности в России¹. В последующие два года, в условиях обострения классовой борьбы, оказалась невозможной не только практическая реализация ленинской идеи, но и более или менее основательная ее теоретическая проработка.

Тем не менее к концу гражданской войны она постепенно выдвинулась на заметное место в трудах теоретиков РКП(б), в государственных документах. Так, в докладе VIII-му съезду Советов РСФСР (дек. 1920 г.) Государственной комиссии по электрификации России подчеркивалась необходимость "перераспределения производящих областей" страны, создание в границах Российской Федерации новых экономических округов - "... предвестников будущих цветущих коммун развернутого строя освобожденного труда"². В соответствии с планом ГОЭЛРО, утвержденным съездом Советов, предполагалось создание восьми крупных экономических районов (Северный, ЦПО, Приволжский, Донецко-Южный, Уральский, Кавказский, Туркестанский, Западно-Сибирский), обладавших определенной хозяйственной автономией.

С 1923 года в стране началось практическое экономическое районирование. В ходе его в рамках указанных крупных регионов, число которых несколько увеличилось, выделялись менее значительные хозяйственные районы. В основном завершено к концу 20-х гг. экономическое районирование позволило разработать первый пятилетний план не только в отраслевом, но и в территориальном разрезе.

Начиная с середины десятилетия, экономическое районирование органично сочеталось с курсом ВКП(б) на рационализацию производства, предусматривавшую - в числе прочего - его территориальную специализацию. Если говорить, например, об отечественном машиностроении, то картина выглядела следующим образом. На заводах ленинградского машиностроительного треста развивалось преимущественно производство наиболее сложных машин и оборудования - точных металлообрабатывающих станков, дизельных двигателей, турбин, тракторов и т.д. Такое производство требовало применения опыта и знаний наиболее квалифицированных технических специалистов и рабочих старой и развитой ленинградской промышленности и черной металлургии в области тяжелого машиностроения. Заводы южной металлопромышленности развивали свое производство по линии обслуживания нужд железнодорожного транспорта, местной горной и металлур-

гической промышленности.

Дальнейшая специализация этих и других районов в значительной мере была связана с новым промышленным строительством, которое до конца десятилетия, как правило, тщательно готовилось и всесторонне аргументировалось. Так, выбирая место для создания наиболее крупных заводов сельскохозяйственного машиностроения, ЦК ВКП(б) и правительство страны остановили свой выбор на Сталинграде и Ростове-на-Дону. Он определялся такими факторами, как наличие развитой топливно-энергетической базы юга Украины и России, удобные транспортные пути (с учетом также планируемого строительства Волго-Донского канала), наличие обширных рынков сбыта готовой промышленной продукции - земледельческих районов Украины, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья.

Еще больше аргументов было выдвинуто - в первую очередь партийными и государственными руководителями Украины - в пользу строительства Днепровской ГЭС имени Ленина в Запорожье. Целесообразность такого строительства объяснялась наличием крупнейших потребителей электрической энергии - большого числа предприятий угольной, рудной, металлургической, металлообрабатывающей отраслей индустрии, а также ориентацией на их дальнейшее развитие. Улучшение судоходства по Днепру за счет затопления Днепровских порогов гарантировало непосредственный выход в Черное море богатейшему сельскохозяйственному району Украины, лесным областям Белоруссии и некоторым регионам России, повышало рентабельность экспортных операций и вообще способствовало развитию внешней торговли. Параллельно Днепровское строительство создавало условия для коренной реорганизации окрестного сельского хозяйства, с использованием электроэнергии для ирригации и мелиорации. Наконец, строительство мощной ГЭС сулило в перспективе некоторое смягчение топливной проблемы, остро стоявшей на протяжении 20-х и отчасти 30-х годов.

Учет всех этих факторов в экономической политике ВКП(б) свидетельствует о том, что в годы нэпа она носила научный характер. Важнейшим ее принципом было строгое равнение на экономическую целесообразность промышленного развития, проверяемую рынком, на снижение издержек производства, себестоимости продукции советской индустрии. Свертывание нэпа, рыночных отношений на рубеже 20-х и 30-х годов привело к утрате не только важного регулятора общественного производства, ключевого критерия целесообразности развития индустрии, как в масштабах всей страны, так и на регио-

нальном уровне, но определенного типа хозяйственного мышления. Восстановление каждого из трех перечисленных слагаемых является необходимым условием создания эффективного хозяйственного механизма на этапе перестройки всех сфер жизни советского общества.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.228.

² План электрификации РСФСР: доклад УШ съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России. М., 1955. С.37.

Н.И.Власова
(Свердловск)

О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРИОДА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА)

Классики марксизма-ленинизма рассматривали научно-технический прогресс как объективный естественно-исторический процесс, сущность которого состоит в развитии материально-технической основы производительных сил. На основе общих тенденций научно-технического прогресса и особенностей исторического периода, переживаемого страной, строится техническая политика. Ее задачи - определение господствующих ценностных представлений о способах использования существующего и создания нового технического потенциала, а также разработка системы мер по их реализации. Учитывая, что Урал занимал ведущую роль в индустриализации страны, техническая политика проявлялась здесь в концентрированном виде.

В реконструктивный период партия определила в качестве главной задачи технической политики - выход на уровень лучших достижений мировой науки и техники того времени. Эта цель правомерна и обоснована, так как сама природа развития техники, ее результаты носят всеобщий характер и в конечном итоге являются достоянием всего человечества. Выполнение поставленной задачи позволило бы воспользоваться достижениями развитых стран, избежать их ошибок и форсировать развитие промышленности на новейшей технической базе.

Выработка конкретной концепции столкнулась с большими сложностями, и не все они были преодолены. Именно в годы первой пятилетки права гражданства получила административно-командная система управления, что вызвало к жизни монополизацию производства. В технической политике это нашло выражение в сверхмаксимальной концентрации сил и средств на главном участке - развитии тяжелой

индустрии, что усугубило и без того тяжелое положение в отраслях группы "Б" и на транспорте. Это существенно сказалось на социальной политике и положении трудящихся. Внутри тяжелой индустрии был взят курс на укрупнение и универсализацию предприятий, в то время как на Западе начался процесс разукрупнения, усиление роли специализации и кооперирования внутри отраслей. В развитых странах направленность производства ориентирована была, главным образом, на удовлетворение потребностей человека, а в СССР — производство ради производства.

Техника и технологии, созданные в высокоразвитых странах Европы и Америки, были рассчитаны на капиталоемкие предприятия, в то время как создание новых предприятий в СССР и на Урале в частности рассчитано преимущественно на трудоемкие процессы, поскольку в стране наблюдался избыток трудовых ресурсов при недостатке капиталов, поэтому несмотря на стремление копировать проекты передовых предприятий, пришлось отказаться от создания вспомогательных производств, средств механизации и т.д., то есть того, что вывело предприятие на современный уровень.

В годы первой пятилетки важную роль играло приобретение импортной техники и насыщение ею вновь построенных заводов. Отсутствие выработочной системы привело к кустарничеству в их закупке. Приобретались не целые заводы или технологические линии, а отдельные станки, что нарушало комплексность проектов и снижало эффективность производства. Кроме того, импортная техника была рассчитана на высококвалифицированных рабочих и специалистов, которых в СССР и на Урале было мало, что не позволило получить высокую отдачу от современного оборудования.

А.Ф.Кузнецов
(Свердловск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА УРАЛА

Осмысливая исторический опыт пройденного лесной промышленностью Урала пути, нельзя допускать ни абсолютизации позитивного, ни выпячивания негативного в нем. Между тем в ряде материалов последнего времени все большее распространение получает феномен мышления "зеленым умом". С позиций сегодняшнего дня, накопленного обществом опыта, определяются якобы альтернативные "оптимальные" варианты развития лесной промышленности в прошлом. При этом проб-

темы альтернатив развития страны, ответственности руководства за те или иные решения рассматриваются в отрыве от конкретно-исторических реалий изучаемой эпохи. Тем самым подвергается забвению ленинский принцип историзма.

Под флагом поиска истины дается такая трактовка развития лесных отраслей, которая не только подвергает справедливой критике допущенные ошибки, волонтаризм и произвол 30-х гг., но и отрицает положительное, что было достигнуто на Урале в деле строительства многоотраслевого индустриального лесного комплекса. Раскрыть правдивую историю развития лесного комплекса Урала — значит признать объективность, многомерность и многослойность протекавших в нем процессов, их диалектическую противоречивость.

Анализировать эти процессы необходимо в совокупности всех явлений и фактов, не как заранее predetermined партией органами реализацию планов и программ, а как живой, порой драматический поиск неизведанного. Подобный новаторский путь приводил как к успехам, так и к непредвиденным коллизиям, издержкам, неверным решениям больших, а то и жизненно важных для отрасли вопросов.

При исследовании исторического опыта государственной политики лесопользования следует остановиться на анализе следующих вопросов: 1) насколько своевременно и глубоко были вскрыты партийно-государственным руководством существующие в отрасли (и не только в ней) противоречия; 2) насколько верно были определены в выработанном курсе пути и средства разрешения данных противоречий, диалектика объективных условий и субъективного фактора в развитии отрасли, социально-психологические аспекты партийного руководства; 3) каковы причины трудностей, с которыми столкнулось руководство в процессе разрешения противоречий; 4) насколько сложившаяся на данном этапе система руководства оказалась эффективной, отвечала требованиям времени. Научно обоснованные ответы на поставленные вопросы еще предстоит найти в процессе дальнейшей кропотливой исследовательской работы.

На протяжении всей истории развития лесного комплекса Урала часто случалось, когда конечный результат принятого решения весьма существенно расходил с первоначальным прогнозом. Как соотносятся между собой проблемы выработки политических решений и "механизм" их реализации? Не до конца ясен и принципиальный вопрос соотношения сознательного воздействия на действительность и стихийных, не поддающихся контролю и управлению процессов. Не утопичны ли старые представления о возможности всеобъемлющей регла-

ментации и упорядочении всех социально-экономических процессов? Новый взгляд на эти проблемы еще предстоит выработать, опираясь в том числе и на богатейший исторический опыт развития лесных отраслей Урала.

Марксистско-ленинский методологический подход к исследуемому нами историческому опыту немислим без представления того, как мы к нынешнему состоянию хозяйствования пришли, чего на трудном пути достигли и что растеряли, от чего из прошлого опыта следует решительно отказаться, а что заслуживает поддержки и развития. Идти вперед можно, лишь опираясь на историческую правду и реальности современной перестройки.

Е. Г. Водичев
(Новосибирск)

НАУКА В РЕГИОНАХ ИНТЕНСИВНОГО ДОЗНЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ИМПЕРАТИВОВ

Взрыв интереса (весьма критического) к истории формирования советской модели научно-технического развития, произошедший в рамках западной историографической традиции, не может не оказать воздействия на советскую историографию. Как известно, в условиях перестройки предпринимаются попытки создания новой концепции развития науки в стране. Это также увеличивает интерес к науковедческим исследованиям, не нашедший пока адекватного отражения в сфере гражданской истории отечественной науки. Возникает ощущение, что новая стратегия НТП формируется без должного учета исторического опыта. В этом — одна из причин весьма неоднозначного, во многом критического отношения к ней со стороны представителей самого научного общества.

Будущее науки в обществе во многом зависит от корректной научной политики. В силу этого необходимо четко определить императивы развития науки и факторы формирования научной стратегии. Фокусируя эту проблему в область территориальных аспектов научной политики, обратимся к опыту "хрушевского десятилетия".

В литературе существует взгляд, что вторая половина 50-х гг. стала периодом изменений в стратегии НТП. Советская наука в это время подвергалась воздействию целой серии реформ, преимущественно организационного характера. В территориальном аспекте реформы свелись к изменениям в размещении научного потенциала, суть которых заключалась в быстром продвижении науки в регионы интенсивно-

го хозяйственного освоения, главным образом - в восточную макрону страны. В исследованиях западных ученых этот процесс зачастую называют "экспансией" науки в восточные регионы СССР.

Логично поставить вопрос - что определило столь сильный сдвиг? Традиционный ответ на него чрезмерно упрощен и страдает своего рода "экономическим детерминизмом". Размещение науки рассматривается как функция территориального развития производства, наш отражение в научной политике. Такой подход ведет к заключению о безальтернативности избранной стратегии. Однако введение новых факторов анализа существенно меняет картину происшедших событий.

Думается, что в формировании "восточного приоритета" в размещении науки не менее важную роль, чем экономика, сыграли собственно научные, а также идеологические и политические причины. Были ли значительной роль экономических факторов? Безусловно, в Зауралье ощущался явный дефицит в научных проработках, намечаемых здесь к осуществлению крупнейших народнохозяйственных проектов. Это требовало резкого увеличения масштабов научного потенциала в регионе. Но очевидно и то, что такая потребность имела и в 30-е, и в 40-е гг. Имелись и соответствующие планы, но они в то время остались нереализованными.

Свое влияние оказал и идеологический императив. Хрушевское руководство неоднократно заявляло о своем стремлении ускорить темпы развития НТП в стране. Однако сильный технократизм в советской политике был типичен и для других лидеров - как до, так и после Хрущева.

Менее очевидно воздействие других факторов. Явно недооценивается влияние потребностей самой науки. Однако именно они должны быть поставлены во главу угла. НТР вела к комплексности исследований, их регионализации, технологизации и т.п. В условиях большой инерционности советской научной системы все это было гораздо проще обеспечить на ранее "свободных" от тех называемой большой науки территориях.

Думается, не менее важную роль при разработке региональной стратегии сыграл фактор политический. Он проецируется в экономической политике, т.е. наука в СССР всегда выступала прежде всего как отрасль народного хозяйства. Если в 30-40-е гг. экономическое управление базировалось на принципах жесткой централизации, то Хрушев предпринял попытку их основательного демонтажа. В этих условиях любой проект, носивший, хотя бы внешне, децентрализационную окраску, получал гораздо больше шансов на успех. Роль полити-

ческого императива проявилась и в том, что в ходе развертывающейся демократизации общества ученые были допущены в высшие сферы социального управления наукой и их мнение учитывалось при поступлении научной политики.

Период "хрушевского десятилетия" в рассматриваемом аспекте научной политики оказался парадоксальным: возникло "взаимопонимание" между наукой, экономикой, политикой и идеологией, столь редко встречавшееся в нашей истории. Действие различных факторов территориального развития науки оказалось однонаправленным, вектора их совпали. К сожалению, сложившееся единство оказалось очень скоро нарушенным, да и касалось оно всего лишь одного, хотя и важного аспекта стратегии науки. Очевидно, что анализ механизма взаимодействия различных императивов развития науки должен быть углублен и перенесен на другие исторические периоды. В этом случае результатом их будет не только научно-познавательный, но и весьма практический опыт для разработки новой концепции НТП.

В.А.Солдатенко
(Новосибирск)

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АН СССР В 30-е гг. НА ВОСТОКЕ СТРАНЫ: НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Одним из определяющих факторов социально-экономического развития региона является степень изученности его производительных сил, что в свою очередь зависит от оптимальной организации научных исследований. Для Академии наук СССР это особый вид деятельности, которая начинается и ведется задолго до возникновения ее региональных структур. Особенно наглядно это проявилось в изучении производительных сил восточной макрзоны страны. Здесь до 1944 г.

практически не было стационарных академических учреждений, и исследования велись в основном экспедиционным методом.

Их масштабы и формы организации в значительной мере определялись особенностями экономического развития страны. В 30-е гг. одна из основных задач заключалась в преодолении исторически сложившихся диспропорций в размещении производительных сил, создании на востоке мощной промышленной базы. Но ее решение осложнялось недостаточной изученностью природных ресурсов огромных территорий от Урала до Дальнего Востока. Форсированные темпы индустриализации требовали от ученых не только высокой эффективности предварительных научно-технических разработок, но и выполнения их в кратчайшие

сроки.

В данных условиях Академией наук был взят курс на интенсификацию экспедиционной деятельности, направленной на изучение производительных сил восточных районов. Одновременно шел поиск оптимальных форм ее организации. Созданный в 1930 г. в АН СССР Совет по изучению производительных сил (СОПС) стал широко использовать крупные комплексные экспедиции, которые позволяли вести углубленное, всестороннее исследование районов интенсивного индустриального освоения.

Однако центральные ведомства, с которыми Академия наук была связана договорными обязательствами, ставили перед ней задачи прикладного характера и не были заинтересованы в финансировании фундаментальных исследований. Ученым приходилось доказывать их необходимость как для развития самой науки, так и для полноценной научно-технической подготовки программ освоения новых регионов. Компромисс достигался, когда академические экспедиции, решая крупные теоретические проблемы, брались за решение второстепенных вопросов прикладного характера, которые были вполне по силам местным и ведомственным учреждениям.

Случалось так, что добытая экспедициями научная информация из Академии наук "растекалась" по ведомствам, оставалась в их недрах и становилась недоступной для науки. В то же время немалая часть информации оставалась невостребованной, т.к. ведомства видели практических путей ее применения. В условиях сверхцентрализации управления хозяйством страны сценарии регионального развития создавались в центральных ведомственных структурах, имеющих свои целевые установки. Основной массив научных данных регионального значения, полученный в результате экспедиций, поступал в центр и накапливался там, служа основой решений, которые получали "сверху" региональные структуры, непосредственно ведущие строительство.

По мере ускорения темпов промышленного строительства в осваиваемых районах, такая цепочка прохождения научной информации становилась сдерживающим фактором. Из складывавшейся ситуации существовало два выхода: замедлить строительство или "укорачивать" цепочку, создавать на местах стационарные региональные научные структуры. Первое решение исключалось, так как противоречило целевой установке. Второе — оказалось неприемлемо не только из-за нехватки научных кадров и финансовых трудностей, но и потому, что включало процесс децентрализации науки, экономики, власти. А это в ус-

ловиях становления и укрепления административно-командной системы угрожало ее целостности. На практике же руководящие центральные органы сочли возможным в такой ситуации пренебречь полноценной научно-технической подготовкой крупных региональных народнохозяйственных проектов. В результате был принят третий вариант решения: не проводить комплексного научного изучения районов нового освоения, сузить задачи науки до чисто прикладных поисков полезных ископаемых, недостающие технологии компенсировать пригужительным трудом неограниченного контингента заключенных.

При этом придерживались следующего принципа: при огромных затратах сил и средств добиться пусть кратковременной победы на определенном участке работы, выполняя директивы центральных органов власти. При таком подходе не могло быть и речи о комплексном изучении производительных сил региона. Следовательно, все усилия общества концентрировались на ускоренном развитии лишь тех элементов производительных сил, которые в представлении центра имели приоритетное значение для укрепления мощи государства. В конечном итоге, это создавало непреодолимое препятствие для комплексного и гармоничного развития отдельных регионов и страны в целом.

А. П. Воробьев
(Новосибирск)

ОТРАСЛЕВАЯ НАУКА В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Под региональным научным потенциалом обычно понимается совокупность определенным образом организованных кадровых, материальных, финансовых и информационных ресурсов науки, создающих возможность для дальнейшего развития производительных сил данного региона. При сложившейся практике управления региональный научный потенциал объединяет обособленные сектора академической, отраслевой и вузовской науки, каждый из которых обладает собственными ресурсами. В основе такого разделения лежит ведомственная принадлежность научных учреждений и характер проводимых в них исследований.

Предполагается, что научно-технические организации различных секторов науки, специализируясь на определенном этапе работы в режиме "исследование - производство", последовательно реализуют возможности научного потенциала региона. Поэтому для эффективного межсекторского взаимодействия должны соблюдаться определенные

пропорции исследовательских учреждений разного профиля.

Значительная часть ресурсов научного потенциала региона сосредоточена в отраслевой науке, где проводятся основные исследования прикладного характера, призванные использовать результаты фундаментальных исследований в практических целях. Сеть отраслевых научных организаций состоит из разнородных по формам деятельности и назначению научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских и технологических организаций, обслуживающих нужды различных отраслей народного хозяйства в регионе и за его пределами. Основные научные силы отраслевой науки концентрируются в отраслевых научно-исследовательских институтах.

Отраслевые научные организации несут ответственность за научно-технический прогресс в соответствующих отраслях. Однако, их ведомственная принадлежность препятствует развитию межотраслевых связей, это ведет к дублированию тематики исследований, нерациональному использованию научных ресурсов.

Принадлежность отраслевой науки министерствам и ведомствам способствует переносу на нее методов управления промышленным производством. Тематика отраслевых научных организаций, как правило, тесно связана с выполнением текущих производственных планов. По этой же причине опытно-экспериментальная база научных организаций зачастую вынуждена в ущерб исследовательской работе тиражировать серийную продукцию. Многие отраслевые НИИ ограничивают свою деятельность модернизацией имеющихся образцов, совершенствованием традиционных технологий.

Ориентация многих научных организаций на решение проблем, относящихся к конкретным участкам производства, снижает восприимчивость отраслевой науки к результатам фундаментальных исследований. Положение усугубляется тем, что переориентация на новые перспективные направления в отраслевой науке возможна лишь при условии выделения на эти цели дополнительных средств и организации новых научных подразделений. Результативность научных изысканий в отраслевой науке оценивается величиной израсходованных средств на каждом из отдельных этапов и по каждой теме, количеством исследований и разработок, а не показателями роста технического уровня отрасли.

В то же время слабая экономическая заинтересованность предприятий в использовании результатов прикладных исследований способствует известному отстранению науки от решения проблем научно-технического развития отраслей. В итоге — большой объем работ ин-

формационно-справочного характера, многотемность планов, затянутые сроки внедрения разработок.

Министерства предпринимают усилия по совершенствованию планирования и стимулирования исследований и разработок, улучшению размещения и деятельности отдельных отраслей научных организаций. Однако укреплением внутриотраслевых и межотраслевых научно-технических связей нельзя достичь полного эффекта. Ведь очевидно, что потенциал отраслевой науки может вбирать в себя не только собственные ресурсы, но и ресурсы внесенные научными организациями академической и вузовской науки. Поэтому усиление взаимосвязей в цикле "фундаментальные - прикладные исследования" является существенным резервом увеличения научного потенциала как региона, так и каждого сектора науки в отдельности. Сотрудничество отраслевых научных организаций с академической и вузовской наукой осуществляется в форме заключения договора по выполнению НИР, оказанию консультационной помощи отраслевым институтам, совместной подготовки научных кадров, научных организаций двойного подчинения и др.

И все же из-за несоответствия принципов управления и организации в различных секторах науки потребление отраслевой наукой результатов фундаментальных исследований затруднено. Частично по этой причине многие отраслевые НИИ проводят фундаментальные исследования, а академические институты и вузы стремятся формировать собственную проектно-конструкторскую, технологическую и опытно-экспериментальную базу. Теоретическая модель прохождения идеи от академического института до производства на практике осуществляется со значительными отклонениями. Очевидно, что она нуждается в оптимизации. Одним из шагов в этом направлении должно стать уточнение места отраслевых учреждений в структуре регионального научного потенциала.

И. П. Труфанов
(Ленинград)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Исторический опыт указывает на необходимость тщательного и всестороннего изучения межнациональных отношений. Актуальность этого вопроса усилилась в связи с нарастанием конфликтных ситуаций, появлением процессов, изучение которых требует новых мето-

дологических подходов к познанию сущности межнациональных отношений как в целом в стране, так и в отдельных ее регионах.

Необходимо переосмыслить роль рабочего класса — главной силы, проникнутой духом интернационализма — его установок на сотрудничество, коллективизм и братскую взаимопомощь вне зависимости от национальной принадлежности. Нужно осознавать, что процесс этот не простой и неоднородный. С одной стороны, здесь находят отражение общественные интересы в форме осмысленных и систематизированных взглядов, взаимосвязанных между собой общими идеологическими концепциями, и политическими программами, а с другой — на основе стихийно возникающих стремлений, чувств, волевых импульсов, т.е. в сфере действия общественной психологии, "народной культуры", которая противостоит официальному стилю жизни. Это подтверждают события в Армении, Азербайджане, Узбекистане и других республиках, где рабочий класс не смог противостоять негативным явлениям и деформациям, проявившимся в сфере межнациональных отношений.

Несмотря на то, что у нас ликвидированы объективные предпосылки существования национализма, его рецидивы, к сожалению, часто проявляются среди части советских людей практически в любом регионе страны. Здесь мы сталкиваемся и с великодержавным шовинизмом, и с местным национализмом, проявления которых в наше время видоизменились. Раньше великодержавные тенденции порождались командно-административной системой, а местный национализм возникал там, где вовремя не разрешались межнациональные противоречия, где возникал простор для развития национального эгоизма. Нередко проявления местного национализма были реакцией на владыку великодержавного шовинизма.

Сейчас остро стоит вопрос о материальном благополучии трудящихся. В условиях кризиса наблюдается нерешенность многих проблем материального благосостояния. При этом важно принимать во внимание углубление территориальных различий по уровню и качеству жизни населения, низкую эффективность действующих механизмов распределения, усиление дифференциации и расслоения общества. Все это сказывается на характере межнациональных отношений в любом регионе страны.

Характер межнациональных отношений в регионе может быть правильно понят лишь с учетом социально-профессиональной структуры населения. Для этого необходимо выделение характерных социальных групп не только на основе профессионально-квалификационных разли-

чий, но и социального и социокультурного генезиса (мировоззрения, образа мысли, духовного склада и т.д.). Сейчас нельзя обойтись лишь классовой структурой общества. Каждый класс подразделяется на социальные группы и слои, на формирование которых оказывают влияние не только отраслевые и должностные, но и региональные аспекты. Очевидно, что для рассмотрения межнациональных отношений в регионе сейчас уже нельзя ограничиться понятиями, включающими в себя только "два класса и одну прослойку".

При рассмотрении межнациональных отношений в региональном аспекте большое значение имеет культура населения в самом широком смысле этого понятия. Здесь важно учитывать различия в духовном облике представителей различных национальных групп, разрушение отдельных видов национальной культуры и внедрение ее новых форм.

Проблема межнациональных отношений в региональном аспекте связана с ассимиляцией и языком. Ассимиляция неизбежно происходит в любой полиэтнической области. Однако процесс этот может происходить как результат свободного личного выбора людей, но не как следствие давления на них со стороны центральной государственной власти.

В межнациональных отношениях большое значение имеет миграция населения. Возникают многонациональные производственные коллективы. Раньше национальная пестрота трудового коллектива непременно рассматривалась как яркий показатель интернационализма. Механическое объединение рабочих разных национальностей отождествлялось с формированием интернационалистских черт в их сознании и психологии. Подобный подход приводил к искаженному положению реальных условий в трудовых коллективах, где рабочие разных национальностей нередко распадались на отдельные группы, созданные по национальному признаку. Закрепление обособленных по национальному признаку групп трудящихся происходит и в сфере быта. Правда, в быту это ярко проявляется в системе расселения, тогда как его материальная сторона подвергается сильной интернационализации, т.к. промышленность выпускает многочисленную и разнообразную по своему назначению технику для домашнего хозяйства, пользующуюся спросом во всех социальных группах трудящихся, независимо от их национальной принадлежности. Поскольку национальные общности, особенно в городах, не могут долго оставаться изолированными друг от друга, то они будут стремиться к общению и сотрудничеству, обме-

ну культурными ценностями и сближению между собой.

При исследовании межнациональных отношений в региональном аспекте историки не уделяли должного внимания социально-психологическим установкам, как известно, оказывающим сильное влияние на мораль и нравственность, нормы и принципы жизни общества и имеющим большое значение в межнациональных отношениях. В различных социальных группах проявляются национальные предубеждения одной нации в отношении другой. Их корни лежат в экономической и социальной сферах типичных личностных предпочтений, сложившихся в республике или регионе. Неудивительно, что в многонациональном обществе возникают и укрепляются определенные "стереотипы", т.е. существующие в обиходном сознании стандартизированные представления о своем собственном и других народах. Надо сказать, что число "стереотипов", являющихся собирательным понятием, многочисленно. Нередко им присуща расплывчатость из-за отсутствия ясной логической основы, часто они аккумулируют не только черты какого-то образа, но и сопровождаются их эмоциональной оценкой, что свидетельствует об их относительной адекватности действительному состоянию. Стереотипные представления в целом очень устойчивы, если в короткое время не происходят важные политические, экономические и социальные изменения.

Не будет большим преувеличением сказать, что межнациональные отношения в ряде случаев носят иррациональный характер и трудно поддаются строгому научному анализу. Тем важнее сказать, что их эффективное изучение возможно на примере отдельных регионов страны. Столь же очевидно, что межнациональные отношения нуждаются в управлении, в выработке новых моделей их функционирования.

Таковы лишь некоторые и притом самые предварительные соображения по затронутой нами проблеме, которая ждет своего дальнейшего исследования в нашей исторической науке.

А.П.Лисовина
(Кишнев)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ НОВОГО ВИДЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ДУХОВНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ

Новое толкование исторической ретроспекции с позиций постоянно меняющейся общественно-политической и социально-экономической ситуации — закономерность исторического процесса познания. Нынешний этап пересмотра исторических взглядов в советской историографии в

целом, в том числе и в молдавской как неотъемлемой ее части, имеет свою ярко выраженную специфику. Сложилась беспрецедентная ситуация: наряду с заявкой на объективное исследование исторического процесса и определенные достижения в ликвидации "белых пятен" в истории намечается явный отход от принципов историзма. Так, одним из наиболее популярных девизов явилось утопическое требование деполитизации, деидеологизации исторической науки, своеобразный призыв к объективизму. Выдвинут тезис приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми как метод анализа исторической реальности. Объяснимые как антитеза довлевшему прежде прессу партийной монополии на выработку исторических концепций, они тем не менее уже нанесли омутимый удар марксистской концепции истории СССР. "Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя", - подчеркивал В.И. Ленин. В общественно-историческом процессе невозможно "изучать действительное положение вещей", не квалифицируя, не оценивая его по-марксистски, или по либеральному, или по реакционному и т.п."¹

Принципы всесторонности исследования источников и исторического явления, выяснения многообразия причинно-следственных связей, специфики общественного сознания и социальной психологии, классовой обусловленности поведенческих мотивов исторических деятелей, правительств и т.д., что составляет уровень понимания эпохи, подмечены тезисом приоритетности общечеловеческих и национальных ценностей, соизмерением прошлого современными нравственными нормами и категориями, его модернизацией, безуспешными попытками прошлым определять социальную, экономическую и культурную политику современности. Нарушен важнейший принцип историзма - "с нравственных позиций историю не судят, не разбирают и не изучают".

В работах части молдавских историков и в публицистике эти тенденции выражены чрезвычайно контрастно. Они пробились и в акты государственной языковой политики, влияют на выработку национальной государственной символики, топонимику. Быстрота появления "новых" концепций исторического прошлого Молдавии объясняется весьма просто: на вооружение без изменений взяты постулаты буржуазной румынской историографии 20-30-х годов, современной зарубежной немарксистской историографии, еще накануне единодушно и яростно отвергавшейся молдавскими историками. С позиций буржуазной историографии, направленной на переделку современной мировой системы государственных границ, территориальной целостности СССР, освещаются

вопросы происхождения и развития молдавского народа и молдавской нации, она попросту объявлена несуществующей как историческая реальность. Молдавский народ как этнос и его древний молдавский язык объявлены румынским, его многовековая история связывается только с историей Румынии. Грубо обрублены тысячелетние нити преемственности с многовековой культурой населения Поднепровья как автономным историческим феноменом. На основе выдвинутого антиисторического тезиса единой румынской культуры, языка старательно стирается из истории и из общественного сознания само понятие "молдаванин". Судьбоносные для молдаван и других народов Бессарабии и Советской Молдавии вехи: 1812 г. – вхождение в состав России в результате освобождения от турецкого ига; 1940 г. – восстановление исторических, экономических, политических, культурных, социальных связей с народами СССР; 1945 г. – освобождение от фашистской оккупации, – объявляются "аннексией", "оккупацией" страной Советов. Захват Бессарабии королевской Румынией и ликвидация начал социалистической революции в крае в 1918 г., территории Советской Молдавии фашистами в 1941 г., – именуется "освобождением"; ленинская национальная политика, пусть осуществлялась и с издержками, по возрождению национальной духовной культуры, созданию мощного экономического потенциала. – "имперской колониальной политической оккупантов". Игнорируются многогранная деятельность партии и Советского правительства по созданию и развитию молдавской Советской государственности, международная поддержка усилий Советского правительства и борьба трудящихся оккупированной Бессарабии за воссоединение с СССР. Трагические страницы истории всего советского народа (репрессии, голод 1946–1947 гг. и др.) приписываются только молдавскому народу как привнесенные русскими. Подобная тенденциозность в подборе фактов и их интерпретации, исключая исторические политические, хозяйственные и культурные связи, революционные пролетарские традиции всех народов Молдавии с народами России и СССР, ничего общего с историзмом не имеет.

Молдавская советская историография должна удержаться на позициях историзма, преодолеть односторонность, углубить изучение истории Молдавии по линии реконструкции многообразия причинно-следственных связей, объективных и субъективных факторов, обусловивших ход исторического процесса в крае в его многонациональном аспекте.

I Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.23, с.240

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ТАТАРСКОЙ АССР НА ФОНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Активизация национального самосознания создала питательную среду для возникновения многочисленных неформальных политизированных организаций, широко использующих национальные лозунги в качестве инструмента для достижения своих целей. Причем характер многих межнациональных проблем становится зачастую предметом политических спекуляций. Известно, однако, что межнациональные отношения есть одна из форм бытования более широкого комплекса общественных отношений – экономических, социальных, политических и др. Именно вследствие этого особое значение имеют те их проявления, которые корнями уходят вглубь истории.

Татарская АССР как объект изучения национальных отношений имеет ряд преимуществ – длительное совместное проживание на ее территории русских, татар, чувашей, удмуртов и др. народов. Уточним, что пользуясь этнонимом "татары", мы имеем в виду казанских татар, проживавших на территории Татарской автономной республики. Это уточнение важно в связи с наличием различным точек зрения по поводу данного этнонима. В частности, среди национальных политизированных организаций и в широком общественном мнении в качестве альтернативного этнонима выдвигается термин "булгары". Другая линия представлена прежде всего в Татарском общественном центре, принимающем расширительную трактовку этнонима "татары" и включающем в этот этнос всю совокупность носителей данного этнонима. Кстати, и официальная статистика, в частности, переписи населения, следуют этой линии. В соответствии в этой статистикой три четверти татар проживает за пределами Татарской АССР. Закономерно возникает вопрос, сколько из них – казанских татар? А ведь ответ на него во многом детерминирует национальную политику Тат. АССР. В настоящее время республика берет под свою культурную и в какой-то мере политическую опеку всю татарскую диаспору в СССР. И хотя субъективно и объективно эта позиция вызывает симпатию и уважение, исторически она как раз слабо обоснована.

Вместе с тем и политически, и экономически решающим является вопрос о взаимоотношениях между двумя крупнейшими этносами республики – русскими и татарами, которые также имеют многовековую ис-

торию. Некогда политически враждебные отношения двух этносов, приведшие к завоеванию Московской Русью Казанского ханства, сменились 400-летним совместным проживанием русского и татарского народов. до известной степени, сегодня русские тоже могут рассматриваться, как в известной мере коренные жители республики. Примечательно, что обострение межнационального конфликта в Тат. АССР концентрируется в сфере взаимодействия не столько этносов, сколько автохтонов и мигрантов. В значительной мере это связано с обострением других социальных проблем — экономических, демографических, экологических, явившихся продуктом командно-административной системы. Так, строительство индустриальных гигантов вызвало мощные миграционные потоки и ухудшение экологической ситуации и социальную враждебность. В какой-то мере эти негативные явления в общественном сознании ассоциируются с ролью центра и русскоязычного населения. В процессе развития советского государства также образовались свои "болевые точки". Это прежде всего создание в 1918 г. Татарско-Башкирской Автономной республики, от которой уже в 1919 г. была отделена Башкирская автономная республика (так называемая Малая Башкирия), границы которой в 1922 г. были расширены до современных пределов. В результате таких трансформаций все более или менее крупные ареалы башкир были включены в территорию Башкирской АССР. Однако сами башкиры в республике стали численно значительно уступать русским, да и число татар в ее границах оказалось достаточно велико. Так был создан один из долговременных очагов напряженности. И хотя в открытой форме он проявлялся редко, наличие его ощущается в лозунгах неформальных организаций и в выступлениях в прессе и т.п.

Еще одна весьма существенная особенность региона — большое число татар, проживающих за пределами своей республики — 74,1% всего народа. Причем эта цифра постоянно увеличивается — в 1926 г. она была равна 60,1%. Отметим, что на сегодняшний день это самая большая доля народа, проживающая вне своих национально-государственных образований. При этом численность татар, проживающих в Тат. АССР, возросла за период с 1926 г. всего с 1,2 до 1,5 млн.чел., в то время как вне ее — с 1,8 до 4,4 млн.чел.; не менее этого прироста дали миграции татар за пределы Тат. АССР. Интересно, что татары за пределами своей республики предпочитают расселяться в городах, в то время как в Тат. АССР они составляют большинство сельского населения. При этом, если в 1970 г. по степени урбанизированности на-

рода в целом татары занимали 4-е место, то внутри республики — только 8-е.

Приведенный краткий обзор исторических проблем современной межнациональной ситуации в Тат. АССР, наглядно демонстрирует необходимость учета всей совокупности факторов, в том числе представляющихся малозначимыми (таких, например, как наименование улиц, установление памятников, празднование неких исторических дат), но на самом деле способных стать взрывоопасными для столь деликатной общественной формы, как межнациональные отношения.

ЭТАПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ УРАЛА

В истории дореволюционной археологии на Урале можно выделить три периода: легендарный, академический и формирования научной археологии.

Легендарный период характеризуется распространением генеалогических легенд, народных знаний о памятниках археологии и отсутствием специальных научных поисков древностей. Этот период был очень продолжителен, но фиксируется на Урале и в Прикамье главным образом по материалам XV—XVII вв.

Академический период (XVIII в.) известен фиксацией древностей участниками академических экспедиций (П.С.Паллас, П.И.Рычков, И.И.Лепехин и др.), а также строителями Уральских горных заводов (де Геннин, В.Н.Татишев).

XIX в. распадается на два этапа. Первый этап — это время краеведческих поисков древностей местными жителями гордцов от начала века до 60-х гг., второй — становления археологических исследований на Урале (1863—1917). Он начинается деятельностью Р.Г.Игнатьева, затем продолжается целой плеядой уральских любителей — археологов (Ф.Д.Нефедов, И.А.Кастанье, Н.К.Минко, В.Я.Толмачев, М.В.Малахов, Теплоуховы и др.). В это время успешно работают в области археологии общества, статистические комитеты, комиссии и другие общественные организации. Фактически лишь последний этап можно считать по-настоящему археологическим, прочие относятся к предистории научного поиска на Урале. Для него характерно расширение числа археологов, организация музеев в губернских городах, публикация материалов.

В дореволюционное время не было охраны памятников, а если она осуществлялась, то совершенно случайно и по иным причинам. Коллекции оказывались в частных руках и увозились за границу. Продолжалось разграбление памятников. Полевые работы велись хаотично, по инициативе и на средства частных лиц. Опыт полевой работы не обобщался и не распространялся. Не была налажена подготовка кадров специалистов-археологов, среди них на Урале преобладали любители и дилетанты, далекие от осознания задач науки.

Представления об археологических культурах Урала только начинают складываться (ананьинская, пьяноборская и др.). В археологической литературе преобладали книги с описаниями древних предметов или объектов (А.Л.Спицин, Н.Н.Бульчев, Ф.Д.Нефедов), попытки анализа уральских древностей были очень неуверенные (М.В.Малахов).

В послеоктябрьское время, в довоенный период выделяются два этапа – с 1920 до середины 30-х гг., когда происходит становление археологов на позиции марксизма (А.В.Шмидт), наблюдаются крайне слабые попытки археологического изучения региона и появление первых обобщающих работ (А.А.Берс).

С середины 30-х гг. и до начала Великой Отечественной войны интенсивность археологических исследований возрастает, появляются археологи в областных центрах Урала. На Урале начинаются систематические работы академических экспедиций Ленинграда и Москвы.

В период Великой Отечественной войны полевые археологические работы были свернуты, кроме небольших работ Нижнетагильского музея (О.Н.Бадер). На Урал и в Прикамье были эвакуированы археологи из учреждений Центра и Украины, которые провели некоторую работу по систематизации материалов региона (П.П.Ефименко, Д.И.Блифель, Е.Ф. Логодовская, А.А.Ивсен, О.Н. и М.А. Бадер). Проводили работы по систематизации материалов и местные уральские археологи (Н.Н. Бортвин, К.В.Сальников, Е.М.Берс). Часть археологов, подготовленных в советское время и работавших на Урале, погибли на фронтах Великой Отечественной войны (М.В.Талицкий, Н.А.Прокошев, П.А. Дмитриев).

Послевоенное время разбивается на два периода – до середины 50-х годов (6-й период) и с середины 50-х годов до настоящего времени (7-й период), причем последний период может быть подразделен на два этапа – 50-60-е годы и 70-80-е годы.

Первое послевоенное десятилетие характеризуется расширением работ, в том числе охранных, в центрах: в Перми (О.Н.Бадер) и Свердловске (К.В.Сальников, Е.М.Берс), проведением I Археологического совещания в Пермском университете (1948).

В течении 7-го периода (от середины 50-х годов до настоящего времени) происходят количественные и качественные изменения в организации полевых работ и в теоретических исследованиях, резко возрастает число специалистов, в каждом областном центре формиру-

ются на базе НИИ, вузов и музеев археологические группы, возрастает число охранных работ на новостройках.

Характеризуя развитие археологии на Урале в современный период, следует отметить некоторые особенности. Отсутствие систематической подготовки кадров в вузах обычно компенсировалось полевой подготовкой археологов. В науку пришло много археологов-полевиков, что отрицательно сказалось на подготовке археологов "теоретиков" и "музейщиков". Полевая практика (раскопки) и накопление новых источников значительно опережало теоретическое осмысление материалов, к тому же тормозившееся плохой издательской базой.

С.А. Васильев
(Ленинград)

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ УРАЛА И ЗАУРАЛЬЯ: К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ И СЕВЕРОАЗИАТСКОЙ ЗОН РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

I. В силу своего географического положения на рубеже Европы и Азии поздний палеолит Урала имеет особое значение для решения вопроса о географическом разграничении двух крупнейших историко-культурных областей — европейской и северо-азиатской. Автор концепции историко-культурных областей позднего палеолита С.Н.Замятин мог в начале 50-х гг. опираться на материалы только двух памятников для всего гигантского пространства от Волги до Енисея. Это Томская стоянка, где имелись призматические пластинки, близкие европейскому типу, и стоянка Талицкого, для инвентаря которой отмечались некоторые "сибирские" черты. Поэтому исследователь со свойственной ему осторожностью говорил о распространении европейской историко-культурной приледниковой области до Урала или же за Урал. О сибирском характере палеолита Урала в течение многих лет писал О.Н.Бадер. А.Н.Рогачёв и А.А.Формозов, напротив, указывали на восточноевропейские аналоги материалам стоянки на Чусовой. Недавно к этому спору обратились В.Н.Гладилин и Ю.Э.Демиденко, вновь заговорившие об азиатских особенностях уральского и зауральского палеолита и о возможных миграциях позднепалеолитического населения с востока на Запад, отражением чего могут быть памятники костенковско-стрелецкой культуры. Основным памятником, по

коллекции которого можно судить об облике позднего палеолита Урала, продолжает оставаться та же стоянка Телицкого. Прделанный недавно Т.И.Щербаковой анализ материалов этого памятника убеждает в правоте мнения А.А.Формозова об отсутствии веских доказательств мощного влияния сибирских культур на Урал. Не противоречат такому выводу и имеющиеся на сегодняшний день сведения о других стоянках Среднего и Южного Урала.

2. Вероятно, распространение позднего палеолита европейского типа не ограничивалось Уралом. Индустрия основного памятника Зауралья — стоянки Черноозёрье II в Прииртышье, носит явно выраженный европейский характер и резко контрастирует с известными на Алтае, Енисее и Ангаре комплексами. Здесь господствует техника скалывания призматических пластинок, немногочисленные изделия, отнесенные В.Т.Петриным к орудиям "макrolитического облика", по большей части являются заготовками ядриш. В орудийном наборе доминируют скребки, пластинки с ретушью, резцы, внемчатые орудия. Не находит аналогий в сибирских материалах и специфический набор орудий и украшений из кости. Отмеченные В.Т.Петриным восточные аналогии Черноозерью II сводятся по большей части к характеру строения культурного слоя и вскрытых в нем структур, что характеризует скорее общность поселений на уровне хозяйственно-культурного типа. Не меньшее число аналогий можно было бы найти, сравнивая облик культурного слоя Черноозерья II не с енисейскими памятниками, а со стоянками мадлена севера Франции или Германии. В западной Сибири на финальном отрезке плейстоцена (Шикаевка II) появляются орудия геометрической формы, нехарактерные для территорий, расположенных восточнее. Определенное сходство с материалами Черноозерья II имеет и другие памятники Западно-Сибирской равнины, хотя коллекции их малочисленны (Ново-Тартааская, Венгерзо 5).

3. Итак, по имеющимся сейчас материалам, можно говорить о распространении позднепалеолитической культуры европейского типа не только на Урале, но и на значительных пространствах юга Западной Сибири. Вероятно, западную границу памятников позднего палеолита сибирского типа можно проводить где-то западнее Оби. Как на Средней Оби (Могочино I), так и в бассейне верхнего течения этой реки (Алтай) имеются позднепалеолитические комплексы североазиатского типа. Таким образом, границы историко-культурных зон позднего палеолита не совпадали с естественно-географическими рубежами регионов.

ДИКТАТ ИСТОРИОГРАФИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ
ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА)

Историографическая преамбула является одним из необходимых структурных элементов исторического исследования. Она позволяет сформулировать задачи работы, в ней определяется концептуальная направленность штудий. Обзор работ, которые приводятся в историографическом введении, может отличаться большей или меньшей полнотой, но их подбор должен иметь ту степень объективности, которая позволяет составить представление о различиях в существующих подходах к избранной теме.

Изучение содержательной стороны историографической преамбулы позволяет увидеть, что она подчас служит для показа эрудиции автора, демонстрации знаний трудов предшественников; она может использоваться как иллюстративная сноска для подтверждения собственных выводов. В этих двух случаях в той или иной мере присутствует анализ существующих концепций, но, как правило, он носит поверхностный характер, прикрытый флером научности. Более существенным является проникновение в историографию в том случае, когда анализ существующих концепций тесно связан с переходом к формулированию задач исследования. При этом историографический очерк может, но скорее должен, включать и изучение методики работы предшественников в плане вычленения позитивного и негативного при анализе источников темы, как процесс "самопредупреждения" от возможных ошибок. Иначе существует опасность поддаться авторитету доказательства, что в свою очередь может привести к возникновению "порочного круга": теория, первоначально принятая как гипотеза, постепенно приобретает статус исторического факта, и, наделенная "ложным авторитетом", используется для того, чтобы объяснить сходные локальные явления, то есть, будучи повторенной неоднократно, теория - гипотеза превращается в теорию - вывод. Последнее особенно опасно, если источники, используемые без должного и всестороннего анализа, как бы подтверждают существующую концепцию. При этом, как правило, не ставится один из существенных вопросов, который должен незримо присутствовать в процессе источникового анализа: о

чем и почему молчат источники, как влияют существующие концепции на характер извлекаемой из него информации.

Примером давления существующей теории дезурбанизации византийского города является вывод об упадке и "обезлюдении Херсонеса" в УП-УШ вв. Материалы археологических раскопок, данные письменных источников противоречат подобному выводу. Анализ историографического очерка относительно истории Херсонеса в раннесредневековый период показывает, как отразился "диктат историографии" на реконструкции его истории.

Второй пример давления письменных источников и существующих концепций является стремление объяснить археологическую ситуацию обязательной ссылкой на какие-либо исторические события. Проявлением этого является объяснение слоев разрушения в Херсонесе влиянием похода русского князя Владимира, поскольку иных внешнеполитических событий, которые могли бы привести к образованию слоев разрушения на городище, в письменных источниках не упомянуто.

Проявление диктата историографии приводит к искажению исторических реалий, забвению локальных отличий в проявлении исторического процесса, искажению информации письменных и археологических источников.

О. Н. Вилков

(Новосибирск)

КОНЦЕПЦИИ С. В. БАХРУШИНА И В. И. ШУНКОВА О ХАРАКТЕРЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ СИБИРИ РУССКИМИ В КОНЦЕ ХУІ-НАЧАЛЕ ХУШ в. В ОЦЕНКЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Неоценим вклад С. В. Бахрушина в изучение истории Сибири. Он первым из советских исследователей заметно расширил источниковую базу сибиреведения, дал глубоко научный анализ древнейших сибирских летописей, создал стройную концепцию летописания ХУП в., критически оценил вклад своих предшественников в изучение истории Сибири, детально исследовал пути русского продвижения за Урал и сам ход событий, приведших к включению Севера Азии в состав Русского государства. Он раскрыл основные этапы, потоки, состав и особенности колонизационного процесса на различных участках этого великого пути от Поморья до Тихого океана, разработал периодизацию истории Сибири феодального периода, в которой показал, что

первоначальное освоение Сибири носило промысловый характер, что пушнина — "ценнейшее валютное сырье" — была главной целью русского продвижения в Сибирь и основой ее хозяйственной жизни в XVI—XVII вв. Ради пушнины отправлялись за Урал тысячи людей преимущественно из Поморья или в качестве покрученников (наймитов) "крупных торговых людей" или в качестве своеженников, т.е. на собственные средства, ради пушнины строились опорные пункты русской колонизации — города, а для обеспечения разместившихся в них гарнизонов и расходившихся из них "за сободем" промышленников заводилась пашня. В XVIII в. на первое место в экономике Сибири выдвинулась горная промышленность, а к началу XIX в. началось ее активное земледельческое освоение, которое сыграло "решающую роль в деле заселения Сибири". Бахрушинская концепция нанесла сокрушительный удар "концепции завоевания", доказав, что присоединение народов Сибири к России произошло "не мечом, а трудом и культурой".

В отличие от С.В.Бахрушина В.И. Шунков впервые глубоко и всесторонне изучил процесс создания в промыслово-скотоводческой Сибири служилыми, крестьянами и посадскими, преимущественно выходцами из черносотного Поморья, развитого пашенного земледелия и считал его стержнем всей хозяйственной жизни Сибири практически с самого начала ее заселения русскими. В Сибири сложился строй не помещичьего, а государственного феодализма. Причины этого явления, по мнению В.И.Шуникова, было несколько: 1). отдаленность края и его природные условия не позволили Московскому правительству пользоваться земельными ресурсами Сибири для раздачи их в поместье служилым людям, как оно это делало в центральной России; отсюда свобода от помещичьей колонизации; 2). слабая заселенность Сибири не обеспечивала резерва рабочей силы, при помощи которой крупный землевладелец мог бы использовать сибирские просторы; поэтому представители дворянства Европейской России, попадавшие в Сибирь в качестве воевод и дьяков, не обнаруживали желаний обзавестись здесь крупными хозяйствами; 3). сибирские служилые люди, постоянные военные кадры, комплектовавшиеся в основном "по прибору" из гулящих людей и ссыльных, не имели условий для обзаведения крупными хозяйствами; 4). Московское правительство сознательно препятствовало широкому разветвлению частного землевладения, сохраняя земли за местным населением для обеспечения исправного взноса ясак — главной его феодальной обязанности. Добавим попутно, что все-

лявшиеся сюда в основном из Поморья государственные черносошные крестьяне не хотели быть частновладельческими крестьянами и сопротивлялись этому. В силу этого, основным феодальным собственником сибирской земли было государство. Частное землевладение в Сибири не превышало 14%. Население Сибири — русское и нерусское — обязано было отбывать повинности, платило продуктовую, денежную и отработочную ренту в пользу государства. Нерусское население платило ясака, русские крестьяне обречены были "государеву десятинную пашню" или платили "выделный хлеб" (хлебный оброк) в натуральной и денежной форме. Взгляды В.И.Шункова на социальную сущность сибирского крестьянства эволюционировали в сторону признания за ним статуса черносошного крестьянства, а не "государственного крепостного". Труды В.И.Шункова окончательно развенчали "теорию завоевания", вскрыли истоки дружбы коренных народов Сибири с русскими и взаимообогащения их культур, аргументировали хронологические рамки первого периода истории русской Сибири временем с конца XVI в. по начало XVIII в., показали Сибирь как составную органичную часть России, успешно развивавшуюся в ее составе.

Исследованиями последних лет подтверждены выводы С.В.Бахрушина и В.И.Шункова о прогрессивном характере присоединения Сибири к России для судеб русского и коренных народов Сибири, о преимущественно поморском происхождении переселенцев в Сибирь. Признана правота вывода С.В.Бахрушина о главенствующей роли промыслов на раннем этапе освоения Сибири русскими и об определенном положительном значении торгового капитала в развитии пушного промысла, промышленности, земледелия и рыночных отношений в Сибири конца XVI—начала XVIII в., вошедшей в орбиту складывавшегося всероссийского рынка.

В.В.Пундани
(Курган)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Сравнительно-исторический анализ социально-экономического развития государственной деревни Урала и Западной Сибири в указанное время представляет большой научный интерес, так как позволит взгля-

вить наряду с закономерностями развития системы государственного феодализма в России в целом и специфические процессы, протекавшие в уральской и сибирской государственной деревне в эпоху позднего феодализма.

Государственные крестьяне, являясь главной по численности и значимости в экономике Урала и Западной Сибири категорией населения, обладая одинаковым по закону социально-политическим статусом, оказывались в силу действия многих факторов в неравных условиях. Урал более тесно, чем Западная Сибирь, был связан с жизнью страны; его территория начала раньше заселяться и осваиваться, чем территория Западной Сибири. Эти факторы определили существенное различие в развитии социально-демографических процессов на Урале и в Западной Сибири. По абсолютным показателям население Урала, в том числе городские сословия, крестьянство, а в его составе сословие государственных крестьян, значительно превосходило западносибирские показатели. Однако удельный вес крестьян среди всего населения, а сословия государственных крестьян среди всего населения и крестьянства в Западной Сибири, существенно превышал уральские показатели. Плотность населения на Урале на I кв. версту была выше, чем в Западной Сибири в 8-15 раз.

Во второй половине XVIII-первой половине XIX в. эксплуатация козенных крестьян Урала и Западной Сибири государством неуклонно возрастала за счет роста размеров подушной подати, оброка, земских денежных сборов (при этом объем денежных платежей государственных крестьян Урала был выше, чем государственных крестьян Западной Сибири), следствием чего была недоимочность государственной деревни Урала и Западной Сибири. Общая социальная, в том числе фискальная, политика правительства и местных властей явилась одним из тех существенных факторов, который довел государственную деревню России, а также Урала и Западной Сибири до начавшегося в 30-40-х гг. XIX в. кризиса.

На Урале относительно слабо было развито дворянское, в том числе крупное землевладение; в Западной Сибири оно почти полностью отсутствовало. Однако в результате проведенного на Урале Генерального межевания земель, межевания земель в Западной Сибири правящие круги, особенно в первой половине XIX в., усиливают наступление на земельные владения государственных крестьян. В итоге в уральской государственной деревне процесс отделения крестьян от

земли проходил более интенсивно, чем в Западной Сибири, и проблема малоземелья в уральской государственной деревне со временем становилась все более ощутимой. В Западной Сибири наряду с повсеместно распространенным в России и на Урале уравнительным принципом землепользования, существовал и другой, более прогрессивный, так называемый вольнозахватный, когда крестьянин для ведения своего хозяйства мог взять столько земли, сколько был в состоянии обработать силами своей семьи или использованием наемного труда. Если в Вятской, Пермской и Оренбургской губерниях в начале 40-х гг. XIX в. средние наделы земли на ревизскую душу составляли соответственно 5,8 и 10 дес., то в Западной Сибири вплоть до 1917 г. сохранялась официальная 15-десятичная норма надела на ревизскую душу. В Западной Сибири не было обязательных, принудительных севооборотов, как на Урале. При этом в государственной деревне Урала и Западной Сибири отчетливо проявлялся процесс социального расслоения крестьянства. Государственная уральская и сибирская деревня являлась главным производителем товарной сельскохозяйственной продукции, находившей спрос растущих городов, армии, неземледельческого аборигенного населения, части сельских жителей. В связи с большей численностью крестьянского сословия на Урале в сравнении с Западной Сибирью товарная сельскохозяйственная продукция, естественно, превосходила западносибирские показатели. В изучаемое время уральская казенная деревня предстает перед нами в сравнении с западносибирской более развитой в промышленном и промысловом значении. В итоге более интенсивного развития промышленности на Урале, развития здесь городов, отделения непосредственных производителей материальных благ от средств производства значительно большее количество уральских крестьян (в сравнении с западносибирскими) вынуждено было уходить на отхожие промыслы, заниматься на мануфактуры, ремесленные мастерские, заводы, фабрики, судовые и подрядные работы и т.д. Общее направление социально-экономического развития способствовало большей развитости товарно-денежных отношений на Урале в сравнении с Западной Сибирью. Эта тенденция отчетливо проявилась в том, что к середине 50-х гг. XIX в. на Урале функционировало в 3 раза больше ярмарок и торжков, чем в Западной Сибири.

Уровень социально-экономического развития уральской и западносибирской государственной деревни в сравнении с государственной

деревней других регионов России был более высоким главным образом вследствие относительно лучшей обеспеченности крестьян землей, лошадьми, крупным рогатым и мелким скотом. Однако к 30-40-м гг. XIX в. в экономике государственной деревни Урала и Западной Сибири все отчетливее начали проявляться признаки кризисного характера.

В.Г.Железкин
(Свердловск)

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: К ВОПРОСУ О ПРЕИМУЩЕСТВЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ УКЛАДОВ

Советская историография со второй половины 20-х гг. характеризуется практически полным равнодушием к истории государственной промышленности в царской России. В трудах 30-х – первой половины 50-х гг. по социально-экономической истории казенные заводы упоминаются среди прочих в подтверждение выводов, касающихся промышленности либо ее отдельных отраслей в целом, без различия форм собственности. Длительный перерыв в изучении истории государственных заводов России – не случайное обстоятельство. Здесь существенным образом сказалось отношение И.В.Сталина к проблеме государственного капитализма.

В 1934 г. в беседе с английским писателем Г.Уэллсом Сталин высказал тезис о том, что буржуазное государство – это "институт организации обороны страны, организации охраны "порядка", аппарат собирания налогов. Хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства". Это положение сыграло позднее роль решающего довода в ходе дискуссии по книге академика Е.С.Варги "Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны". С конца 40-х гг. в историографии полностью утвердилась концепция, отрицающая какую-либо активную роль буржуазного государства в экономике. Все это следует воспринимать в контексте общей тенденции сталинского обществоведения трактовать авторитарные, административные методы экономического регулирования как социалистические и противопоставлять в концептуальном плане функции буржуазного и социалистического государства: первое – является простым орудием, средством социальной политики господ-

ствующего класса буржуазии, тогда как второе – подлинный субъект социалистического строительства. В конечном итоге, замалчивание истории государственного сектора промышленности дореволюционной России было направлено на отрицание преемственности между ее государственным хозяйством и народным хозяйством СССР, отрицание типологического сходства двух хозяйственных укладов.

На историографии сказалась общая политическая обстановка в стране и в правящей партии в период сталинской диктатуры. Уже в 1924–25 гг. лидеры "новой оппозиции" Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев утверждали, что по своей экономической сущности национализированная социалистическая промышленность в СССР представляет собой государственно-капиталистический уклад. Сталину пришлось специально остановиться на этом вопросе в политическом докладе XIV-му съезду ВКП(б). Смысл его рассуждений сводился к тому, что отождествлять советскую государственную промышленность с госкапитализмом нельзя – во-первых, потому что государственно-капиталистическим укладом в государстве диктатуры пролетариата В.И.Ленин считал контроль пролетарского государства над концессиями, а во-вторых, потому что государственно-капиталистическое производство предполагает наличие двух классов: "класс эксплуатирующий, владеющий средствами производства, и класс эксплуатируемый, не владеющий средствами производства". Эти доводы, однако, легко опровергались оппозицией: ведь Сталин, по существу, выворачивал наизнанку научную методологию марксизма, когда выводил сущность хозяйственного уклада из политического строя и социальной структуры общества. Вторым доводом оказался уязвимым, когда Л.Д.Троцкий был выдвинут тезис о складывании нового класса в результате термидорианского перерождения советской и партийной бюрократии.

политическая победа И.В.Сталина над оппозицией и установление в стране режима тотального идеологического контроля привели к тому, что тема государственно-капиталистического уклада стала политически острой и всякие отклонения от официальной трактовки ее рассматривались как проявления троцкистской идеологии. Оказалась невозможной конструктивная научная разработка истории государственного хозяйства царской России, поскольку первые же попытки теоретического осмысления темы ставили наше обществоведение перед деликатной проблемой определения собственно социалистического содержания нашего народного хозяйства.

Только в 50-е гг. после смерти Сталина проблема российского государственного капитализма и государственной промышленности вновь становится предметом внимания. Характерно, что в это же время и именно в связи с проблемой различий между госкапитализмом и социализмом оживляется интерес к проблеме "нового класса". Тем не менее, ущерб, нанесенный советской историографии сталинским режимом и, позднее, идеологическими кампаниями конца 60-начала 70-х гг. оказался настолько велик, что проблема типологической преемственности хозяйственных укладов в нашей стране вновь была поставлена только в последнее время, да и то преимущественно в публицистическом ключе. Из сферы внимания историков на долгие годы был исключен такой аспект изучения нашего народного хозяйства, как исторический опыт государственного экономического регулирования.

В.Л.Загайнова
(Свердловск)

РОЛЬ ТЕАТРА В РАЗВИТИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Провинциальный театр был одним из важных факторов духовного развития русской провинции, отражал характерные черты идеологии своего времени.

Во второй половине XIX в. театральная провинция постепенно меняла свой облик. С ростом городов, активизацией их общественной жизни, возникновением новых учебных заведений театр становится одним из компонентов культурной жизни провинции. Деятельность провинциальных театров способствовала культурному росту общества, развитию демократического и революционного сознания.

Вопрос о дореволюционной деятельности уральского театра исследован далеко неполно. Исследователи долго не замечали общественно-го и культурного значения провинциального театра. Дореволюционное театроведение рассматривало историю русского театра, как историю, главным образом, "императорской" сцены. Практически не изучалась даже деятельность частных столичных театров, не говоря уже о национальном и народном театре. В таком же положении было и изучение провинциального театра. Правда, во второй половине XIX в. уже были предприняты попытки изучения театральной жизни некоторых провин-

циальных городов, но они сводились в основном к установлению отдельных фактов, без связи их с процессом развития русского искусства в целом.

Единичные сведения о первых годах существования театра в Екатеринбурге можно найти в историческом очерке Д.Н.Мамина-Сибиряка "Город Екатеринбург". Хронику театральной и музыкальной жизни Перми конца XIX в. дал в своих работах В.Верхоланцев. В советское время одной из первых специальных работ о деятельности уральского театра явилась книга М.Н.Незнамова, посвященная оренбургскому театру. Она содержит материал о начальном периоде истории театра, его репертуаре, актерах и режиссерах. Большое внимание автор уделил постановке на сцене театра пьес А.М.Горького.

Особо следует остановиться на вышедшей в конце 1950-х гг. монографии Ю.М.Курочкина "Из театрального прошлого Урала". Занимаясь краеведением, Курочкин много лет посвятил выявлению и собиранию материалов по данной теме, основываясь на воспоминаниях театральных деятелей и периодической печати конца XIX в. Автор критически отнесся к многим оценкам буржуазных публицистов, игнорировавших положительные черты провинциального театра, стремился дать научное толкование событиям. Однако в работе Курочкина с 60-х гг. XIX в. объектом изучения остается лишь Екатеринбург, как имевший самостоятельную от других городов труппу. Его исследование нельзя назвать полным и законченным, но необходимо отметить, что в нем впервые были обобщены факты о значительном отрезке истории уральского театра с момента его возникновения.

В конце 60-х гг. вышла еще одна театроведческая работа Ю.М. Курочкина "Бабушка уральского театра" - о творческом пути старейшей актрисы Е.А.Ивановой, которую по праву называют "пионеркой театрального дела на Урале". Заслуживает внимания и опубликованная в это время книга, посвященная 100-летию Оренбургского театра, хотя в отличие от упомянутой работы М.Н.Незнамова, в ней менее подробно освещается дореволюционный период деятельности театра.

Отдельные сведения о местных театрах в рассматриваемый период можно найти в литературе по истории городов Урала, вышедшей в 50-70-е гг. В более обобщенном виде история уральского театра конца XIX-начала XX вв. предстает в первом томе "Истории Урала". (Пермь, 1967). Наиболее интересна в этой связи статья А.Х.Аминовой, посвя-

ценная театральная жизнь Перми в конце XIX – начале XX в. Автор показывает особенности, характерные для пермского театра того времени, основываясь на данных периодической печати. Музыкальную жизнь Перми, Екатеринбурга и Нижнего Тагила освещают статьи Е.В. Майбуровой и Б.Г. Манькоры, появившиеся в начале 60-х гг. Попытка собрать разрозненные сведения о театральной жизни своего города сделана в статье Ф.Р. Меньшикова "Страницы театрального прошлого Челябинска".

Следует отметить статью В.В. Кукшанова о бытовании народной драмы в конце XIX – начале XX вв, опубликованную в сборнике "Устная поэзия рабочих России" (М.-Л., 1965). Интересные сведения о деятельности рабочих театров Урала содержатся в работах В.Ю. Крупянской, Н.С. Полищук, П.А. Огибенина. Опубликованный материал об уральском провинциальном театре использован в ряде коллективных трудов по истории культуры России конца XIX – начала XX вв.

Использованной литературе зачастую недостает более четкого исторического анализа роли провинциального театра, который на рубеже XIX–XX вв. развивался как самостоятельное явление в русле общественно-политической и культурной жизни страны. Используя достижения столичного театра, он, в свою очередь, пополнял его выдающимися мастерами, прошедшими хорошую школу театрального мастерства в провинции. Что касается непосредственно уральского театра, то для освещения его истории нужны серьезные научные исследования, не только театроведческого характера, но и исторического.

Е.П. Пирогова
(Свердловск)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ УРАЛА ПЕРМСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИЕЙ

Проблема изучения истории Урала в дореволюционной историографии до сих пор не исчерпана, и прежде всего это касается практически не исследованной деятельности целого ряда местных научно-краеведческих обществ. Между тем, многие из них ставили перед собой задачи по изучению исторического прошлого края. Первым и единственным в Пермской губернии государственным учреждением, которое занималось этими вопросами, была открытая в 1886 г. Ученая архивная комиссия. Деятельность ее еще не стала объектом внимания историков,

имеется лишь одна заметка В.Н.Булах информационного характера (Вспом.историч. дисциплины - Свердловск, 1974. - Сб.І. - С.92-95).

Главная задача, стоявшая перед Пермской ученой архивной комиссией, заключалась в создании в губернии исторического архива, который должен был комплектоваться из документов преимущественно текущего делопроизводства, предназначенных местными учреждениями к уничтожению. Комиссия должна была обеспечить их сохранность, составить на них описи и указатели, т.е. подготовить документы к научному использованию. Однако члены Пермской ученой комиссии понимали свою задачу гораздо шире, добровольно беря на себя функции местного исторического общества, и уделяли большое внимание различным видам деятельности. Ими велась археографическая, поисковая работа, направленная на выявление, приобретение или копирование документов - памятников прошлого, отражавших историю края. Для этого отдельные члены Комиссии совершали специальные поездки по губернии, находили способы для ознакомления с частными и заводскими архивами, доступ в которые законом тогда, естественно, не предусматривался. Неоднократно члены Комиссии выступали с призывом противодействовать "вандализму" уничтожению дел, объясняли ценность и научную значимость семейных архивов, старинных рукописей и т.п., призывая население губернии жертвовать в исторический архив Комиссии "вещные" и "письменные материалы" по истории Пермского края. Это способствовало тому, что жители губернии действительно стали присылать в Комиссию рукописи, документы, старинные карты и планы. Ценные коллекции рукописей и архивных материалов были переданы в Комиссию после смерти ее членов - В.Н.Шшонко, А.А.Дмитриева, Н.Н.Новокрещенных и др. В 1900 г. Архивная комиссия обратилась за помощью и поддержкой к духовному начальству в деле выяснения истории и "современного состояния" храмов в Пермской губернии, в том числе уцелевших в них "старых памятников, рукописей, книг".

Другим направлением деятельности Пермской ученой архивной комиссии являлась археология. Не случайно, когда в 1894 г. Императорская Археологическая комиссия обратилась к пермскому губернатору с просьбой о выявлении сведений о "находимых в пределах Пермской губернии древностях камской чуды", губернатор адресовал это задание именно Архивной комиссии. И уже в сентябре того же года Археологическая комиссия благодарила председателя Пермской архивной комиссии за доставление ей первые предметы археологических раскопок. Из от-

вета Пермской архивной комиссии видно, что она серьезно отнеслась к поставленной задаче, "задавшись целью собрать со временем в Пермском музее все, относящееся к чуди" и обязуясь при этом посылать все находки в Археологическую комиссию (с условием их возвращения).

Археологическая коллекция Пермской архивной комиссии впервые была представлена на обозрение в том же 1894 г., когда этой комиссией совместно с другой - Пермской комиссией Уральского общества любителей естествознания - была проведена специализированная археологическая выставка - единственная в своем роде в дореволюционной истории губернии. На выставке были показаны и частные коллекции (например, богатая коллекция древностей пермской чуди наследников Теплоуховых), а также старинные книги и рукописи, фотографии из частных собраний.

Показательно, что Пермская ученая архивная комиссия считала необходимым и сама принимала меры по охране памятников старины в пределах губернии. Ею была издана в 1900 г. "Программа вопросов для археологического описания церквей и других зданий", которая прилагалась к особым обращениям - циркулярам, адресованным комиссией (через губернатора) к земским начальникам "с просьбой принять более или менее действительные меры по этому предмету". Комиссия вступала также "в сношения" с разными лицами и учреждениями в тех случаях, когда до нее доходили сведения о находках, имеющих научное археологическое значение". В 1898 г. председатель комиссии сообщил директору Археологического института о существовании на территории губернии многих "старинных церквей", которые находятся без присмотра и гибнут. К письму прилагалось 10 фотоснимков с памятников старины. В 1903 г. Комиссия выслала в Московское археологическое общество рукопись реферата о Соликамской архитектуре с 20 снимками, ее иллюстрировавшими, а в 1904 г. - фотографии других памятников. Все это свидетельствовало о том, что Пермская архивная комиссия серьезно относилась к вопросам местной археологии и охране памятников старины.

Интерес комиссии к историческому прошлому Пермского края наглядно проявился в публикациях ее членов и прежде всего в 12 выпусках "Трудов" Комиссии. Тематика "Трудов" была самой разнообразной. Здесь помещались статьи и исследования по археологии Урала, описания отдельных археологических находок или целых коллекций; мно-

го статей и "материалов" по истории заводских округов и отдельных заводов, городов и населенных пунктов; по истории Ирбитской ярмарки и башкирского землевладения, по истории Пугачевского "бунта" и т.д. Большой интерес представляют публикации отдельных документов: переписных и писцовых книг, синодиков, житий и исследований к ним. Члены Комиссии публиковали свои исследования не только на страницах "Трудов", но выпускали их отдельными изданиями. Назовем хотя бы одного из председателей Комиссии А.А. Дмитриева — самого крупного историка Урала конца XIX в., опубликовавшего десятки книг, среди которых главные — 6 выпусков "Пермской старины". Наследие Дмитриева, других историков, любителей, краеведов, деятельность Пермской ученой архивной комиссии в области изучения истории Урала заслуживают самого серьезного внимания. Именно в этих работах были заложены основы местной историографии.

Б.К.Алексеева
(Свердловск)

ИЗУЧЕНИЕ РОЛИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КООПЕРАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Основная цель дореволюционной кооперации фокусировалась на обеспечении взаимопомощи в области производства и обмена объединенных на добровольной основе коллективов. Результаты совместной деятельности показали возможности кооперативов и обеспечили им поддержку широких масс.

Процесс становления кооперации в каждом регионе имел свои особенности. Ретроспективный анализ позволяет более полно представить ее размах и роль на Урале. В исторической литературе проблемы кооперации региона исследованы недостаточно и не нашли должного освещения. Имеющиеся публикации скорее составляют исключение. В то же время по дореволюционной кооперации Урала сохранилось немало опубликованных и неопубликованных источников, обращение к которым позволит проследить не только яркий след, который оставила кооперация, но и ее существенную роль в экономическом развитии края, расширении внутренних и внешних торговых операций, приобщении населения к новым методам хозяйствования.

Задачи исследования проблем кооперативного движения на Урале следует связывать с причинами появления кооперации, основными направлениями ее деятельности и особенностями. Среди уникальных явлений - создание потребительской лавки при Кыновском заводе в Пермской губернии, которая вошла в историографию как одно из первых в России кооперативных объединений.

К разряду специфически уральских кооперативных объединений следует отнести создание горнозаводских товариществ, занимавшихся оказанием социальной помощи рабочим-пенсионерам. Другим важным направлением кооперативной деятельности являлась организация производственных артелей. Их деятельность оказалась поразительной даже при недостатке первоначальных средств, необходимых для нормального функционирования. В короткий срок рабочие значительно снизили себестоимость продукции и увеличили производительность труда в несколько раз. Это обеспечило им экономический рывок и повышение уровня жизни. Развитие производственной кооперации в регионе играло не только важную роль в жизни местного населения, но и свидетельствовало о широких возможностях рабочей кооперации в масштабах страны. В исторической литературе данное направление наименее изучено и потому представляет особый интерес.

Значителен был вклад в социально-экономическую жизнь региона потребительской и кредитной кооперации. В развитии этих направлений кооперативной деятельности проявлялась общероссийская закономерность и поэтапность. Особенностью является хронологическая фиксация одного из потребительских обществ при Кыновском заводе Пермской губернии, которому нередко отдавался приоритет в зарождении этого вида кооперации в масштабах страны, хотя на современном уровне изучения трудно определить, выходит ли этот факт по своему значению за рамки регионального явления.

Крутой рывок в развитии кооперации произошел в период первой мировой войны. Этому способствовала хозяйственная разруха, нарушение торгово-транспортных связей города с деревней, мобилизация трудоспособного населения в армию. Недостаток сырья, товаров, одежды, продуктов, нужда в самом элементарном, неустойчивость цен, прогрессирующая спекуляция и бессилие правительства в разрешении вставших проблем оказали воздействие на создание сети потребительской и кредитной кооперации. Возникшие кооперативы, слившиеся в союз, затем вошли в 1916 г. в систему "Закупсбыт", организован-

ную в Новониколаевске Томской губернии, и "Синкредсоюз", возникший там же несколько позже.

В итоге население от Приуралья до побережья Тихого океана было связано сетью многообразных хозяйственных связей через кооперацию, представляющую значительный рычаг воздействия на экономику. Даже в нелегкие военные годы кооперация смогла найти выход из многих текущих проблем и преодолеть то, что оказалось невозможным для правительства. Она существенно подрывала спекуляцию и ростовщичество, способствовала облегчению материального положения кооперативов. Спределенное влияние оказывала кооперация на стягивание широких слоев населения громадной территории в новые общественные отношения, в решение не только коммерческих, и социальных, но и культурно-массовых вопросов. Анализ деятельности кооперативных объединений свидетельствует о существенном социальном прогрессе, который они обеспечивали своим членам, о значительной поддержке их в годы разрухи и хаоса.

И. М. Зонов

(Ижевск)

Н. Н. Попов

(Свердловск)

ИСТОРИОГРАФИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.

На всех этапах освободительного движения в России лучшие борцы подвергались царизмом всевозможным преследованиям. С давних пор местом ссылки революционеров стал и Урал. В 1895-1904 гг. здесь отбывали ссылку более 600 представителей различных политических партий и течений, в их числе видные социал-демократы - Н. Е. Федосеев, Н. Н. Батурин, Н. Э. Бауман, Н. Н. Бушен, В. В. Воровский, В. А. Горбачев, В. Э. Дзержинский, И. Ф. Дуrowsкий, Н. К. Крупская, А. И. Свидерский, П. И. Стучка и др.

Историографию проблемы можно разделить на следующие основные периоды: 1). до 1917 г.; 2). 1917 г. - первая половина 30-х гг.; 3). вторая половина 30-х гг. - середина 50-х гг.; 4). конец 50-х гг. - до 1965 г.; 5). с 1965 г. по настоящее время.

Положения концептуального и фактологического характера, которые имеют важное значение для изучения проблемы на материалах ураль-

ского края, содержатся в трудах В.И.Ленина. В разное время, в том числе в ходе двукратного приезда в Уфу в 1900 г., В.И.Ленин ставил перед социал-демократами задачи использования возможностей ссыльных в партийной работе, в организации побегов, вопросы их материальной поддержки и снабжения партийной литературой, осуществления политических обличений царизма, организации движения солидарности с узниками царизма.

Первые труды, посвященные проблемам ссылки в России, а также публицистические работы о каторге и ссылке, отражавшие личный опыт политических заключенных, были опубликованы еще в дореволюционный период. В них было показано, что в тюрьмах, на каторге и в ссылке царской России гибла наиболее талантливая часть людей. Авторы много внимания уделили вопросам борьбы ссыльных за отстаивание своих прав и достоинств, рассказывали о попытках ссыльных пробудить от политической спячки местное население. Особое место в дореволюционной историографии занимала книга американского журналиста Дж.Кеннана "Сибирь и ссылка" (Лондон, 1890), единственное в своем роде произведение зарубежного публициста, выступившего в роли своеобразного судьи между царизмом и революционным движением России.

В 20-х - начале 30-х гг. вышли в свет первые работы советских исследователей по истории каторги и ссылки, носившие преимущественно научно-популярный характер. Одновременно появились первые публикации о неходившихся в ссылке на рубеже двух веков видных революционерах. В 1925 г. в Вятке вышла в свет книга "Вятская политическая ссылка", в которой освещались причины превращения края в место политической ссылки, показан характер полицейского надзора за политическими ссыльными, даны справки о наиболее видных деятелях социал-демократии, находившихся в вятской ссылке. Авторы использовали документы местного архива, но им не удалось показать роль ссыльных в создании социал-демократических групп и кружков в Вятской губернии.

Более подробно эта проблема освещалась в книге П.Н.Луппова "Политическая ссылка в Вятский край" (М., 1933). В ней показан количественный состав, размещение и условия жизни ссыльных в Вятской губернии, их отношения с администрацией, культурное значение вятской ссылки. Но автор не видит различий в деятельности представителей партий и течений, живших в колониях ссыльных. Из других

публикаций 30-х гг. следует отметить работы Ф.П.Быстрых, А.И.Петренко, Ф.Виноградова, П.П.Бриханова, в частности, напечатанные в журналах "Пролетарская революция" и "Каторга и ссылка".

В третьем периоде историографии проблемы вопросы политической ссылки специально не изучались. даже в "Очерках истории большевистских организаций на Урале", вышедших в свет в Свердловске в 1951 г., и в работе Ф.А.Александрова "Ленинская "Искра" на Урале" (Пермь, 1953), ничего не говорится о роли политических ссыльных в создании и деятельности социал-демократических групп и организаций в крае.

С конца 50-х гг. начался самый результативный период в изучении проблемы. Большой вклад в это внесли М.Н.Гернет, Н.П.Ерошкин, С.Н.Цветков, А.В.Ушаков и др. На Урале эти вопросы в числе других изучали Ф.П.Быстрых, Д.В.Гаврилов, М.П.Ивонина, Н.И.Ку克林, А.В.Лушников, П.Л.Порываев, М.Г.Сулов. История политической ссылки на Урале получила некоторое освещение в очерках истории местных партийных организаций, особенно в кировских, орenburgских, южноуральских. С 1965 г., когда условия работы историков заметно изменились в лучшую сторону, разработку проблемы на Урале продолжают Н.Н.Анисимов, М.Г.Сулов и др.

Анализ литературы по истории политической ссылки на Урале позволяет сделать следующие выводы: не установлен количественный состав политссыльных по губерниям, недостаточно выявлена роль политических ссыльных в создании и деятельности революционных кружков и организаций, в распространении ими нелегальных изданий, в общественной и культурно-просветительной работе среди местного населения. Проблема требует подготовки специального обобщающего исследования на материалах уральского региона.

Э.Н.Анохина
(Челябинск)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОПЫТЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ БОРЬБЫ УРАЛЬСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

В 1905—1917 гг. большевики во главе с В.И.Лениным разработали революционную парламентскую тактику пролетарской партии и практически воплотили ее в своей работе в Государственной думе. В довольно короткий исторический срок они приобрели значительный опыт

парламентаризма, ибо им пришлось решать вопрос об отношении к Государственной думе в самых различных условиях: в условиях подъема народной революции, в период ее спада, в годы реакции и нового революционного подъема, в период I-й империалистической войны.

Изучение этого опыта все больше привлекает внимание советских историков. Уже в первых обобщающих работах по истории партийных организаций Урала в дооктябрьский период рассматривались отдельные аспекты борьбы большевиков за массы в период избирательной кампании в III Думу. Но всестороннего и глубокого исследования данная проблема тогда не получила. Вместе с тем, такой материал необходим для правильного понимания работы в Советах в настоящее время.

Положение изменилось в 60-е гг., с появлением работ Ю.И. Кочетова, Ф.С. Гинзбург, Е.И. Рябухина, посвященных данной проблеме. Последний проанализировал историю борьбы большевиков Урала в период избирательной кампании в III Думу, раскрыл думскую и внедумскую деятельность депутатов-большевиков в период сессий, проследил связь ЦК партии с социал-демократической фракцией в Думе. Но им мало внимания уделено работе большевиков среди интеллигенции и солдатских масс в период избирательной кампании и работы III Думы. Ряд конкретных вопросов проведения думской тактики местными большевистскими организациями поставлен в статьях и кандидатских диссертациях 60-80-х гг.

Таким образом, в советской историографии в изучении парламентского опыта уральских большевиков достигнуты некоторые результаты. Вместе с тем, ряд проблем нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем исследовании. Еще далеко не исчерпаны возможности изучения роли В.И. Ленина и центральных органов партии в руководстве парламентской деятельностью уральских большевиков. Требуется глубокого исследования вопрос о думской и внедумской деятельности уральских депутатов социал-демократической фракции, фракции трудовиков. Слабо изучен вопрос борьбы с мелкобуржуазными партиями, в первую очередь эсерами, за влияние на массы. Следовало бы продолжить изучение печати уральских большевиков в период избирательной кампании и работы III Думы. Многие аспекты темы освещены иллюстративно.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ УРАЛА И ЕЕ РОЛИ В
МЕЖПАРТИЙНОЙ БОРЬБЕ В 1917 г.

Изучение организации и деятельности печатных органов Урала в 1917 г. является важно. главой в истории региона в революционный период. По подсчетам Б.Мещерякова, в марте – ноябре 1917 г. в регионе выходило 95 буржуазных, 88 мелкобуржуазных и 9 большевистских газет.

Ссылки на печать Урала как исторический источник широко встречаются во всех исследованиях, начиная с первых лет Советской власти и до наших дней. Вместе с тем следует отметить, что в большинстве работ цитируемые материалы носят односторонний характер, показывают в основном успехи революционного процесса на Урале, в меньшей степени отражая трудности этого процесса, сложность межпартийной борьбы. Эти же замечания относятся к сборникам документов и материалов, изданных в разные годы.

Малоисследованной на сегодняшний день остается проблема печати как средства идеологической борьбы. В общесоюзном масштабе начало изучения данной проблемы относится к 60-м гг. Однако в трудах С.А.Андропова, А.Ф.Бережного, В.П.Будникова, Э.В.Ждановской, Б.Заславской, И.Сазонова, Х.Астрахана и др. основное внимание уделяется большевистской печати. Ценные сведения о непролетарской печати в стране и на Урале содержит монография А.З.Ожоркова "Октябрь и крах русской буржуазной прессы" (М., 1970).

Периодика Урала исследована слабо. Некоторые статьи историков и журналистов, приуроченные к юбилейным датам имеют хвалебный и некритический характер. Наиболее изученной в регионе является печать Башкирии в 1917 г. Особого внимания заслуживает диссертация З.Ф.Адамова "Роль большевистской печати Башкирии в установлении и упрочении советской власти (1917–1920 гг.)", в которой подробно анализируется деятельность уфимских газет "Вперед!" и "Алга". Автор полемизирует с В.П.Будниковым и другими исследователями печати и убедительно доказывает, что несмотря на соглашательские колебания, газета "Вперед!" – орган Уфимской организации РСДРП – сыграла крупную роль в подготовке масс к революции. Большой интерес представляет работа Т.И.Ахунзянова, исследующая

проблемы становления башкирской национальной печати.

Об организации и деятельности непролетарской печати на Урале в целом нет ни одной специальной работы, за исключением статьи В.А.Павлова. Имеются лишь разрозненные замечания об отдельных органах печати в различных статьях и монографиях.

Библиографические сведения различной степени полноты представлены в справочной литературе. Наиболее полное представление о печати Урала дают каталоги, подготовленные библиотеками им. В.И.Ленина (Москва) и им. В.Г.Белинского (Свердловск), причем последний библиографический указатель содержит сведения о составе редакций, начальных и конечных датах издания, дает материал о партийной принадлежности газет.

Задача историков на современном этапе – выявить динамику общей численности периодических изданий в регионе в 1917 г., провести классово-партийную дифференциацию газет и журналов, определить их взаимоотношения, степень влияния на формирование массового общественного сознания.

О.А.Васьковский, А.Т.Тертышный
(Свердловск)

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО ОПЫТА В ВЫРАБОТКЕ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Поскольку строительство нового общества в нашей стране после победы Октябрьской революции не имело прецедентов в мировой истории, партии большевиков приходилось разрабатывать собственные принципы государственного руководства, исходя из требований текущего момента и опираясь на революционное творчество масс. В центре определялись главные задачи в развитии революции и организации ее защиты, формулировались общие директивы, а на местах эти директивы претворялись в жизнь в соответствии с имеющимися возможностями. Пройдя проверку в условиях реальной действительности и обогатившись местным опытом, они приобретали стратегическое значение.

В годы гражданской войны роль своеобразных проверочных полигонов играли восточные и южные районы страны, в которых борьба с контрреволюцией носила особенно ожесточенный характер. Среди них был и Урал. На Восточном фронте, пролежавшем через его территорию, дважды за время войны решалась судьба социалистической революции.

Это требовало выработки наиболее эффективных способов организации обороны, укрепления социальной базы Советской власти.

Большой интерес представляет рассмотрение темы применительно к военному строительству. Исследователи сходятся во мнении, что в первых же столкновениях с чехословаками и белогвардейцами выявилась полная непригодность добровольческой системы комплектования Красной Армии. Крупные военные успехи, которых добилась контрреволюция на Восточном фронте летом 1918 г., объяснялись и преимуществом ее кадровой военной организации. Как считают Ю.И.Кораблев и М.А.Молодцыгин, именно на Урале началась работа по преобразованию добровольческих отрядов в армию регулярного типа и проведению обязательных мобилизаций трудящихся. Приобретенный здесь опыт, подчеркнули историки, послужил основой для выработки центральными органами решений, указаний, инструкций по проведению призывов в масштабе всей страны.

История военного строительства в таком крупном промышленном регионе, как Урал, показала, что создание по преимуществу крестьянской армии невозможно без активного участия рабочего класса. История формирования здесь воинских частей и соединений позволяет установить прямую зависимость их боеспособности от уровня организационного и политического руководства красноармейской массой со стороны революционного авангарда. Особенно важно было найти наиболее целесообразные пути партийного влияния в армии. На Урале, как показано в литературе, это пытались осуществить через непосредственное участие областной организации коммунистов в партийно-политической работе на фронте. Но жизнь показала нецелесообразность такого пути, который допускал вмешательство гражданских властей в оперативные дела. В работах Ю.П.Петрова, В.С.Скрябина, М.А.Молодцыгина установлено, что в войсках Восточного фронта впервые начал создаваться партийно-политический аппарат, доказавший в ходе войны свою высокую действенность.

Самой сложной в годы войны являлась проблема взаимоотношений между пролетарским государством и мелкобуржуазными массами. От успешного разрешения этой проблемы в решающей мере зависел исход борьбы с силами контрреволюции. Но здесь требовался особенно взвешенный подход, который исходил бы не из отвлеченных представлений о несоциальности мелкой буржуазии, а из реальной действительности. Особая роль Урала как прифронтового района состояла в том, что

его опыт выработки правильной социально-политической стратегии накапливался непосредственно в ходе военных действий, проходил проверку в самых экстремальных условиях.

К сожалению, историки пока не обратили серьезного внимания на тот факт, что в начале войны партия исходила из чисто теоретической посылки о возможности обуздания кулачества, которое в ходе развернувшейся в деревне социалистической революции становилось главным рычагом Советской власти, только в союзе рабочего класса с крестьянской беднотой. Между тем, если говорить прямо, политика нейтрализации середняка привела к его устранению от фактического участия в советском строительстве, как это было в период Октября. Тем более, что средний крестьянин, о чем свидетельствует, по мнению А.С.Быстровой, В.Н.Никитина, В.В.Третьякова, а также авторов этих строк, пример Урала, подвергался зачастую экспроприации наряду с кулаком и не допускался в комбедн. В результате массы трудового крестьянства колебнулись в сторону контрреволюции, поддержали деревенскую буржуазию в ее вооруженной борьбе с Советами. Нет сомнения в том, что не только ползение мелкобуржуазной демократии под влиянием уроков чехословацкого мятежа, но и крайне опасные для дела революции последствия нейтрализации середняка побудили партию перейти к более реалистической политике союза с ним.

Общезвестно, что третий стратегический лозунг партии по крестьянскому вопросу Ленин сформулировал в ноябре 1918 г. Однако на практическую почву он был поставлен лишь после Уш съезда РКП(б). В литературе это объясняется тем, что относительно зажиточное крестьянство восточных и южных районов с трудом преодолевало свои колебания. Понадобился жестокий опыт колчаковщины и деникинщины, чтобы оно окончательно повернуло на сторону Советской власти. С учетом этого опыта партия и строила свою политику. Ленин считал необходимым широко распространять страшную правду о Колчаке и Деникине чтобы рабочие и крестьяне извлекли из этого правильные уроки, всеми силами поддержали Красную Армию.

Однако регулирование социально-политических процессов далеко не всегда подкреплялось региональным опытом. Взять казачий вопрос. Из литературы известно, какую важную роль в судьбах революции и контрреволюции играли казачьи войска. Их активное участие на первых порах в белогвардейском движении далеко не в последнюю очередь

было связано с политикой "рассказачивания", которую проводили местные власти при попустительстве сверху. Эта близорукая политика, не желавшая считаться с фактом глубокого социального расслоения казачьего сословия, нанесла громадный вред, оттолкнула трудовых казаков от Советской власти и привела в белогвардейский лагерь. Между тем, на местах имелся и положительный опыт решения казачьего вопроса. И.Л.Ниренбург и Г.В.Пожидаева считают, что в этом отношении показательна деятельность оренбургских большевиков, которые отказались от массовых репрессий против казачества, сделав упор на разъяснительную работу, на организацию и политическое просвещение станичной бедноты, фронтовиков. Поэтому на Урале революционные силы казачества оказали более серьезное сопротивление белогвардейщина, чем в других районах страны. Но опыт уральцев не получил широкого распространения.

Чрезвычайно сложными в период войны были связи большевиков с непролетарскими партиями. В конечном счете они переросли в прямую конфронтацию, хотя до того успешно проводилась тактика "левого блока", которая во многом обеспечила быструю и относительно бескровную победу революции. С точки зрения сохранения социальной базы Советской власти вряд ли был оправдан полный разрыв с партией левых эсеров после антисоветского мятежа в Москве. Авторам этих строк случалось отмечать, что на Урале мятеж носил по преимуществу верхушечный характер и не был активно поддержан массой рядовых гартийцев, которые продолжали сочувствовать большевикам. Ликвидация левозеролевских организаций ослабила и без того непрочные связи рабочего класса с трудовым крестьянством, интересы которого они выражали.

Что касается меньшевиков и правых эсеров, то и к ним отношение могло быть неоднозначным. С одной стороны, они заслуживали самого сурового осуждения за то, что в борьбе за идеи "чистой" демократии сделали фактическими пособниками реакции. Опыт Урала имел в связи с этим большое значение, поскольку именно здесь, как видно из литературы, во время белогвардейской оккупации соглашатели пытались безуспешно найти "третий путь" развития революции и, по словам Ленина, провалились прямо к Колчаку. Партия испльзовала этот опыт, чтобы доказать колеблющимся, что в условиях ожесточенной классовой борьбы может быть две власти: либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии, третьего не дано.

Но есть и другая сторона вопроса. Несмотря на непризнание меньшевиками и правыми эсерами Советской власти, все же имелась возможность политического диалога с ними. Она проистекала из того, что "социалисты" никогда не отождествляли себя с черносотенцами. В литературе замечено, что лидеры уральских меньшевиков и эсеров осудили колчакровский переворот и призвали трудящихся защитить демократические завоевания революции. За это они и поплатились жизнью. Из работ И.Ф.Плотникова известен и факт участия мелкобуржуазных партий в организации революционного подполья в тылу Колчака. Осмысливая подобные факты, трудно оправдать ту крайнюю нетерпимость, какую проявляли большевики в отношении соглашателей.

В заключение надо сказать, что в литературе нет сколько-нибудь связной концепции использования регионального опыта в условиях войны. В данном случае она образуется усилиями историографов, соединяющих и анализирующих разрозненные факты. Историки же пока не сделали общего вывода о том, что хорошо продуманная социально-политическая стратегия, основанная на тщательном учете реального опыта масс, могла бы с самого начала обеспечить более благоприятное для Советской власти соотношение классовых сил и значительно приблизить победу над контрреволюцией.

Н.А. Чирухин
(Курган)

ДУТОВ И КОМУЧ (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

Тема дутюшевщины имеет достаточно обширную историографию. Усилиями Ф.Г.Попова, С.М.Петрова, Н.А.Лисовского, Л.И.Футорянского, Е.И.Дударь, А.П.Ермолина, Г.В.Пожидаевой, И.Ф.Плотникова, М.Д.Машина и других исследователей восстановлены многие страницы истории гражданской войны на Южном Урале: социально-экономические предпосылки дутюшевщины, создание белоказацкой армии и ее разложение, деятельность большевистской партии по разгрому контрреволюции, большевистское подполье в белогвардейском тылу, ход военных действий и др.

Однако не все стороны дутюшевщины изучены полно. В частности, слабо освещены взаимоотношения атамана Дутова с различными центрами и течениями российской контрреволюции, особенно летом-осенью 1918 г., когда борьбу с Советской властью возглавила т.н. "демократическая контрреволюция", представленная целым рядом эсеро-меньше-

чистских "правительств", среди которых особую роль играл Самарский Комитет членов Учредительного Собрания. Дутов на первых порах вошел в состав Комуца, и между ними возник кратковременный союз, история которого, хотя и привлекала к себе внимание, но до сих пор не написана.

Вскоре после окончания гражданской войны из-под пера активных деятелей "демократической контрреволюции" — В.П.Утгофа, И.Майского, И.С.Буревого, В.Г.Болдырева — вышли перья работы, в которых затрагивались взаимоотношения Дутова и Комуца. Эти работы носили описательный характер, и фактический материал, содержащийся в них, преподносился тенденциозно, в интересах оправдания политики Комуца. Вместе с тем, они сохраняют известное значение как ценный источник и первая попытка осмысления темы. Правомерен вывод о фактической самостоятельности войсковых правительств Оренбургского и Уральского казачьих войск, несмотря на их признание власти комитета, о позиции верхов оренбургского казачества, которое склонялось к наиболее реакционным группировкам сибирской контрреволюции.

По характеру изложения, общей направленности и выводам к названным работам можно отнести и книгу В.Владимировой "Год службы "социалистов" капиталистам" (М.-Л., 1927). Там были затронуты такие сюжеты, как усилия Комуца по организации местного управления в Оренбурге и роль в этом местных эсеров и меньшевиков.

В 30-е гг. историю взаимоотношений Дутова с Комуцем и Сибирским правительством исследовал Ф.Г.Попов. Он рассматривал их в общем контексте событий гражданской войны на Востоке страны. Отмечая стремление Дутова к самостоятельности, Попов считал, что недостаток сил и материальных возможностей заставлял Дутова лавировать между Самарой и Сибирью. Автор практически не делает различия между политикой Дутова и политикой Комуца, но это нельзя поставить ему в вину лично, поскольку оттенки в лагере контрреволюции в то время уже никого не интересовали: возобладало двуцветное восприятие и действительности, и гражданской войны. Будучи наиболее полным исследованием проблемы, выполненным в те годы, работа Ф.Г.Попова "Дутовщина" (Куйбышев, 1937) несет на себе печать эпохи: узкая источниковая база, схематизм изложения, заданность выводов, которые нередко противоречат фактам.

В последующие годы изучение лагеря контрреволюции было свернуто, и вплоть до начала 60-х гг. практически ни одна работа не вышла

за рамки уже изученного по данной теме. Даже в обстоятельной монографии Н.К.Лисовского "Разгром дутовщины (1917-1919 гг.)" (М., 1964) взаимоотношения Дутова и Комуча фактически оцениваются с позиций 30-х гг., и автор в сжатом виде повторяет основные выводы Ф.Г.Попова.

Начиная с 60-х гг. вышел целый ряд работ, в которых в той или иной степени затрагивается данная тема. Наиболее основательно разрабатывал ее В.Б.Гармиза. Изучая историю эсеровских правительств, он уделил особое внимание политике Комуча, причем, не ограничиваясь анализом приказов и заявлений, попытался выяснить, как проводилась эта политика на местах, в том числе и на территории Оренбургской губернии. Касаясь отношений Дутова с Комучем, Гармиза увидел причину политических трений, возникших между ними, в различии политических программ. Его работы основываются на широком круге источников и охватывают широкий круг проблем: сотрудничество в военной области, организация местного управления, аграрная политика и т.д., но не дают целостного освещения развития отношений атамана Дутова и Самарского комитета.

Таким образом, данная тема нуждается в дальнейшем изучении. Остаются невыясненными такие моменты, как сущность политических разногласий Дутова и Комуча и формы их проявления, действительное содержание лозунга казачьей "автономии", и его соотношение с тезисом о "монархизме" казачьих верхов, роль местных эсеров и меньшевиков в развитии отношений Дутова и Комуча и др.

Е.П.Сичинский
(Свердловск)

ОПЫТ ПОИСКА "ТРЕТЬЕГО ПУТИ" (ИЗ ИСТОРИИ ВРЕМЕННОГО ОБЛАСТНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА УРАЛА)

Для ответа на вопрос о том, существовала ли альтернатива Октябрю, история предоставила своим будущим критикам исключительную возможность сравнить множество подходов в определении дальнейшей судьбы России. В 1917-20 гг. в политическом калейдоскопе страны промелькнуло большое количество партий и правительств, которые имели реальную возможность реализовать свои идеи на практике. Неоднократно такой шанс предоставлялся эсерам и меньшевикам, чьи правительства, действовавшие под лозунгом Учредительного Собрания, сво-

боды торговли, демократии, существовали в различных регионах страны. Создавая свои и участвуя совместно с буржуазией в многочисленных коалиционных правительствах, представители мелкобуржуазных партий стремились осуществить идею "третьего пути" в проведении социальных преобразований, который бы исключил господство одного класса над другим и привел к торжеству "чистой" демократии. Не остались в стороне от этих попыток и уральские эсеры и меньшевики, при непосредственном участии которых в августе 1918 г. было создано Временное областное правительство Урала.

Его созданию предшествовала многодневная работа межпартийной комиссии, в которую входили кадеты, народные социалисты, эсеры и меньшевики. В результате взаимных уступок партии пришли к соглашению о формировании коалиционного кадетско-эсеро-меньшевицкого правительства. Его первый программный документ закрепил достигнутый компромисс и включал в себя не только требования буржуазии, как считают некоторые исследователи, но и попытку проведения в жизнь идеи "третьего пути". Несмотря на то, что заявление правительства явно противопоставлялось большевистской программе, кадеты и соглашатели не решились сразу же отменить все декреты Советской власти, а высказались за планомерный переход к прежним отношениям.

К сожалению, в исследованиях прошлых лет при освещении деятельности Временного областного правительства не учитывается то немаловажное обстоятельство, что на территории Урала в этот период произошло сложнейшее переплетение всевозможных сил. Помимо областного правительства, реальной властью обладали военные, работавший ряд учреждений Сибирского правительства, действовали организации буржуазии. Поэтому оценивая характер и действия уральского правительства необходимо рассматривать обстановку дифференцированно. Конечно, войдя в правительство и провозгласив себя властью, эсеры и меньшевики несут моральную ответственность за все то, что происходило на Урале в тот период. Но было бы абсолютно неверно отождествлять их программу с действиями реакционной военщины и буржуазии. Участвуя в коалиции, соглашатели часто шли навстречу интересам буржуазии. Но одновременно, имея определенные политические обязательства, меньшевики и эсеры через правительство стремились осуществить их на практике. Это проявилось в решении аграрного вопроса, когда в руках крестьян были

оставлены земли сельскохозяйственного назначения, в попытках решать конфликты между предпринимателями и трудящимися, в стремлении наладить элементарный порядок в работе следственных комиссий и т.д.

Проведение самостоятельной политики соглашателями не устраивало крупную буржуазию, т.к. роль, которую она определила для меньшевиков и эсеров, привлекая их в правительство, заключалась в предотвращении преждевременных социальных конфликтов до тех пор, пока реакция не накопит сил. Поэтому областное правительство, пытаясь проводить "среднюю" линию, постоянно испытывало на себе давление со стороны буржуазии и ее организаций, военщины и Сибирского правительства. Почувствовав же себя уверенно, буржуазия вступила против соглашателей, перестав считаться с ними, и начала восстанавливать свои привилегии с помощью военных, в руках которых сосредоточивалась реальная власть.

Непоследовательная политика соглашателей оттолкнула от них и трудящихся. Неспособность эсеров и меньшевиков обуздать реакцию явилась причиной их изоляции, но не означала полного банкротства соглашательских иллюзий, порожденных ими. Испытав на себе произвол военщины и утратив веру в правительство, рабочие и крестьяне связали свои надежды с созданием более сильной власти, способной в рамках существующего строя обеспечить защиту демократических свобод, гарантию сохранности жизни и имущества мелкого собственника. Вот почему колчаковский переворот не встретил серьезного сопротивления со стороны мелкобуржуазных масс, и прежде всего крестьянства.

Участие мелкобуржуазных партий в уральском правительстве еще раз доказало утопичность идеи "третьего пути". Являясь одной из самых многочисленных партий страны и имея широкую социальную базу, эсеры тем не менее не смогли осуществить своей программы, т.к. в условиях резкой поляризации классовых сил и обострения классовой борьбы, решало уже не большинство колеблющейся мелкобуржуазной массы, а та из сил, которая сумеет привлечь ее на сторону. Поражение "третьего пути" было запрограммировано заранее, т.к. ратуя за "чистую" демократию и сотрудничество классов, эсеры исключали из этой схемы большевиков, подчиняя тем самым рабочий класс буржуазии. Но русская буржуазия вследствие небольшого политического опыта была ненадежным партнером и вместо того, чтобы путем ус-

тупок достигнуть национального согласия, она встала на путь установления диктатуры, в результате которой пострадали и сами соглашатели. Таким образом, уральский опыт подтвердил мысль В.И. Ленина, что возможна либо диктатура буржуазии, либо диктатура пролетариата и невозможно существовать ничему третьему.

А.Т. Курманаев
(Новосибирск)

БУФЕРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ, 1920-1922 гг. (РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ)

В начале 1920 г. Советская Россия была вынуждена приостановить свое продвижение в Сибири по линии оз. Байкал и санкционировать создание буферного государства – дальневосточной республики. Предшествующая ситуация складывалась для Советской России таким образом, что освобождение Дальнего Востока необходимо и возможно было решать без прямого вооруженного столкновения с Японией, войска которой находились на русском Дальнем Востоке.

Формирование дальневосточной политики Советской России было предопределено следующими факторами:

Первое – задача избегания столкновения с Японией диктовалась ситуацией на западе, где назревала война с Польшей и на юге, где предполагалась окончательная ликвидация очагов гражданской войны. С этой точки зрения война с Японией в начале 1920 г. была крайне опасна, так как могла втянуть Советскую Россию в затяжной конфликт на второстепенном фронте.

Второе – быстрее освобождение русского Дальнего Востока не диктовалось жизненными экономическими потребностями Советской России. Основная ресурсная база – Сибирь – уже находилась под советским контролем.

Третье – Советская Россия не могла вести активной силовой политики на Дальнем Востоке в 1920 г. в силу военной и экономической слабости ее позиций в Сибири. При тех силах, которыми располагала Советская Россия в Восточной Сибири (50–70 тыс. штнков) против 100 тыс. японских и белогвардейских штнков, речь могла идти лишь об оборонительной политике.

Четвертое – международные отношения в Дальневосточном регионе давали основания для Советской России решить проблему присо-

единения Дальнего Востока, используя противоречия Японии, США, стран Согласия и Китая. Ни одна из указанных сторон не могла согласиться на монопольное усиление Японии на русском Дальнем Востоке.

Именно эти факторы в период до конца 1920 г. играли главную роль в формировании политической стратегии Советской России на дальнем Востоке. В общем плане ее можно охарактеризовать как политику выжидания, во время которой должны быть решены первостепенные военные задачи на западе России и определятся четкие позиции всех стран по проблеме русского Дальнего Востока.

Наиболее эффективно проводить политику выжидания на Дальнем Востоке Советская Россия могла при помощи создания просоветского буферного государственного образования. Это позволяло не только избежать прямого конфликта с Японией, но и активно влиять на политику в дальневосточном регионе в целом.

В 1921-1922 гг. окончание войны на западе и общая стабилизация советского режима в России внесли коррективы в дальневосточную политику Советской России. Буфер стал рассматриваться не только средством избежания войны с Японией, но и плацдармом для выхода на Тихоокеанский регион — как в плане межгосударственных отношений, так и в плане организации революционных движений в странах региона.

Таким образом, постоянно трансформирующаяся буферная политика Советской России оказалась наиболее эффективной для решения всего круга проблем, как политических, так и экономических.

В.В.Третьяков
(Свердловск)

НАЧАЛО АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РАБОТАХ УРАЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

В уральской историографии традиционно существовал интерес к вопросам, связанным с историей перехода деревни на новые условия землевладения и землепользования в соответствии с первыми советскими декретами. Этот интерес сохраняется и сегодня, т.к. правильной картины тех событий историки создать так и не сумели. Между тем работа в этом направлении велась постоянно, о чем свидетельствует длинный перечень исследований, затрагивающих эту тему. Она

неизменно рассматривалась во всех трудах обобщающего плана по истории Октября и гражданской войны, ей также посвящено множество специальных статей, раскрывающих отдельные аспекты проблемы.

Общий недостаток созданных ранее исследований нам видится в том, что их авторы, пытаясь следовать официальной концепции, неизбежно рассматривали происходящие события как часть революционного процесса, несущего в себе лишь положительные результаты. Они стремились показать главным образом успехи периода осуществления Декрета о земле, когда закладывались, как считалось, предпосылки для будущих подлинно социалистических преобразований сельского хозяйства.

Исследование велось, как правило, по единой схеме. Давалась характеристика системы землеустройства накануне Октября, подчеркивался ее полуфеодальный характер, отмечались зачатки капиталистических отношений в деревне и на этой основе выносился приговор о нежизнеспособности существующего строя. При этом также указывалось на взрывание предпосылок буржуазно-демократической, а далее и социалистической революции. Затем сообщалось о количестве конфискованных имений, о размерах поделенных кулацких земель, приводились отдельные показатели передачи земли крестьянам. И в заключение делается вывод о поступательном в целом развитии деревни, при наличии отдельных неудач, обусловленных рядом причин. Такой подход, безусловно, не мог позволить показать всю сложность и неоднозначность происходящих перемен. Однако, даже на этом пути многие важные конкретные вопросы остались невыясненными. До сих пор нет данных о количестве поделенной земли, неясно, кому она досталась в результате передела и как это отразилось на положении крестьянства. Пока существует лишь схема "Краткого курса", подкрепленная уральским материалом. Тем не менее имеющийся результат вполне закономерен, при том направлении исследования, когда целью работы был не поиск истины, а следование общему строю мыслей.

Вместе с тем, говоря о недостатках, которые более четко видны с позиций знания сегодняшнего дня, следует сказать и о вкладе исследователей в решение проблемы, без которого ее изучение сегодня было бы еще сложнее. Авторами был поднят и освоен обширный комплекс источников, что позволило собрать и проанализировать богатый фактический материал. В литературе дано последовательное изложение событий тех дней, сохранены многие факты и имена. Нам

представляется, что не утратили своего значения обобщающие труды Ф.П.Быстрых, О.А.Васьковского, Н.К.Лисовского, Н.В.Ефременкова. Ценные сведения содержат работы А.Д.Антонова, Л.А.Евдокимова, В.М.Жукова, И.Л.Ниренбурга, написанные на материалах всего Урала. Определенный интерес представляют более узкие исследования И.С.Канцуговича по Пермской губернии, М.Д.Машина, В.П.Половинко по Кюно-му Уралу, Е.П.Редаковой по Зауралью, М.А.Садакова, Т.С.Томшич по Удмуртии, Л.М.Шнейдера по Башкирии, Е.И.Дударь, Л.И.Футорянского по Оренбуржью. Хотя со многими выводами этих исследователей можно сегодня спорить, вместе с тем их труды являются солидной базой для дальнейших научных поисков.

Пытаясь сегодня решить эту проблему, историкам следует прежде всего внимательно изучить состояние деревни накануне Октября. В созданных ранее работах приводятся многочисленные данные о землевладении и землепользовании в отдельных районах и по Уралу в целом. Рассказывается о процессах классовой дифференциации уральского крестьянства и казачества, о развитии классовой борьбы в деревне, в том числе внутри крестьянства. Но, к сожалению, нет попыток определить экономическую эффективность хозяйств различного типа, вскрыть рациональные, прогрессивные моменты, заложенные в их организации. Практически не изучены духовные, культурно-бытовые, религиозные традиции крестьянства, что также мешает правильно понять и объяснить причины и смысл отдельных событий и явлений. Необходимо тщательно проанализировать ход осуществления Декрета о земле. Следовало бы подробнее показать участие различных слоев крестьянства в преобразовательных процессах, выяснить мотивы, интересы, которыми они руководствовались в своих действиях. Надо постараться точнее назвать причины медленной передачи земли крестьянам, в том числе определить степень сознательного сдерживания проведения этих мероприятий со стороны различных политических сил, в том числе и большевиков. Хотелось бы видеть более полную и точную характеристику итогов земельного передела.

Сегодня, когда открылась возможность для свободного, подлинно научного поиска, настало время правдиво осветить и эту страницу истории уральской деревни, когда только начинался ее путь к современному кризисному состоянию.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА В
ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К МИРНОМУ ХОЗЯЙСТВЕННОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ
(ЛЕТО 1919-ВЕСНА 1921 гг.)

В истории уральского крестьянства период перехода от войны к мирному хозяйственному строительству занимает особое место. Наряду с коренными изменениями в деревне происходили глубокие сдвиги и в мировоззрении крестьянства. Своеобразие и сложность обстановки изучаемого периода выдвигают большое количество конкретно-исторических проблем. Одна из них – политические настроения уральского крестьянства. Среди комплекса вопросов наименее изученным является вопрос о причинах колебания его политических настроений. Его разработка позволит проанализировать происходящие в деревне процессы, дать оценку формам проявления недовольства крестьянских масс, степени его распространения в годы "военного коммунизма".

Процесс изменения политических настроений происходил постепенно, через своеобразное переплетение фактов поддержки крестьянами Советской власти и недовольства экономическими мероприятиями. Недовольство крестьян трудовыми повинностями, продразверсткой, изъятием в условиях неурожая и голода 1920 г. не только излишков, но и необходимого продукта неуклонно перерастало в недовольство крестьян Советской властью, ставило его в оппозицию к ней.

Но недовольство к концу 1920 г. охватило большинство уральских крестьян, а восстания зафиксированы в отдельных районах Урала. Значит, только совокупность обстоятельств, определенный комплекс факторов вызывали крестьянские выступления. Другими словами, действия крестьянских масс определялись как общими настроениями, так и конкретной сложившейся обстановкой в каждом уезде, волости, в отдельном селе. Недовольство сельских труженников определялось и общей хозяйственной разрухой в стране.

При этом упадок крестьянского хозяйства ставился крестьянами в прямую связь с тяготами продразверстки. Необходимость сдачи всех излишков производства государству, без всякого вознаграждения не давали крестьянину возможности распорядиться получен

ной землей для развития своего хозяйства. Отсутствие стимула к расширению хозяйства в условиях разрухи превращалось из фактора экономического в фактор политический, т.к. ослаблялось значение самого факта получения крестьянами земли.

Настроение крестьян, кроме того, зависело от содержания, характера работы Советского аппарата на местах, от правильного исполнения основных принципов продовольственной политики.

Указывая на недовольство во всех слоях крестьянства, важно подчеркнуть, что в разных социально-экономических группах формы проявления недовольства, его причины были неодинаковыми. Трудности экономического и социального характера действовали в первую очередь на самосознание середняка и части бедняков. В результате и середняк, и определенная часть бедноты вступили на вооруженный путь борьбы с Советской властью. И если до начала 1921 г. среднее крестьянство только "инстинктивно, по настроению были против нас" (Ленин В.И. Полн.собр.соч. - Т.45. - С.262), то в первой половине 1921 г. оно выступало сознательно.

Таким образом, все эти факты свидетельствовали об ослаблении союза рабочего класса с крестьянством, о том, что военно-политическая форма союза изжила себя. "Крестьянство формой отношений... недоволено, оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет". (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.43. С.59).

Т.В.Романова
(Челябинск)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ СРЕДНИХ ГОРОДСКИХ СЛОЕВ УРАЛА В УСТАНОВЛЕНИИ И УПРОЧЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Тенденция к расширению и углублению проблематики исследований истории Великого Октября привела в 70-80 гг. к появлению первых специальных работ о средних городских слоях, авторами которых являются Н.И.Востриков, А.П.Степин, Э.Р.Гречкина, К.В.Гусев и др. В их работах рассматриваются вопросы социально-экономического положения средних городских слоев, политической позиции и деятельности их общественных организаций, воздействия партии большевиков на них.

Тема участия средних городских слоев Урала в Октябрьской революции и упрочении Советской власти комплексно исследователями

не рассматривалась, получили освещение лишь отдельные ее аспекты. Научные исследования ведутся в двух направлениях: 1. Анализируется борьба большевиков за создание политической армии социалистической революции; 2. Исследуются формы и методы привлечения отдельных категорий средних городских слоев в Октябрьской революции и первый год диктатуры пролетариата.

Имеется ряд статей по интересующей нас теме, авторами которых являются М.А. Дашевская, М.А. Чулкина, Т.А. Андреева. Рассматривая формы и методы борьбы Уральской областной партийной организации за интеллигенцию через удовлетворение экономических и политических требований явочным порядком, М.А. Чулкина доказывает, что значительную работу по привлечению интеллигенции на сторону социалистической революции проводили большевики из числа интеллигентов, пользующихся определенным доверием и поддержкой масс. Анализируя правовое и материальное положение, условия труда и жизни демократической интеллигенции на Урале, Т.А. Андреева вскрывает объективную основу сближения пролетариата и интеллигенции, предпосылкой которого, по ее мнению, является тяжелое экономическое положение как пролетариата, так и интеллигенции. В статьях М.А. Дашевской предпринята попытка показа борьбы большевиков за средние городские слои через массовые организации трудящихся — профсоюзы конторских, технических и торгово-промышленных служащих, представлявших значительную часть интеллигенции горнозаводского края. Тем самым удалось приобщить средние городские слои к работе в органах рабочего контроля, вовлечь их в работу по созданию основ социалистической экономики.

Проблеме привлечения служащих к социалистическому строительству посвящены статьи А.П. Абрамовского. Автору удалось воссоздать картину явного и скрытого саботажа служащими филиалов Государственного и частных коммерческих банков всех декретов Советской власти и проследить этапы борьбы за банковских служащих. Интерес представляют выводы П.Е. Любарова об участии торговых служащих Урала в революционном движении от Февраля к Октябрю 1917 г. Автор показывает формы борьбы большевиков за эту часть средних городских слоев: влияние через их профсоюзы, выступления на собраниях и митингах, использование кампаний по выборам в органы местного самоуправления.

Заслуживает внимания опубликованная в 1965 году работа новосибирских историков С.Н. Красильникова и В.Л. Соскина "Интеллиген-

ция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917—лето 1918)". В ней раскрываются предпосылки, формы и результаты участия различных групп интеллигенции в классовой борьбе в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и на этапе утверждения Советской власти. Ценность данной работы возрастает для нас в связи с тем, что Сибирь и Урал близки по своей специфике.

Из работ, имеющих непосредственное отношение к теме нашего исследования, отметим сборник научных трудов "Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне" (М., 1964). В сборнике рассматриваются теоретические и конкретно-исторические аспекты, исследуются численность, структура, социально-экономический облик, изменение политических настроений промежуточных городских слоев всей России и ее отдельных регионов, политика большевистской партии по отвоеванию этих слоев у непролетарских партий. Отмечая несомненную ценность данного исследования, следует указать, что в нем не рассматривался вопрос о специфике средних городских слоев и особенностях борьбы уральских большевиков за эту часть населения.

Свое наиболее полное отражение интересующая нас проблема получила в новой монографии Н.И.Вострикова "Третьего не дано!" (М., 1966). Анализируя архивные документы и периодическую печать, автор прослеживает, как, с помощью каких средств, форм и методов удалось привлечь непролетарские слои трудящихся на сторону рабочего класса.

Подводя итоги изучения современной историографии участия средних городских слоев Урала в Октябрьской революции и установлении Советской власти, следует подчеркнуть, что советские и уральские историки добились определенных успехов в освещении проблемы. Однако не все аспекты поставленной темы нашли полное освещение и потому нуждаются в дальнейшем изучении на базе широкого фактического материала.

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Исторические исследования принято ранжировать по масштабу охвата темы на общесоюзные, республиканские, региональные. Нередко работы, выполненные на "всесоюзных" материалах, заранее относят к явлениям общенаучного значения, а исследования на региональном материале квалифицируются как представляющие сугубо местный интерес или служащие для пополнения информационного банка "большой науки".

Сказанное относится и к трудам по истории советской интеллигенции, ее отрядов, в том числе и научно-технического, хотя истории советской интеллигенции в регионах посвящено немало работ, заслуживающих внимания. Научное значение региональных исследований истории интеллигенции признано в историографических трудах, в частности, в книге М.Е.Главацкого "Историография формирования интеллигенции в СССР" (Свердловск, 1967). Однако в первой же "всесоюзной" статье М.А.Кумаева по истории советской интеллигенции, опубликованной в журнале "История СССР" в № 1 за 1990 г., об исследовании темы на региональном материале нет и упоминания, если не считать "и др."

Историкам интеллигенции Сибири и Урала в этом отношении повезло не больше, чем другим. Написанные по материалам регионов и опубликованные здесь монографии, тематические сборники, проблемные статьи и другие научные публикации в основном оседают на местах и из-за косности научной бюрократии остаются малоизвестными всесоюзному читателю. Между тем, труды В.Л.Соскина, М.Е.Главацкого, С.А.Красильникова, Л.И.Пыстиной, Т.Н.Осташко, И.А.Лутохина, М.И.Кондрашевой и других историков интеллигенции Сибири и Урала заслуживают внимания. Отнюдь не только местную значимость имеет и объект их исследования.

В истории формирования крупного отряда советской интеллигенции - научно-технического - Сибирь, например, выступает не только исключительным по масштабам полем деятельности хозяйственных, государственных и общественно-политических органов, но и крупнейшим полигоном для проявления уникальных по разнообразию региональ-

ных особенностей, специфических проявлений общих закономерностей. Причем важнейшие из выявленных на этом региональном материале особенностей имеют свойство повторяемости, действуют в межрегиональном контексте.

Даже при современном ультракритическом подходе к оценкам непреложным остается то, что обширный Сибирский регион в итоге социалистических преобразований превратился из неразвитой в промышленном отношении территории в индустриальный район всесоюзного и, в известном смысле, международного значения. Что касается индустриальных кадров, то на начальном этапе социалистического строительства Сибирь выступала только в качестве потребителя специалистов, а позднее и сама поставляла в другие регионы квалифицированных инженерно-технических работников с опытом работы в современной промышленности. Сибирь, продолжая высокими темпами наращивать свой инженерно-технический потенциал, сама превратилась в всеобразную кузницу кадров. И в этом значении могущество страны прирастать стало Сибирью. Изучение истории производственно-технической интеллигенции Сибири, таким образом, и в этом аспекте вышло за рамки региональных масштабов.

Изучение роли высшей и средней специальной школы в удовлетворении местных потребностей в специалистах также приводит к выводам, перерастающим чисто региональное значение. Выясняется, например, что местная сеть высшего и среднего специального образования работает на удовлетворение не только местных потребностей в кадрах, но и поставляет дипломированных специалистов для других регионов. В свою очередь контингент специалистов для местных предприятий и учреждений, интеллектуальный потенциал народного хозяйства региона пополняется не только за счет выпускников местных учебных заведений. Этот кадровый обмен имеет объективно обусловленный характер и позитивные следствия. Отсюда — рост местной сети высшего и среднего специального образования следует рассматривать не только в региональном, но и в межрегиональном разрезе, а приток специалистов для местного потребления недостаточно связывать только с развитием системы подготовки кадров в данном регионе. Проявляющееся здесь межрегиональное, достигающее часто и общегосударственных масштабов, взаимодействие регионов, существенно не только для выявления исторической ретроспективы, но и имеет научно-практическое значение при решении текущих и пер-

спективных задач.

Недооценка межрегионального взаимодействия в формировании производственно-технической интеллигенции может привести к ошибочным выводам. Например, при описании источников по истории инженерно-технических кадров Сибири в годы строительства основ социализма некоторые авторы высказывают мнение о том, что здесь использование старых специалистов не имело существенного значения в связи с крайней малочисленностью дипломированных инженеров и техников, работавших в регионе в дореволюционные годы. Однако надо учитывать, что в годы индустриализации в народном хозяйстве края широко использовались высококвалифицированные специалисты, прибывавшие из других центров страны, в том числе по правительственным и общественным мобилизациям. Пожалуй, не следует игнорировать и ссылку старых кадров в Сибирь, что Советская власть, кстати, учитывала. К инженерно-техническим кадрам старой, буржуазной, выучки, в 20-е, 30-е гг. довольно широко использовавшихся в Сибири, следует также отнести иностранных специалистов. С учетом всех источников использования в советской Сибири старых инженерно-технических кадров, удельный вес и функциональная роль группы специалистов старой школы были достаточно заметными. Однако комплексный подход к оценке места и роли старой технической интеллигенции в социалистическом строительстве в Сибири и в других удаленных от центра регионах еще ждет признания в исторических трудах.

Социально-исторические исследования на региональном материале дают хорошие возможности для конкретного изучения фундаментальных социальных процессов социалистического строительства, в их числе — преодоления противоположности и формирования социально-классового союза между работниками умственного труда (интеллигенция) и физического (рабочие, крестьянство). То, что этот научно-исторический сюжет актуален, видно и из материалов забастовочного движения в Кузбассе в 1966 г.: Шахтерские забастовки показали, что формирование социально-классового союза работников умственного и преимущественно физического труда еще не завершилось.

Для глубокого проникновения историков интеллигенции в сущность этого противоречивого процесса необходимо преодолеть традиционное их тяготение к исследованию преимущественно вопросов подготовки кадров. Необходимо усилить внимание к области практической деятельности специалистов непосредственно в трудовых коллективах. Именно

здесь, внутри производственной сферы, главное поле преодоления противоречий между работниками умственного и физического труда, совершенствования их взаимоотношений. Не исключено, что изучение этого аспекта истории производственно-технической интеллигенции поможет ответить на некоторые важные вопросы, стоящие перед наукой, выяснить, например, почему сокращение численности и удельного веса специалистов-практиков в народном хозяйстве идет значительно медленнее темпов подготовки дипломированных специалистов.

В социально-историческом исследовании развития отношений производственно-технической интеллигенции и рабочих необходима также научная интеграция и, прежде всего, творческое сотрудничество историков интеллигенции с историками рабочего класса. Это будет способствовать и более основательному освещению истории рабочего класса.

В заключение отметим, что повышение статуса региональных исторических исследований, как это видно на примере изучения истории производственно-технической интеллигенции, зависит не столько от объективных, сколько от субъективных факторов.

А. А. Халиулина
(Кемерово)

УРАЛО-КУЗНЕЦКАЯ ПРОБЛЕМА В СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-х - НАЧАЛА 30-х гг.

История изучения Урало-Кузнецкой проблемы (УКК) тесно связана с именем В. И. Ленина. Его статьи, выступления, письма стали методологической основой и источником по истории изучения производительных сил Востока страны, национализации предприятий, строительства рудников и заводов, решения проблем кадров и партийного руководства в трудные годы восстановления народного хозяйства.

Вопросы развития УКК нашли отражение в плане ГОЭЛРО. Разделы по электрификации Уральского и Загадно-Сибирского районов почти полностью посвящены Урало-Кузнецкой проблеме. В обзоре электрификации Уральского района подчеркивалось, что широкое развитие металлургии края связано с доставкой кузнецких коксующихся углей к местам мощных залежей руд (Богословский и Высокогорский округ, гора Магнитная). План ГОЭЛРО впервые давал научно обоснованное и практически осуществимое решение Урало-Кузнецкой проблемы.

Ленинские идеи о рациональном размещении промышленности, использовании природных богатств Сибири в создании и развитии социалистической индустрии были положены в основу хозяйственной деятельности государства. Однако не все были согласны с этим. В начале 20-х гг. был широко распространен тезис о том, что Сибирь всегда являлась сельскохозяйственным районом и должна остаться таковым. "Переработка сельского хозяйства в Сибири, уже индустриализация края", — считал Троцкий. Сибирские большевики: В. Вегман, А. Ансон, И. Ходоровский и другие, как видно из их выступлений в периодической печати тех лет, разоблачали эти утверждения. Защита ленинских идей о рациональном размещении производительных сил Сибири были посвящены статьи: С. Франкфурта "Работа Сибсовнархоза и его ближайшие перспективы", П. Дубровского "Промышленность Сибири к началу 1921 г.", П. Зуева "Вопросы об индустриализации Сибири (Тельбес)" и др.

Таким образом, первый этап разработки и изучения проблемы начался еще в I-й половине 20-х гг. Это было время становления молодой сибирской исторической науки. В Сибири ощущалась нехватка кадров историков, шел процесс складывания источниковой базы. Первыми исследователями проблем истории советского общества стали экономисты, партийные и советские работники, передовые рабочие. Большую роль играли первые исторические центры в Сибири: Сибистпарт, Сибархив, Общество по изучению Сибири и ее производительных сил. На I-м Сибирском научно-исследовательском съезде в декабре 1926 г. из 86 докладов 64 были посвящены вопросам индустриального развития Сибири. Главное внимание обращалось на необходимость строительства Тельбесского металлургического завода.

Значителен вклад периодической печати в постановку и обсуждение проблемы. В 1926 г. газета "Советская Сибирь" открыла широкую дискуссию по проблеме УжК, в которой приняли участие экономисты, хозяйственники, партийные работники: А. Ансон, В. Вегман, В. Виленский-Сибиряков, Ч. Бакай, А. Огановский, Р. Эйхе, А. Тамарин, Н. Брянцев, А. Зворыкин и др., выступавшие в защиту УжК. Е. Ярославский в статье "Перспективы развития Сибири" писал, что судьба металлургии Урала, ее дальнейший рост и успех неразрывно связаны с развитием коксовой промышленности в Кузбассе, и Кузнецкий бассейн должен стать центром развития коксохимической промышленности металлургических заводов Урала. Пути развития УжК рассматривались на страницах центральных и местных журналов "Плановое хозяйство", "Профра-

ботник", "Вопросы труда", "Жизнь Сибири" и др., где обсуждались аргументы за и против создания УЗК. Главным аргументом противников УЗК был тезис о якобы нерентабельности уральской, а тем более сибирской, металлургии и перевозок угля, кокса и железной руды на огромные расстояния. Вторым аргументом — то, что сооружение УЗК будет тормозом в развитии Донбасса.

Как видно из опубликованных в периодике тех лет выступлений, до начала первой пятилетки УЗК понимался как создание в Кузбассе топливной базы для уральской и сибирской металлургии.

На рубеже 20-х — 30-х гг. начался второй этап в изучении проблемы. В историографии этого времени УЗК рассматривался более широко, в связи с созданием базы тяжелой индустрии на Урале и в Западной Сибири, дальнейшим освоением новых районов на Востоке страны. Этот этап изучения проблемы УЗК отмечен воздействием ряда важных факторов, среди которых — овладение исследователями марксистско-ленинской методологией, создание научных центров в Сибири, расширение источниковой базы за счет использования статистических методов исследования, появление первых обобщающих трудов (Сибирская Советская Энциклопедия), расширение проблематики исследования.

С историей УЗК тесно связаны и другие проблемы — источники и формы пополнения кадров рабочих на Востоке страны, изучение промышленных предприятий. Противники УЗК характеризовали районы Урала, Кузбасса, Казахстана, как "непритягательные для иммиграции", объясняя этим напряженность с трудовыми ресурсами. Недостаток рабочих кадров в Сибири породил "теорию" ввоза в Сибирь из-за границы десятков тысяч рабочих. Эти "теории" были подвергнуты критике на пленуме Запсибкрайисполкома в сентябре 1930 г. Сибирская периодика широко обсуждала эту проблему. В журнале "Советская Азия" (1931 г., № 2) М. Красильников на основе обработки материалов городской переписи 1931 г. впервые попытался рассмотреть особенности территориальных и социальных источников рабочих кадров на Урале, в Сибири, Казахстане, районах Бурятии, Якутии, на Дальнем Востоке. Его выводы свелись к тому, что основными территориальными источниками пополнения кадров на Урале и в Западной Сибири являются местные уроженцы, при этом на Урале классовым источником являлись сами рабочие, в Сибири — крестьянство.

Итак, рассмотрение проблемы УЗК в 20-е — 30-е гг. тесно свя-

зано с первым периодом развития исторической науки в Сибири. В целом этот период можно определить как особый, уникальный, в котором история и современность тесно переплетались, закладывался фундамент историографии промышленности и рабочего класса.

Л.К.Казанцева
(Свердловск)

МАЛОИССЛЕДОВАННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ УРАЛО-КУЗБАССА

Историография проблемы разработки идеи и создания Урало-Кузбасса складывалась в 20-е - 30-е гг. Первыми учеными, создавшими серьезные работы, стали крупнейшие деятели науки И.М.Губкин, Н.Д.Зеленский, А.Ф.Иоффе, Н.С.Курнаков, А.П.Карпинский, В.А.Обручев, С.Г.Струмилин, А.Е.Ферсман и многие другие талантливые исследователи. Активно выступая по проблеме Урало-Кузбасса на сессиях Академии наук СССР, работая в комиссиях ВСНХ и Госплана страны, на страницах периодической печати и в научных изданиях, они принимали самое непосредственное участие в дискуссии по проблеме Урало-Кузбасса, более того, явились авторами многих важнейших проектов и разработок. Этими учеными создана и теоретически обоснована модель Урало-Кузнецкого комбината.

Большой вклад в изучение проблемы внесли ученые Института промышленно-экономических исследований ВСНХ СССР и специалисты Госплана А.Н.Сперанский, В.С.Емельянов, В.П.Красовский, В.Ф.Васютин, Н.Н.Колосовский, А.Д.Курский и другие. Работы всех выше-названных ученых и специалистов свидетельствуют об остроте научных дискуссий и отражают историю создания комбината. Разработка проблемы Урало-Кузбасса нашла известное отражение в работах уральских и сибирских историков П.Г.Матушкина, В.Н.Зуйкова, А.В.Бакунина, А.С.Московского, И.К.Беляева, которые посвящены более широкому кругу проблем создания крупнейшего промышленного района.

Менее изученными остаются, на наш взгляд, те вопросы, серьезное исследование которых дает возможность изучения исторического опыта разработки проблемы Урало-Кузбасса и использования его в современных условиях.

Ценность исторического опыта создания Урало-Кузбасса заключается в том, что к детальной разработке и теоретическому обоснованию идеи Урало-Кузбасса были привлечены лучшие научные силы

страны. Открытые научные дискуссии, обмен мнениями на страницах специальных изданий способствовали глубоко научному подходу, строгим оценкам специалистов, выверенным расчетам в работе над проблемами Урало-Кузбасса.

Не менее важным является опыт широкого обсуждения и гласности в решении проблемы создания второй металлургической базы страны. Она обсуждалась не только в партийных органах и Советах, не только специалистами и учеными, но и в трудовых коллективах, на страницах периодической печати. Одновременно формировалось общественное мнение о необходимости создания Урало-Кузбасса.

Не в пример узко ведомственным интересам, подобно проекту переброски сибирских рек, в решении урало-кузбасской проблемы были сконцентрированы силы всех ведущих отраслей производства. В этом проявлялось умение объединить интересы государства, различных отраслей хозяйства с интересами всего народа.

В современных условиях особую актуальность может иметь опыт международной кооперации при разработке проектов и создании Урало-Кузнецкого комбината. В исторических исследованиях эта проблема либо рассматривается бегло, либо упускается из виду вообще или оценивается со знаком минус. А между тем без использования международного опыта, передовой зарубежной техники и технологии создать первоклассный по мировым стандартам комбинат было бы невозможно.

Несмотря на то, что большинство историков обращались к вопросам создания и функционирования Урало-Кузнецкого комбината, думается, остается необходимость заострить внимание на том, что КМК уже на уровне проектов и моделей закладывался как предприятие, воплощавшее в жизнь самые последние достижения научной мысли. Именно это обеспечило КМК длительное время лидирующее место в мировой и отечественной практике.

Не менее важным является изучение опыта разработки и выполнения программ социального развития Урало-Кузбасса. Ведь с самого начала технико-экономические стороны модели КМК были проработаны и выверены гораздо тщательнее и убедительнее, чем социальные. Программы социального развития хотя и разрабатывались, но оставались на втором плане. даже по сегодняшний день мы пожинаем плоды такого неоправданного невнимания к социальной стороне жизни людей этого района. И такие ошибки продолжают тиражироваться при создании новых производственных комплексов, особенно во вновь осваиваемых восточных районах страны.

Было бы ошибкой идеализировать исторический опыт создания Урало-Кузбасса. Но несмотря на некоторые просчеты, этот опыт может быть использован при создании крупных территориально-производственных комплексов и при решении важных народнохозяйственных задач.

В. А. Цибульчикова
(Свердловск)

СТРОИТЕЛЬСТВО НА УРАЛЕ В ГОДЫ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Вопросы строительства на Урале в годы довоенных пятилеток получили освещение в работах А. В. Бакунина, И. Ф. Галигузова, В. Н. Зуйкова, П. Г. Матушкина, А. И. Лekomцевой, В. С. Лельчука, В. П. Прозорова, Г. А. Умпелева, Н. П. Шаковой и др. Авторы проследили историю социалистического планирования, проектирования и сооружения заводов тяжелой индустрии, проанализировали динамику капиталовложений в капитальное строительство края, выявили источники его финансирования, значительное внимание уделили становлению и развитию строительной индустрии, механизации стройработ, организации труда и производства.

В отличие от промышленного гражданского строительство исследовано значительно хуже. В трудах уральских историков приводятся итоговые данные по решению жилищной проблемы. Но, вводя в научный оборот богатый фактический материал, авторы не исследуют сам процесс градостроительства. Вопросы коммунального строительства и благоустройства городов Урала рассматриваются в статье Л. Б. Вожевой, процесс сооружения школ и клубов анализируется в работах Д. П. Горбуновой, П. В. Гришанова, В. Г. Чуфарова, И. Т. Шалашовой и др.

Определенные достижения имеются в изучении истории строителей Урала. Все исследователи рабочего класса края так или иначе затрагивают эту проблему. В монографиях и статьях А. В. Бакунина, В. Н. Зуйкова, Н. В. Ефременкова, Ю. Г. Каримова, Г. М. Куксенкова, М. И. Чернышевой, Н. М. Щербаковой и других приведены количественные и качественные характеристики строителей, выявлены источники и формы пополнения этого отряда рабочего класса, показан массовый героизм строителей в решении производственных задач.

Анализ опубликованной литературы показывает, что историки внесли определенный вклад в изучение отдельных вопросов проблемы строительства на Урале в конце 20–30-х гг. Вместе с тем узок круг поднятых вопросов, а сами исследования носят зачастую описательный характер, страдают фактографичностью, в них не вскрывается сущность исторических явлений, закономерности и особенности развития тех или иных процессов. Историки пользовались готовыми схемами, под которые подгонялись факты. Действительность подчас изображалась без трудностей и ошибок, которые приходилось преодолевать трудящимся в решении поставленных задач. До сих пор нет специальных обобщающих трудов по истории строительства на Урале в годы первых пятилеток.

Требует глубокого исследования проблема кадров строителей. Период конца 20–30-х гг. интересен тем, что именно тогда в связи с ликвидацией сезонности работ были сформированы постоянные трудовые коллективы строков. Прежде всего, необходимо более глубоко проанализировать причины быстрого роста численности строителей, особенно в первой пятилетке. Традиционно считалось, что это было обусловлено размахом строительных работ. Однако причина в другом — в несоответствии между строительными планами и уровнем развития производительных сил строительства. Во-вторых, необходимо исследовать проблему повышения культурно-технического уровня строителей, выявить специфические особенности этого процесса для каждой из довоенных пятилеток. В-третьих, расширение круга источников позволяет по-новому рассмотреть вопрос форм и источников пополнения кадров строителей. Зачастую они формировались из спецпереселенцев и узников исправительно-трудовых лагерей. В-четвертых, почти не изученной является проблема решения социальных вопросов строителей. В-пятых, необходимо исследовать противоречие, суть которого заключается в том, что в условиях действия административно-командной системы и утверждения режима личной власти Сталина имел место энтузиазм, творчество трудящихся масс.

Заслуживают пристального внимания вопросы градостроительства на Урале: проектирование населенных мест, финансирование строек, создание материально-технической базы гражданского строительства. Мрут анализа ошибки и трудности в сооружении городов, главной причиной которых стала формировавшаяся в тот период административно-командная система.

Историкам предстоит продолжить исследование деятельности политических и общественных организаций, прежде всего Коммунистической партии. Необходимо глубокое изучение проблемы преобразования ВКП(б) в главное звено административно-командной системы и роста активности низовых партийных организаций. На примере строительства особенно четко прослеживается процесс постепенной подмены партийными органами Советов и хозяйственных организаций.

Исследование этих проблем на более высоком идейно-теоретическом и научном уровне обогатит историю Уральского региона в довоенные пятилетки.

Е.Н.Кушнарз
(Благовещенск)

РАБОЧИЙ КЛАСС В ПЕРИОД "ВЕЛИКОГО ПЕРелоМА" (ОПЫТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ОЦЕНКИ)

При анализе грандиозной социальной реконструкции советского общества, проводимой с конца 20-х гг. сталинским руководством, современная историография радикально меняет свои установки в оценке содержания многих процессов (коллективизация, внутривластная политическая борьба и др.). Сложнее происходит пересмотр позиций по проблемам индустриализации. Наряду с указанием на ее негативные черты (волюнтаризм планирования и форсирование темпов, принудительный труд, забвение социальной составляющей прогресса), историки и публицисты стремятся уравновесить оценку индустриализации выделением ее очевидных позитивных последствий. Однако такой подход, связанный с разведением "позитивных" и "негативных" черт процесса, препятствует пониманию его исходного сущностного содержания.

Одним из устойчивых историографических стереотипов является в целом положительная оценка курса на создание массовых индустриальных кадров, роста рядов рабочего класса и "перековки" мелкобуржуазного сознания так называемых "новых рабочих". Действительно, повышение грамотности и культурно-технического уровня рабочих, воспитание трудовой и технологической дисциплины, новых ценностных установок к труду, развитие ударничества и других проявлений трудового энтузиазма являлись важнейшими направлениями деятельности партии и Советского государства в реконструктивный период. Значение этой работы усиливалось тем, что с массовым притоком "новых

рабочих" на производство резко снижались качественные параметры индустриальной рабочей силы, ослабевало влияние старых кадровых рабочих на жизнь трудовых коллективов. Несомненно, с точки зрения модернизации коренных экономических основ советского общества, новых ценностных приоритетов, свойственных индустриальным цивилизациям, эта деятельность партии и государства может быть оценена положительно. Однако при этом возникает опасность переноса этой оценки на другие аспекты развития рабочего класса, идеализации той новой и неоднозначной общественной ситуации, в которой оказался рабочий класс на крутом переломе в конце 20-х - начале 30-х гг.

Согласно официальным партийным установкам того времени, массовый рост рядов рабочего класса должен был обеспечить прочную социальную базу Советского государства, служить укреплению режима диктатуры пролетариата. Однако, одновременно с количественным и отчасти качественным ростом рабочего класса в период "великого перелома" происходила подмена принципов его взаимоотношений с государством, утрата определенных "самозащитных" функций пролетариата, которые делали его относительно самостоятельным субъектом социально-политической жизни страны. Начало процесса всецело можно отнести к безапелляционному разгрому "рабочей оппозиции", отдельные позитивные идеи которой не были в должной мере учтены в партийной политике и практике. Вторым важным проявлением этого процесса было удаление М.И.Томского в апреле 1929 г. с поста председателя ВЦСПС и изгнание его последователей и сторонников из профсоюзов.

Профсоюзная демократия рабочих в конце 20-х гг., несомненно, несла в себе известные черты примитивного коллективизма и синдикализма, имела ряд негативных, обскурантистских черт, с которыми необходимо было бороться (уравнилельные тенденции, групповой эгоизм, пролетарский мессианизм и "спецеество"). Однако это рассогласование профсоюзной практики и официальных целей индустриализации было преодолено убийственным для профсоюзов методом - путем прямого "отсечения" их важнейшей функции защиты интересов рабочих перед лицом администрации, представлявшей государство. Профсоюзы превратились в пресловутый "привольный ремень" партийной политики, в инструмент решения чисто производственных вопросов.

Это принципиальное видоизменение профсоюзов находится в целом в русле усиливавшегося в годы индустриализации процесса отчуждения рабочего класса от средств производства и реальной экономической по-

литики. Это на многие годы закладывало характерную психологию "наемного" рабочего; рабочий перестал чувствовать себя хозяином на производстве. В прежней идеологической оболочке развивается типично "госкапиталистический" характер взаимоотношений рабочих и государства.

Исторический опыт эпохи "великого перелома" показывает, что сознательное включение потенциала рабочего класса в сегодняшний процесс перестройки и его результаты с неизбежностью зависят от того, насколько эффективно и последовательно будет идти "разгосударствление" многих сторон жизни рабочих коллективов, раскрепощение их органов самоуправления.

М. А. Фельдман
(Свердловск)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОМ УРОВНЕ РАБОЧЕГО КЛАССА УРАЛА В 1928-1941 гг. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Советская историческая наука немало сделала для изучения и освещения пути, пройденного рабочим классом СССР в годы социалистического строительства. Итоги этой работы подведены в ряде историографических исследований. Сделаны первые шаги в области историографии рабочего класса Урала. Учитывая авангардную роль рабочего класса в социалистическом строительстве, партия придавал и придает первостепенное значение подъему культурно-технического уровня рабочих. Это обуславливает значимость рассматриваемой темы в советской историографии.

В исторической литературе нашел отражение широкий круг вопросов, касающихся повышения культурно-технического уровня рабочего класса Урала в 1928 - июне 1941 гг. Историкам Урала удалось показать формы и методы формирования трудовых коллективов в промышленности в годы социалистического строительства; количественные и ряд качественных изменений в составе рабочего класса края; партийное руководство трудовой и творческой активностью рабочего класса. Вместе с тем, рассматриваемая нами проблема изучена явно недостаточно. Объекты изучения культурно-технического уровня рабочего класса Урала, как правило, сводились к рабочим двух отраслей: черной металлургии и машиностроения. Возникает потребность создания исследований истории рабочего класса всех отраслей

крупной промышленности Урала, а также рабочих промышленности края в целом, включая кустарей и ремесленников 20-х – начала 30-х гг., а позднее трудящихся промысловой кооперации, местной промышленно-сти.

Предметом изучения стал главным образом положительный опыт работы в социалистическом строительстве. Курс партии на утверждение социализма, "который был бы очищен от наслоений и извращений прошлых периодов и вместе с тем наследует все лучшее, что рождено творческой мыслью основоположников нашего учения, что воплощено в жизнь трудом и усилиями народа, что отражает его надежды и чаяния", – позволяет и требует приступить к всестороннему анализу деятельности партийных организаций 20-х-30-х гг., к анализу, раскрывающему борьбу и в самой партии за реализацию ленинской концепции развития социалистического рабочего класса, в сочетании с правдивой характеристикой конкретных исторических деятелей и партийных документов.

Хронологическое дробление изучения истории рабочего класса "по пятилеткам" привело к тому, что в современной исторической литературе отсутствуют сквозные исследования, раскрывающие изменения в идейно-политической, общеобразовательной, производственно-технической подготовке рабочих Урала за весь период 1926-июня 1941 гг. Между тем, только сквозной хронологический срез позволяет обозреть структурные изменения в рабочем классе, выявить закономерности, сделать значимые выводы. Отсутствует и комплексный труд, показывающий сложный и противоречивый путь повышения культурно-технического уровня рабочего класса в эти годы.

За редким исключением не изучена роль рабочего класса как субъекта культурного строительства, его участие в процессе демократизации культурной жизни, реальные возможности удовлетворения духовных потребностей рабочих, какими они были в действительности в 1926-июне 1941 гг. Трудовая и творческая активность рабочего класса рассматривалась, как правило, сквозь призму количественных показателей, без раскрытия трудностей и противоречий, связанных с утверждением командно-административной системы управления. Практически за чертой исследований осталось влияние культа личности Сталина на процессы роста культурно-технического уровня рабочего класса Урала.

Приходится констатировать, что вопросы материально-бытового положения рабочего класса Урала в 1926-июне 1941 гг. остаются и се-

годня слабо изученной темой. Историки, едва ли не с конца 20-х гг. "обходили" такие аспекты, как рост цен, динамика реальной покупательной способности рубля, соотношение номинальной и реальной заработной платы, качество жилья, питания, одежды и многое другое.

Крайне слабо освещена взаимосвязь материального и культурного уровня жизни рабочих Урала, в первую очередь, возможность удовлетворения духовных потребностей трудящихся. В результате, рост номинальной заработной платы нередко приравнивается к росту реальных доходов, а последние — к показателям уровня жизни рабочих. До сих пор нет ни одной публикации, где была бы рассмотрена проблема изменения уровня жизни рабочего класса Урала за весь период 1928—июнь 1941 гг.

И.С.Кузнецов
(Новосибирск)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА 20-х ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Одной из назревших задач исторической науки в современных условиях является углубленное изучение социальной психологии различных общностей, выявление воздействия социально-психологического фактора на ход исторического процесса. Это особенно важно применительно к истории советского крестьянства, т.к. анализ этих, наименее изученных, аспектов исторического действия позволил бы наиболее объективно определить истоки известных трудностей и противоречий на пути нашего общественного развития в послеоктябрьский период.

Существенный интерес представляет изучение социальной психологии крестьянства Сибири, которое, являясь частью российского крестьянства со всеми присущими последнему чертами, обладало в то же время определенной региональной спецификой, сказывавшейся и в его общественном сознании, идеологии и социальной психологии. Известно, что еще в дореволюционный период и в первые годы Советской власти на это обращал внимание В.И. Ленин, подчеркивая особую зажиточность сибирского крестьянства, его "развращенность капитализмом" и в то же время "самостоятельность", "неспособность работать из-под палки".

Следует подчеркнуть, что эти методологические посылки не нашли дальнейшего фундаментального развития в советской историографии. Вплоть до настоящего времени социальная психология сибирского крестьянства почти не исследована — степень ее изученности, пожалуй, даже слабее в сравнении с положением дел в общесоюзной историографии. Это в равной мере относится и к общественному сознанию сибирского крестьянства 20-х гг., которое до недавнего времени характеризовалось лишь в самых общих чертах.

Между тем в 20-е гг. высказывались разнообразные мнения об особенностях и основных направлениях развития социальной психологии крестьян-сибиряков после революции. Так, в первые годы Советской власти широкое распространение имеет взгляд на сибирское крестьянство как на собственническую, консервативную, темную массу, анархически настроенную по отношению к любой государственной власти. Как отмечается, в частности, в исследованиях М.Е. Плотниковой по историографии гражданской войны, такое представление в существенной мере влияло на оценку подъема сибирского крестьянства в период борьбы за восстановление и упрочение Советской власти в регионе.

Вместе с тем имели распространение и прямо противоположные воззрения: в первое время после освобождения Сибири от белогвардейцев и интервентов в атмосфере всеобщего революционного подъема в ряде документов и публикаций фигурирует суммарная характеристика сибирского крестьянства как "революционного".

В то время высказывались своеобразные, неоднозначные суждения о специфике мировоззрения, психологии сибирского крестьянства, в которых можно усмотреть и определенный отпечаток некоторых областнических идей. Целый ряд таких высказываний принадлежал известному партийному и государственному деятелю, одному из организаторов Советской власти в Сибири, заведующему земельным отделом Сибревкома В. Соколову. Он считал, что крестьянин в Сибири "более устойчивый индивидуалист и более прижимистый собственник". Вместе с тем, по мнению названного автора, "он более самостоятелен как не прошедший крепостнической школы... более чуток и восприимчив к новым приемам, если они заключают в себе элементы хозяйственной целесообразности". Более того, В. Соколов высказывал предположение, что "для сибирского крестьянства переход от индивидуального к общественному хозяйству, пожалуй, легче и скорее, чем для крестьянства российского".

Оригинальные взгляды на социальную психологию сибирских хлеборобов были выражены в статье крестьянина О.И.Чернова, опубликованной после его встречи с В.И.Лениным в "Правде" 11 февраля 1921 г. (как известно, встреча с этим сибиряком дала В.И.Ленину дополнительные аргументы в пользу замены продразверстки продналогом). По мнению этого крестьянского мыслителя, социальная психология сибирских мужиков существенно отличалась от мировоззрения их собратьев из Европейской России: идеал сибиряка состоял в том, чтобы "как можно больше запахать земли, стать твердой ногой на своей земле своим личным трудом", в то время как идеал "расейского" крестьянина состоял в том, чтобы "разбогатеть настолько, чтобы можно было эксплуатировать соседа".

В общественной мысли начала 20-х гг. находили отражение и представления, идущие еще от цардничества, о значительной роли общинных традиций в жизни крестьянства. возможности формирования на их базе справедливого общественного устройства. Этот круг представлений нашел отражение, в частности, в неопубликованной работе известного деятеля партии социалистов-революционеров П.Дербара "Старожильческое крестьянское хозяйство в Сибири" (работа подготовлена, видимо, в 1920 г., ее рукопись находится в фонде Сибплана Государственного архива Новосибирской области). По мнению автора, в сибирской общине происходит "огромный творческий процесс эволюции общинного самосознания" в сторону нарастания коллективистских начал. Отсюда делался вывод: "Необходимо только, чтобы сознательно-социалистическая система хозяйства учла имеющиеся элементы коллективизма и соответствующим образом, не форсируя процессы обобществления, комбинировала их в виде артелей и других коллективных форм".

В последующие годы, особенно в ходе подготовки и проведения коллективизации, вновь в какой-то мере возрождаются представления о собственнической, "кулацкой", темной и консервативной сибирской деревне. Очевидно, что такого рода оценки должны были оправдывать произвол по отношению к крестьянству накануне и в ходе проведения "великого перелома". Характерна в этом плане общественно-публицистическая деятельность известной литературной группы "Настоящее", действовавшей в Сибири в конце 20-х гг. Объединявшиеся в ней видные партийные работники и журналисты в своих работах и выступлениях рисовали образ глубоко поляризованной в социальном и политиче-

ском отношении сибирской деревни, создавали образ врага — мощного, агрессивного сибирского кулачества. Характерно, что "наблюдения" обрушились на первый том "Тихого Дона": по их мнению в произведении М.А. Лолохова живописалось бытие "кулацкой семьи".

Как видим, для общественной мысли 20-х гг. был характерен широкий спектр суждений об особенностях социальной психологии крестьян-сибиряков. В настоящее время предстоит на более широкой источниковой базе и с учетом современных методологических позиций переосмыслить концепции того периода, сформировать более обоснованное представление о региональной социально-психологической специфике сибирского крестьянства.

П. В. Шляпников
(Свердловск)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ НА УРАЛЕ В 1931—1934 гг.

Изучение истории академической науки дает богатый материал для современной социальной практики. В частности, заслуживает внимания опыт формирования сети академических учреждений на Урале в начале 30-х гг. Его обобщение позволяет выявить ряд важных закономерностей развития академической науки на региональном уровне и в стране в целом. Однако, несмотря на актуальность, данная проблема пока не нашла должного отражения в историографии. Думается, что анализ накопленного научного запаса поможет уточнить наиболее перспективные направления ее дальнейшего исследования.

Первые советские исторические исследования специального характера, заложившие фундамент и задавшие направление в изучении истории организации науки, относятся ко второй половине 60-х гг. (М.С. Быстракова, Н.М. Митрякова, В.Д. Есаков, А.В. Кольцов и др.). Они в основном посвящены анализу деятельности ВУКС и Советского государства по становлению организационной структуры академической науки в масштабах всей страны. Много внимания уделяется проблеме подготовки кадров для научных учреждений, принципам их комплектования. Уральская тематика специально не выделяется и рассматривается в этот период в контексте общесоюзных проблем науки. Пожалуй, серьезных работ, посвященных исследуемой нами теме, в этот период выделить нельзя.

В 70-е гг. историография организации науки выходит на более широкие обобщения. Появляются работы, на солидной документальной базе освещающие деятельность АН с момента ее основания до середины 70-х гг., рассматривается история формирования сети научных учреждений СССР, дается анализ развития организационной структуры, тенденций развития. В 80-е гг. опубликованные работы во многом дополняют уже имеющиеся, по традиционной схеме рассматривают историю АН СССР в реконструктивный период, когда в Академии шел перестроечный процесс. На первом плане – руководящая роль КПСС. В 1968 г. вышла монография А.В.Кольцова, освещающая роль АН в формировании и развитии региональных научных центров СССР. В ней раскрываются проблемы организации филиалов и баз АН СССР, их преобразования в национальные Академии. Но и эта работа, на наш взгляд, чем-то добавляет к многочисленным исследованиям подобного типа. Почти каждая работа в той или иной мере затрагивает проблемы организации и становления академической науки на Урале. Однако, схематичность обобщающих исследований не дает полной картины со всеми ее противоречиями.

Определенный вклад в изучение нашей темы на основе материалов местных архивов внесли уральские ученые – организаторы академической науки на Урале (И.П.Бардин, Н.В.Деменев). Научный поиск в этой же области продолжали М.Е.Главацкий, А.А.Волсков, Ю.Яровой и др. К сожалению, количество достаточно крупных работ невелико, они освещают лишь отдельные эпизоды из жизни Уральской Академии. Эти исследования посвящены анализу развития научных направлений на Урале, проблемам подготовки кадров, ученым и решаемым ими проблемам, отчасти затрагивается вопрос взаимодействия науки и производства. Уральской теме посвящено множество юбилейных статей.

Анализируя имеющийся комплекс работ, можно сделать вывод о том, что в литературе еще не составлено полного представления об истории организации УФАИ, начальных этапах его развития. Большинство работ рассматривают или слишком частные вопросы, или берут тему слишком широко, выходя и на обобщения общесоюзного характера. На наш взгляд, в рамках исследуемой темы следует осветить ряд важных вопросов, касавшихся факторов, побудительных мотивов, механизмов развертывания активного академического строительства на Востоке страны; поиска альтернативных способов и методов реализации принимаемых решений; отношений центральных и местных учреждений и орга-

низаций, органов власти в период принятия таких решений. Кроме того, в опубликованной литературе не поставлен вопрос о соотношении сил между противниками и сторонниками тех или иных решений в центре и на местах в увязке с общей политической и социально-экономической ситуацией, не говорится о причинах трудностей и неудач в академическом строительстве на Урале.

В.В.Демидов
(Новосибирск)

К ОЦЕНКЕ УРАЛО-СИБИРСКОГО МЕТОДА ХЛЕБОЗАГОТОВОК В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В начале 1929 г. в стране усилились трудности в хлебозаготовках. Заготовительная политика стала проводиться на основе так называемого урало-сибирского метода, инициаторами которого якобы были крестьяне с.Завьялово Гутовского района Новосибирского округа. В исторической литературе неоднократно давалась его характеристика. Так, Н.Я.Гушин вместе с В.Г.Чарушиным считали, что "на кулацкий саботаж надо было ответить решительными чрезвычайными мерами". Однако позднее Н.Я.Гушин и В.А.Жданов пришли к противоположному выводу. Критикуя зарубежных исследователей в дискредитации урало-сибирского метода, определении его как чрезвычайной меры "военного коммунизма", Н.Я.Гушин и В.А.Жданов оценили завьяловский опыт только как метод "общественного воздействия". В апреле 1968 г. в дискуссии по проблемам коллективизации в ИИФиФ СО АН СССР Н.Я.Гушин констатировал, что "изображение в историографии "урало-сибирского метода" хлебозаготовок ("самообложение") лишь как почин-на-инициативы низов следует признать односторонним". В этой связи представляется справедливым вывод о слабой изученности причин и характера трудностей в хлебозаготовительной кампании 1928/29 г., изменений методов заготовок и их влияния на положение в сибирской деревне.

Урожай 1928 г. в Сибири оценивался как благоприятный, и первоначально хлебозаготовительная кампания шла удовлетворительно. К 1929 г. в силу ряда обстоятельств трудности увеличились. План заготовок для Сибири был увеличен, но реальную экономическую основу под его выполнение не подвели. В результате наметилось резкое падение темпов хлебозаготовок. Парторганы стали оперативно изыскивать

дополнительные возможности для их выполнения. "Советская Сибирь" 1 февраля 1929 г. опубликовала материал из с.Завьялово, где сообщалось, что собрание граждан обложило кулаков и зажиточных индивидуальным налогом. Пример завьяловцев рекомендовался как образец. Тем не менее печать почти два месяца не делала акцент на инициативе из Гувовского района. Не получила она отражения и на IУ Сибирской краевой партконференции, делегаты которой склонились в большинстве к принудительному хлебному займу.

В феврале 1929 г. ЦК ВКП(б) признал допустимым временное применение в отношении кулаков чрезвычайных мер в сочетании с общественным воздействием со стороны бедняцко-средняцких масс. Против подобных мер в хлебозаготовках выступили Бухарин, Рыков и Томский. Когда Уралобком и Сибкрайком ВКП(б) внесли в Политбюро ЦК предложение о применении нового метода, А.И.Рыков голосовал против, назвав их "чрезвычайными мерами худшего типа". В начале второй декады марта 1929 г. ЦК разослал телеграмму об усилении темпов хлебозаготовок. Бюро Сибкрайкома 21 марта известило центр о своем решении "считать необходимым провести твердые задания по заготовке до отдельных селений в порядке добровольном (по инициативе бедноты и актива)".

Во исполнение в округах стали формироваться пятерки и тройки с включением представителей ОГПУ. На места выехали уполномоченные. 26 марта в Гувовский район прибыл заворг Новосибирского окружкома ВКП(б) М.М.Ноздрин. С его участием райком принял постановление о выполнении плана хлебозаготовок при помощи "общественного воздействия" и дополнительном самообложении в пятикратном размере. На следующий день бюро Сибкрайкома в присутствии и по требованию Л.М. Кагановича дополнило свое решение "основными мероприятиями по хлебозаготовкам", которые в числе других включали создание системы ударных сел и организацию судебных процессов по ст. 61 УК РСФСР. Аппарат немедленно приступил к действию. Уже 30 марта 1929 г. "Правда" констатировала: "Пример завьяловских крестьян..., вынесших постановление об обложении кулаков в случае несдачи хлебных излишков самообложением в пятикратном размере, начал распространяться по всей Сибирь".

Партийно-советские работники с воодушевлением встретили завьяловский опыт, рассчитывая получить хлеб без лишних хлопот. По-иному реагировали сельские коммунисты, среди которых ожили разговоры о

сползании партии к троцкизму. В целом положение в низовых парторганизациях в первой половине 1929 г. оставалось сложным, факты администрирования и перегибов вызвали отрицательную реакцию у крестьянства. При проведении завьяловского опыта фиксировались кратное обложение вне связи с заготовками, предразверсточный подход, стремление применить ст. 107 УК и др. нарушения. Это порождало недовольство в самых различных формах. Отказов от применения завьяловского опыта наблюдалось сравнительно мало. Уполномоченные легко направляли бедноту и деклассированные элементы на держателей хлеба. В отдельных округах отмечались стихийные массовые протесты под лозунгом "Прекратить хлебозаготовки" и т.д. Местные власти без труда справились с беспорядками.

Завершение хлебозаготовительной кампании 1928/29 г. протекало в условиях острых социальных конфликтов в деревне. 1 июля 1929 г. заготовки, длившиеся без малого год, закончились. Всего удалось собрать 106,7 млн. пуд., или 90% плана. Основную долю хлеба получили без применения завьяловского опыта. До апреля 1929 г. Сибкрай заготовил примерно 92,6 млн. пуд., а с помощью урало-сибирского метода - 14,1 млн. пуд., или 13%. Правительство РСФСР зафиксировало новые меры в хлебозаготовительной политике в постановлении от 26 июня 1928 г. "О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных задач и планов". Течать с удовлетворением информировала, что завьяловский метод стал законом. На его базе уже во второй половине 1929 г. началась частичная экспроприация кулачества.

Изучение первичных материалов дает возможность по-новому переосмыслить значение урало-сибирского метода хлебозаготовок, положившему начало чрезвычайным методам в проведении коллективизации.

А. В. Санцевич
(Киев)

СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Среди исторических исследований пространственного характера видное место принадлежит историям народов, стран, государств, ибо данные общности на своем историческом пути имеют весьма тесные, стойкие связи. Их экономическая, политическая и культурная жизнь проявляет четко выраженную специфику, определенные характерные за-

кономерности развития.

Однако широко практикуется и расчленение истории стран по периодам, отдельным тематическим линиям, историко-географическим параметрам. Остановимся на последнем аспекте.

Неотъемлемой составной частью истории страны является историческое краеведение, или местная история. Высшим уровнем соответствующих исследований являются труды по истории отдельных больших регионов страны, таких; как Сибирь, Урал, дальний Восток, Донбасс. Соответствующей тематике посвящаются фундаментальные труды и научные разработки частного характера. Ценность этих исследований состоит в том, что они показывают, как устанавливаются и развертываются разнообразные связи между многими большими территориальными единицами (областями, даже республиками), распространяются исторические традиции, характерные для этих регионов. Так, к Уралу относятся Башкирская, Удмуртская АССР, Пермская, Свердловская, Челябинская, Курганская и Оренбургская области.

Самым распространенным объектом историко-краеведческих исследований является город как центр экономической, политической и культурной жизни. По этой тематике опубликовано много содержательных трудов, в том числе фундаментальных, многотомных, по истории Москвы, Ленинграда, Киева. Многовековая история самых значительных городов, выдающиеся свершения их тружеников во всех областях жизни тесно переплетаются с исторической судьбой всей страны. А все это имеет большое научное значение.

Важным стимулом к развитию исторического краеведения стали подготовка и издание 26-томной "Истории городов и сел Украинской ССР" - фундаментального коллективного труда, определившего новое направление в советской историографии. Впервые в системном плане был изложен краеведческий материал по истории городов и сел (до центров сельсоветов включительно) республики в многотомном издании, синтезировавшем усилия профессиональных историков и представителей местной общественности.

История многих населенных пунктов (городов, поселков, курортов, сел и пр.) находит отражение в многочисленных справочниках, путеводителях, туристских изданиях, которые дают определенные фрагментарные сведения.

Традиционно советские историки уделяют большое внимание истории народных масс, трудящихся. Естественно, что краеведы систематически изучают историю производственных коллективов - заводов и

фабрик. Эта работа содействует обобщению и пропаганде опыта социалистического строительства, различных форм инициативы и починов трудящихся.

Определенное место в историко-краеведческой литературе принадлежит работам по истории колхозов, содействующим осмыслению хода социалистического строительства на селе в местных специфических условиях. Мало выходит изданий по истории совхозов.

Все больше публикуется исследований (особенно к юбилейным датам) по истории университетов, учебных и научно-исследовательских институтов. В этих трудах широко представлена местная история интеллигенции, подготовка ее кадров.

Таким образом, исторические краеведческие исследования представляют собой определенную структурную систему, охватывающую разнообразный пространственный диапазон. Это — история больших регионов (в частности, областей, краев), городов, других населенных пунктов, различных производственных предприятий (заводов, фабрик, колхозов, совхозов и пр.), учреждений (университетов, институтов и т.д.).

В целях дальнейшего совершенствования эти исследования требуют критического историографического анализа. Для них характерны некоторые общие недостатки. Еще слабо разрабатываются теоретические проблемы этой проблематики, встречаются ошибки и неточности. Некоторым работам присущи схематизм и сухость изложения. В свете перестройки важнейшее значение имеет всестороннее раскрытие деятельности людей, лиц в конкретно-историческом плане. Необходима четкая координация исследований на всех уровнях, верные пропорции издания научно-исследовательских и популярных, справочных разработок.

Можно сделать общий вывод о том, что исторические исследования в краеведческом аспекте активно разворачиваются на современном этапе, их удельный вес в работе историков значителен.

Н. И. Семенова
(Саратов)

ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ КАДРОВ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ПРОТЕХОБРАЗОВАНИЯ
НИЗНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА)

Реформа профессионально-технического образования (ПТО) в стране осуществляется с большими трудностями. Важную роль в ее оптими-

зации может сыграть многообразный опыт периода формирования нашей действующей государственной системы профессиональной подготовки рабочих кадров. В осмыслении его немалую помощь окажут историографические работы начала 70-х гг., констатировавшие однако лишь начальные шаги в разработке истории профессионально-технического образования.

В силу ряда обстоятельств недостаточное внимание уделялось деятельности учебных заведений, исследованию эффективности различных форм подготовки рабочего класса. Так, в работах по экономике СССР периода Великой Отечественной войны, совпадающих по времени с созданием плановой системы подготовки и распределения рабочих кадров, впервые характеризуется место и роль учебных заведений ПТО в воспроизводстве квалифицированной рабочей силы. Среди них выделяются работы Г.С.Кравченко, показавшего значение системы в устранении дефицита рабочих кадров в ведущих отраслях оборонного производства. В настоящее время исследователям предстоит выяснить, какой ценой удалось этого достигнуть, следует ли использовать данный опыт. Данные об особенностях подготовки рабочих в училищах и школах ФЗО впервые обобщила А.Р.Митрофанова.

Предметом исследования должны стать противоречия и трудности в деятельности системы профтехобразования в годы войны, негативный и позитивный опыт того чрезвычайно сложного периода. Следует также уточнить некоторые факты, касающиеся региона Нижнего Поволжья. А.В. Митрофанова отмечает возрождение школ ФЗО и училищ в Сталинградской области, в освобожденных Красной армией районах, уже в 1942 г. Материалы же архивов свидетельствуют, что восстановление их началось с января 1943 г. в Астрахани, которая, как известно, оккупации не подвергалась.

В ряду исследователей, рассматривавших проблемы профессионально-технического обучения молодых рабочих, следует отметить И.С.Котляра, впервые комплексно рассмотревшего вопросы становления и развития системы государственных трудовых резервов в годы войны. Он анализирует различные формы подготовки рабочих кадров в школах ФЗО и училищах, показывает объективные трудности в работе учебных заведений. Вместе с тем, им обобщаются преимущественно успехи и достижения, что не дает объективного представления о процессе, приукривается истинное положение с подготовкой молодых рабочих в те
как показывает опыт, корни многих проблем современной про-

фессиснально! школы следует искать в ее истоках. Не соответствуют действительности и некоторые фактические данные Э.С.Котляра.

Определенный вклад в освещение вопросов подготовки рабочих кадров в учебных заведениях системы ПТО Нижнего Поволжья внесли местные историки: Р.Н.Деховцева и В.И.Дорощев, Д.П.Ванчинов, но в целом они ставили перед собой иные задачи.

Не в полной мере отражены процессы подготовки рабочих кадров в учебных заведениях ПТО в сборниках документов и материалов Нижнего Поволжья. Опубликованные в 60-60-е гг., они в немалой степени отражают недостатки исторических работ тех лет, показывая лишь одну сторону происходящих процессов. Кроме того, в них даются не всегда проверенные факты, цифры показаны без уточнения времени и административно-территориального деления, что снижает их практическую значимость.

Анализ публикаций показывает, что историография вопроса подготовки рабочих в учебных заведениях системы профтехобразования представлена отдельными статьями и крупных работ среди них нет. До настоящего времени отсутствуют какие-либо историографические труды по данному вопросу, очень слабо изучено формирование системы в довоенный период.

Л.М.Коженикова
(Красноярск)

ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ НА СЕЛЕ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ПЯТИЛЕТИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

Проблемы разработки и реализации социальной политики на селе неоднократно затрагивались в исторической литературе. Они анализировались и освещались в монографиях, диссертациях, коллективных исследованиях и отдельных статьях. Задача настоящих тезисов — дать представление о развитии историографии социальной политики КПСС в восточносибирской деревне в один из труднейших периодов истории страны — после окончания Великой Отечественной войны, показать необходимость переосмысления опыта партии по проведению в жизнь аграрной политики в это время.

Анализ имеющейся литературы по проблеме позволяет сделать вывод, что становление и развитие региональной историографии происходило под воздействием союзной литературы и в зависимости от по-

литического курса партии. Так, в литературе 40-х – первой половины 50-х гг. 4-я пятилетка характеризовалась как период успехов в укреплении колхозного строя, существенных достижений в сближении города и деревни, умственного и физического труда. Отрыв исторических исследований от реальности в эти годы неслучаен. Положение в сельском хозяйстве приукрашивалось, статистические данные не были доступны исследователям. Публиковались только откровенно апологетические работы.

Решения XX съезда КПСС благотворно отразились на общественно-политической жизни страны. Под влиянием процесса демократизации историческая наука стала освобождаться от догматизма, пересматривались устоявшиеся взгляды. Во второй половине 50-х – первой половине 60-х годов появились исследования В.Е. Кукушкина, П.Н. Бадмаевой, Н.О. Кашперко и другие. На основе расширения источниковой базы историки критически оценили стиль и методы руководства сельским хозяйством, показали негативные последствия рассогласования в соотношении материальных и моральных стимулов к труду. Однако они не оспаривали аграрную программу и исходили из концепции, высказанной на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, о невозможности более рационального соотношения отраслей народного хозяйства после окончания войны. Между тем, анализ статистических и архивных данных показывает, что форсированное развитие тяжелой промышленности вызвало необходимость ужесточения политики по отношению к крестьянству и не способствовало созданию условий для общего экономического подъема в регионе и стране в целом к началу 50-х годов.

В перечисленных работах затрагиваются отдельные аспекты уровня жизни трудящихся. При этом нельзя согласиться с утверждением, что в результате снижения цен на товары массового спроса в послевоенные годы повысились доходы всех слоев населения. Документы свидетельствуют, что одновременно со снижением цен был увеличен сельскохозяйственный налог на личные подсобные хозяйства.

В конце 60-х–70-х гг. изучение истории послевоенной сибирской деревни заметно активизировалось. В это время вышли исследования А.М. Серебренникова, Л.Н. Ульянова, М.С. Арцимена, коллективный труд "Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма", затрагивающие проблемы социальной политики на селе. Под воздействием решений октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС в историографии намечается отход от критики культа личности. Так, Л.Н. Ульянов

считал, что даже в условиях культа личности господствующее положение в деятельности партии на местах занимала внутривпартийная демократия, и дал положительную оценку перестройки партийной работы на селе с переходом к мирному строительству. Исходя из анализа условий жизни и труда сельских тружеников, мы не можем согласиться с утверждением автора, что партия и правительство принимали все возможные меры для использования экономических стимулов к труду, и что к 1953 г. были достигнуты заметные успехи в реализации социальных программ на селе. Диссертация М.С.Арцимена посвящена партийному руководству развитием народного образования в 4-й пятилетке. Однако в работе не показано, что решение проблемы было связано с социально-экономическим развитием деревни.

Комплексно рассматривается тема в монографии "Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма". На основе обобщения опыта общественно-политического и экономического развития сибирской деревни историки сделали вывод, что в послевоенные годы были созданы все предпосылки для повышения благосостояния крестьян. Однако на основании анализа документов они вынуждены были признать, что доходы колхозников в 1950 г. оставались низкими, медленно решались программы строительства жилья, улучшения торгового и медицинского обслуживания. Но в исследовании не показаны результаты аграрной политики партии, нет сравнительного анализа уровня жизни в городе и на селе. На наш взгляд, объективному анализу исторического опыта в эти годы препятствовало отсутствие критического взгляда на документы партии и правительства, выступления руководителей высшего звена, содержащие утверждения о крупных достижениях в социалистическом строительстве.

Процесс демократизации, проводимый партией с апреля 1955 г., представил исследователям возможности для изучения ранее неизвестных документов и нового подхода к обобщению деятельности КПСС. Были работы историков, в которых сделаны попытки переосмыслить деятельность партии в период коллективизации, между XX и XXIII съездами партии. При этом первое послевоенное пятилетие остается "белым пятном" в историографии сибирского крестьянства. Работы историков В.М.Резванова, Б.В.Базарова, И.Б.Карпуниной, "История крестьянства СССР", появившиеся в последние годы, не рассматривают возможные альтернативы в развитии сельского хозяйства во второй половине 40-х гг.

Таким образом, краткий обзор литературы по проблеме показывает, что деятельность партийных организаций Восточной Сибири по реализации социальной политики на селе в исследуемый период освещалась недостаточно объективно. Отдельные критические выводы касались лишь недостатков в работе местных органов и не принимали характера общепартийных и общеполитических оценок. Анализ директивных и архивных данных подтверждает необходимость переосмысления опыта КПСС по созданию системы стимулирования труда, развитию здравоохранения, социального обеспечения, торговли, строительства жилья. Основные направления организационно-партийной работы в социальной сфере села необходимо рассматривать через призму аграрной политики, общеполитического курса в отношении крестьянства и с учетом возможных альтернатив в развитии сельского хозяйства во второй половине 40-х гг.

Ю.И.Афонин, Г.С.Мельянков
(Минск)

ПРОБЛЕМА МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ТРУДАХ БЕЛОРУССКИХ ИСТОРИКОВ

Одним из важнейших условий гармоничного развития регионов нашей многонациональной страны является наличие развитой, устойчивой системы экономических, политических и культурных связей с другими регионами. Поэтому изучение истории ее становления и эффективности функционирования диктуется не только познавательным интересом, но и всей практикой жизни. Без подкрепления этих результатов призывы к сохранению и упрочению Союза ССР рискуют остаться только фразами, а проекты урегулирования межнациональных отношений оказаться утопией.

Общий анализ научных и научно-популярных работ, посвященных истории развития межрегионального, в т.ч. и межреспубликанского, сотрудничества, позволяет разделить их условно на три группы:

- 1). работы иллюстративно-целевого назначения, в которых привлекаемый фактический материал используется для обоснования выдвигаемых автором положений;
- 2). работы аналитического характера, исследующие частные случаи общей истории развития межрегиональных (межреспубликанских) связей.

3). работы индуктивные, являющиеся результатом синтеза пред-варительных бессторонних аналитических исследований.

Если воспользоваться этим подходом для классификации работ белорусских авторов, посвященных межреспубликанским связям БССР, то можно заметить, что большинство их относится к первой группе. Написанные в 60-е – первой половине 80-х гг., они весьма разнообразны по тематике и периоду исследования. Среди них есть работы, посвященные бескорыстной братской помощи Белоруссии в годы борьбы за установление Советской власти и защиты ее на полях гражданской и Великой Отечественной войн. Еще больше работ, которые освещают сотрудничество БССР со всеми союзными республиками на разных этапах мирного социалистического строительства. Все они насыщены богатым фактическим материалом, не в связи с тем, что специализируются на показе исключительно положительных результатов сотрудничества и обходят негативные последствия допускаящихся в ходе его ошибок, нередко воспринимаются современным читателем как агитки, "возрадные тосты" дружбе народов.

Названный недостаток в определенной степени компенсируется группой работ, анализирующих историю развития сотрудничества БССР с отдельными республиками. В них, как правило, присутствует обоснование целесообразности этого сотрудничества, исходя из специализации республик в производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, в подготовке кадров и т.д. Более подробно останавливаются авторы на трудностях, возникавших в ходе сотрудничества, путях их преодоления, перспективах дальнейшего развития и совершенствования межреспубликанских связей.

Наиболее полно представлена история сотрудничества БССР и УССР в коллективной работе белорусских и украинских историков "Нерушимая дружба украинского и белорусского народов в период социализма", К., 1978, в статьях И.А.Сороковика, Ю.И.Афонина, которые охватывают весь советский период.

Сотрудничество Белоруссии с Казахстаном и республиками Средней Азии получило определенное освещение в работах И.Б.Кынапацкого "По законам дружбы" Мн., 1980, М.М.Иосько "Белоруссия – Узбекистан", Мн. 1970, а также Ю.И.Афонина, М.К.Кошелева, Л.М.Лыча и Г.С.Мельянова "В духе дружбы" Мн. 1989.

История развития экономических и культурных связей Белорусской и Молдавской ССР прослеживается в книге Г.Н.Тогузлу и Ю.И.Афонина "Через годы, через расстояния..." Кишинев, 1982.

Довольно полно освещено сотрудничество БССР и Литовской ССР в 60-е первой половине 80-х гг. в работах И.Е.Марченко, Г.С.Мельянюкова и К.Ю.Струмскиса "Сотрудничество белорусского и литовского народов в период развитого социализма" Мн.1982, И.Е.Марченко и Г.С.Мельянюкова "Белоруссия - Литва: содружество множит силы". Мн. 1985: Что же касается исследования сотрудничества с Латвией и Эстонией, республиками Закавказья, то оно находится на начальном этапе, и результаты его представлены только несколькими статьями в периодической печати. Не вышел в свет и коллективный труд о сотрудничестве БССР и РСФСР, подготовленный коллективом Института истории АН БССР.

Незавершенность исследований по истории сотрудничества БССР с отдельными республиками не позволяет пока белорусским историкам создать на их базе комплексных обобщающих трудов. Таких трудов нет пока и в других республиках. И в этом одна из причин массовой неосведомленности населения любого из регионов о его месте в народно-хозяйственном комплексе страны, о зависимости его развития от этого комплекса и о негативных последствиях выхода из него.

И.П.Ступин
(Иркутск)

ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 70-80-х гг.

Одной из центральных задач развития производительных сил Сибири послевоенного периода стало индустриальное освоение Ангаро-Енисейского региона (АЕР). Коренные социально-экономические преобразования края постоянно привлекали и привлекают внимание исследователей, среди которых видную роль играют историки. Поскольку стержнем становления промышленного потенциала обширного района явилась энергетика, в особенности гидроэнергетика, именно этот сюжет красной нитью проходит через изданные в 70-80-х гг. работы. К такому выводу приводит изучение монографий А.Н.Зыкова, В.В.Алексеева, томов истории рабочего класса Сибири, коллективной монографии "Индустриальное освоение Сибири: Опыт послевоенных пятилеток" (Новосибирск, 1989). Правда, ангаро-енисейская проблема - не единственная из анализируемых проблем, но то значение, которое ей придается в указанных изданиях, позволяет выделить АЕР отдельно.

Авторы ставили в своих исследованиях разные вопросы, однако практически не расходятся в оценках энергетических ресурсов Ангары и Енисея, значимости региона в народном хозяйстве страны, шаг за шагом прослеживают ход сооружения гидростанций Ангаро-Енисейского каскада, крупных промышленных объектов. Они специально остановились на том, как воплощались в жизнь идеи Ангерстроя, разработанные в 30-х годах и развитые далее конференциями 1947 и 1956 гг., проходившими в Иркутске. Кстати, интересен взгляд на эту же проблему экономиста, представленный в книге Г.И. Зильшина.

Отмеченные выше работы показали вместе с тем, что опыт освоения Ангаро-Енисейского региона имеет значение не только в плане экономическом, но и социальном. Направление научного поиска во втором, "человеческом", измерении подчеркивают монографии А.Н. Зыкова и В.В. Алексеева. Подтверждение тому — защита ряда кандидатских диссертаций (А.В. Ермаков, В.Н. Шевченко и другие), выпуск сборников статей, в частности, "Социальные аспекты индустриального развития Сибири", "Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития". довольно заметным событием стала монография А.А. Долголюка о коллективах промышленности и строительства Братско-Усть-Илимского ТЭЦ. Источники и формы пополнения рядов рабочих и инженерно-технических работников, подготовка кадров и их закрепление, материальное положение населения сопредельных районов Иркутской области и Красноярского края предстают перед читателем очень зримо, так как размышления авторов насыщены фактическим материалом, чаще всего впервые вводимом в оборот, профессионально обработанном.

С середины 70-х гг. Ангаро-Енисейский регион все обстоятельнее начинает изучаться с точки зрения его комплексного развития, в рамках созданных здесь территориально-производственных комплексов. Появились популярные публикации сначала о Братско-Усть-Илимском, затем Саянском ТЭЦ, КАТЭКе. В научном же плане этим комплексам были посвящены диссертации Г.А. Цыкунова, А.И. Тимошенко, отдельные статьи. Проблема ангаро-енисейских ТЭЦ нашла отражение в материалах Всесоюзных научных конференций по изучению исторического опыта освоения Сибири, проведенных в Новосибирске в 1966-1969 гг.

Выделяя общие для данной группы работ положения, отметим стремление оценить феномен ТЭЦ, показать нелегкий, подчас противоречивый, процесс их формирования, место в экономике вновь осваиваемых

районов, увидеть социальные последствия индустриального освоения Ангаро-Енисейского региона. Исследователи активно изучают обе стороны имеющегося опыта, позитивную и негативную, хотя в публикациях 70-х гг. немало прикляженности, встречается эйфория в анализе происходивших событий, явно недостает критического анализа. Последнее – скорее беда историков, а не вина, имея в виду "заятость" исторической науки, характерную для прошедшего двадцатилетия.

Круг поднимаемых относительно АЕР вопросов продолжает расширяться. Среди них на рубеже 80-90-х гг. приоритетное значение получает обращение к состоянию природной среды. Конечно, нельзя представлять дело таким образом, будто бы об экологических последствиях промышленного развития Ангары и Енисея начали говорить только сейчас. Отдельный раздел о влиянии энергетического строительства на окружающую среду имеется, например, в монографии В.В.Алексеева. Естественно, что в книге, вышедшей в свет около 15 лет назад, многие аспекты проблемы только обозначены: предстоит ее кропотливая научная разработка. Предстоит оценить не только экологическую обстановку Ангаро-Енисейского региона, но также дать обстоятельный ответ на вопрос, почему при многомиллиардных затратах, наличии целенаправленных программ значительная часть Центральной Сибири к концу 30-х гг. оказалась в бедственном положении. Необходимо вновь и вновь проанализировать очевидный перекоc, при котором мощное индустриальное освоение края не стало основой повышения благосостояния его населения.

Г.А.Цыкунов
(Братск)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКИХ ТПК: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Освоение Ангаро-Енисейского региона, формирование его ТПК давно стало объектом исторических исследований. Изучение регионального опыта позволяет не только выяснить общее и особенное, но и выходить на общеисторические закономерности, что способствует пониманию глубинных процессов в обществе. Перестройка в исторической науке открывает на этой основе широкие возможности для преодоления негативных явлений, несоответствия результатов исследований жизненным реальностям.

Сразу же следует отметить, что ТПК – проблема многогранная, "стыковая", имеющая свои исторические, экономические, социологические и юридические аспекты. Так, вопросы сочетания отраслевого и территориального принципов планирования и управления, инвестиционной политики, конкретные результаты активно исследуются экономистами, проблемы правового статуса ТПК рассматриваются юристами. К сожалению, еще мало внимания поиску своего предмета в изучении данной проблемы уделяют историки, исследования которых часто страдают описательностью. Одной из причин такого положения является практически полное отсутствие методологической разработки темы. Рассматриваемая в историческом аспекте, она носит достаточно выраженный экономический характер. Это требует ответственности и компетентности при освещении вопросов на стыке исторической и экономической наук.

В современных условиях очевидна необходимость выработки такого подхода к изучению проблем ТПК, который носил бы междисциплинарный характер. Сейчас имеются необходимые предпосылки для создания совместных научных работ историков и экономистов. Такое изучение послужит взаимодействию методологии и методики различных наук, усилит внимание к вопросам синтеза современных научных знаний. Есть все основания считать, что совместные исследовательские работы по проблемам ТПК окажут содействие и развитию исторической науки.

Изучение опыта и проблем формирования системы Ангаро-Энисейских ТПК требует продуманной постановки вопросов. В еще недавние времена основное внимание уделялось изучению вопросов создания и функционирования промышленного потенциала, причем в основном в отраслевом аспекте, что особенно было характерным для историко-партийной науки. В то же время сибирские историки одними из первых приступили к рассмотрению социальных последствий индустриального освоения новых районов страны: вопросов формирования населения и трудовых коллективов, создания социально-бытовой инфраструктуры, культурного развития. Предприняты первые шаги в обобщении опыта прошлого для познания явлений и процессов современности.

Более пристального внимания требует разработка проблемы человеческого фактора. Сейчас уже недостаточно изучать лишь такие средства его активизации, как решение жилищной проблемы, повышение заработной платы. Необходимо проанализировать причины неудовлетвори-

тельного решения продовольственной и экологических проблем. Новые подходы требуют и несколько иного определения самой цели исследования. Сейчас необходимо показать в конкретно-исторической обстановке место и роль человека в освоении новых районов, проследить в этом процессе преобразование самого человека. Освоение изменяет не только естественно-географическую среду, но и уклад жизни, а значит и судьбы людей. Происходят глубокие изменения в занятости, труде и быте населения, которые приводят и к изменениям его духовно-нравственной жизни. При изучении проблем освоения новых районов последние также подлежат изучению. Научное решение различных вопросов во многом зависит от источниковой базы. Ее наличие и состояние по данной проблеме неудовлетворительно по ряду причин. Во-первых, комплексное изучение проблемы, хронологически примикающей к сегодняшним дням, затрудняется отсутствием многих документов в государственных архивах из-за чрезмерно длительного периода их отложения. Более того, ряд фондов отраслевых министерств, необходимых для изучения практики ТПК, по-прежнему считаются закрытыми. Во-вторых, сложилось противоречие между объективным анализом опыта и проблем формирования Ангаро-Енисейских ТПК и состоянием самой источниковой базы. Прежде всего, это относится к содержанию периодической печати, изданий местных партийных и советских органов 70-х — начала 80-х гг., которые преувеличивали действительные и мнимые успехи, замалчивали недостатки и просчеты в работе. То же самое относится к многим материалам партархивов Красноярского края и Иркутской области, которые, во многом являясь продуктом стиля партийной работы того времени, главный акцент делали на констатации успехов. Это требует критического подхода к достоверности ряда публикаций, посвященных положению дел в партийных, советских, хозяйственных организациях региона. Объективная оценка процессов создания ТПК требует кропотливой работы по поиску дополнительных источников, их сопоставления и тщательного анализа.

Наконец, труднейшей задачей является подведение итогов с точки зрения определения экономической эффективности формирования и развития системы Ангаро-Енисейских ТПК. При этом необходимо учитывать широкий диапазон вопросов от степени сформированности самих комплексов до четкого обозначения их территориальных границ. Если для вновь создаваемого ТПК в районах нового освоения определение экономической эффективности идет за счет оценки размещения только нового производ-

ства, то для развизающего комплекса в обжитых районах, оно требует учета как новых, так и уже действующих мощностей. Далее, решение этого вопроса усложняется незаконченным экономическим районированием в пределах самой системы, что нашло выражение в неопределенности границ ТПК. Все это крайне затрудняет определение экономической эффективности формирования комплексов. В большинстве случаев отсутствуют и подобные результаты экономических исследований. Определение экономической эффективности формирования ТПК является одной из сложнейших методологических и методических задач при решении проблем комплексного развития производительных сил региона.

С.В. Докучаев
(Свердловск)

Т.Е. Эйдис
(Нижний Тагил)

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ УРАЛА

Различные аспекты совершенствования подготовки, формирования политической культуры инженерно-технических кадров, повышения их трудовой и общественной активности нашли отражение в уральской историографии.

Анализ опубликованной литературы, посвященной проблемам научно-технического прогресса (НТП), его последствиям нашел отражение в историографических очерках А.В. Бакунина. Определенную роль в исследовании указанных проблем сыграли работы, посвященные развитию интеллигенции в целом. Среди них следует выделить монографию М.Б. Главацкого "Историография формирования интеллигенции в СССР" (Свердловск, 1967).

Проблемы подготовки и повышения квалификации ИТР Урала не были объектом глубокого исторического исследования. Они рассматривались в трудах по истории Урала, в работах, посвященных истории отдельных вузов, а также в немногочисленных статьях уральских авторов. Причем наиболее изучены: такие проблемы, как подготовка будущих специалистов в учебных заведениях, участие ИТР в организации социалистического соревнования и технического творчества. Среди них следует выделить работы экономистов М.Л. Харламповича, Г.В. Гермайдзе, историков М.И. Кондрашовой, С.Н. Горлановой, И.Г. Светловой,

Г.В.Каримовой, В.К.Ручевой, В.В.Запария, В.И.Макаревича и др.

достоинством уральских авторов, которые в той или иной степени затрагивают указанные проблемы, является то, что ими изучен и обобщен значительный фактический материал, выделен передовой опыт, даны практические рекомендации по его использованию. Вместе с тем необходимо отметить, что публикации, посвященные проблемам подготовки и повышения квалификации ИТР грешат упрощенчеством, догматизмом, в них зачастую отсутствует диалектический подход к анализу тех или иных процессов. Нередко в работах исследователей преувеличивает описательность в ущерб всестороннему анализу проблемы. Слабо раскрываются трудности, противоречия, просчеты в подготовке и использования ИТР на производстве. В указанной литературе не анализируются имевшие место в 70-е гг. негативные явления и их причины, снижение престижа инженерного труда, низкий уровень профессиональной подготовки ИТР, падение их социальной активности и другие проблемы. Это привело к тому, что многие труды сводятся лишь к констатации достигнутого, что снижает их научную и практическую значимость.

Сегодня необходим глубокий объективный анализ всей совокупности тормозящих факторов, т.к. советское общество не может успешно развиваться без опоры на научно-технический прогресс и его главного проводника — техническую интеллигенцию.

Основой экономической и социальной стратегии партии является ускорение научно-технического прогресса и, прежде всего, овладение достижениями его современного этапа, связанного с развитием авангардных технологий — микроэлектроники, робототехники, приборостроения, информатики, биотехнологии. В реализации этой программы огромная роль принадлежит инженерно-техническим кадрам. Инженер должен стать ключевой фигурой в реализации стратегии реконструкции народного хозяйства на базе новейшей техники. В подобных условиях нельзя признать нормальным снижение престижа инженерного труда.

В 50-60-е гг. на Урале как и в других регионах страны вошел в практику принцип определения потребностей отраслей народного хозяйства в специалистах путем суммирования заявок промышленных предприятий. Именно этот принцип привел к перепроизводству инженеров некоторых специальностей. В этот период закладывались основные программы выпуска инженеров для разных отраслей народного хозяйства,

которые незначительно изменились в последующие годы. "Вал" инженерот дал политический результат: это был один из немногих пунктов, по которому мы "догнали и перегнали" США. Но, к сожалению, количество специалистов не привело к качественному скачку: их подготовка не соответствовала потребностям производства и постепенно снижалась эффективность их использования.

Застой в народном хозяйстве, его экстенсивное развитие привели к тому, что наметилась тенденция к замедлению развития сферы образования в сравнении с мировым уровнем. Бюрократизация управления общественным производством в эти годы стала основным тормозом в деле качественной подготовки специалистов и их эффективного использования в дальнейшем. Вопреки решению съездов партии о разбуртывании в стране НТП, действующий в стране хозяйственный механизм не только не стимулировал творческую инженерную мысль, но и ставил непреодолимый барьер перед развитием НТП путем создания многочисленных запретительных инструкций, правил и положений. В результате произошло отторжение новаций от процесса производства, которое в свою очередь порождало отчуждение инженерного и научно-го труда.

В наследство от 70-х гг. мы получили так называемый "инженерный вопрос" - клубок противоречий, затронувший не только сферу подготовки, но и сферу использования технических специалистов. Реальная отдача ИТР перестала соответствовать потребностям общественно-го производства. В результате неуклонно снижались темпы НТП, уровень отечественных конструкторских и технологических разработок, надежность техники. Нарастало отставание нашей страны от развитых капиталистических стран в ведущих отраслях экономики.

Замедление темпов производства в 70-е гг., технологическое отставание поставили страну к середине 80-х гг. на грань кризиса, который не преодолен до сих пор. Главной причиной этого положения дел является то, что государственная собственность на средства производства в том виде, как она сложилась в нашей стране предопределяла господство административных методов управления, т.е. монополии бюрократии на условия, средства и продукты производства, на распределение и использование всех хозяйственных факторов. Это вело к тому, что основная масса трудящихся, в том числе и ИТР, оказались в положении исполнителей идущих сверху директив. Отношения собственности обуславливали сковывание инициативы как хозяйствен-

ных руководителей, так и всех ИТР. Это было тормозом технического прогресса.

Т. Б. Суворова
(Свердловск)

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИОГРАФИИ ОРГАНИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ НА УРАЛЕ

Практика доказывает, что успех решения жизненно важных социальных проблем зависит прежде всего от способности общественной системы наиболее полно реализовать научно-технический потенциал при условии внедрения прогрессивных форм организации научной деятельности. Поэтому неслучайно сегодня возрастает интерес ученых к организационным сторонам развития науки, в том числе в историческом аспекте. Объективная оценка современного состояния науки, выбор оптимальных форм ее организации возможны на основе всестороннего знания исторических особенностей возникновения и функционирования научно-организационной структуры на различных этапах общественного развития.

В рамках этой исследовательской проблемы в качестве самостоятельной темы выделяется изучение организации академической науки на Урале в советский период. Процесс осуществления на практике современного принципа самостоятельности развития региона предполагает, кроме прочего, и глубокий ретроспективный анализ особенностей формирования системы местных институтов научно-исследовательской деятельности. Это позволит расширить представление о научно-техническом потенциале региона, поможет выработке научно обоснованных способов, средств его развития и реализации, будет способствовать совершенствованию механизма взаимодействия общесоюзных и региональных форм научной политики.

Предстоящие исследования в рамках этой проблемы предполагают прежде всего комплексную оценку имеющихся публикаций по соответствующей тематике.

Работа по историческому обзору должна учитывать, с одной стороны, ряд современных требований и, с другой, появившиеся исследовательские возможности в русле происходящей перестройки советского обществоведения. Прежде всего, речь идет о переосмыслении, переоценке тех социально-политических условий, в которых существовала советская историческая наука. Сегодня они характеризуют-

ся как условия, при которых "общественная наука вообще была невозможна, так как ученому заранее предписывалась охранительная позиция по отношению к существующей системе" (В.М.Межуев). Следовательно, становится необходимым учитывать, что противостоящая безжизненным идеологическим догмам общественная научная мысль вынуждена была с трудом пробиваться в печати, была лишена возможности в той или иной форме дойти до широкого круга читателей и поэтому естественно не представлена в официально изданной исторической литературе. Отсюда становится очевидной задача повышенного внимания к малым формам научно-публицистических изданий местного уровня, возрастает интерес к поиску материалов, зафиксировавших вероятно существовавшее разнообразие научно-исследовательской мысли.

Речь идет и о том, что эмоционально критикуемые сегодня теоретические ориентиры советских обществоведов, историков являлись в конечном счете не добровольно выбранными ими, а задавались известным механизмом взаимодействия науки и политики.

Наконец, мы подразумеваем необходимость так называемой конструктивной критики изучаемого историографического материала. Она не предполагает простого отрицания устаревших, ошибочных авторских позиций, но направлена на выявление путей преимущественности в описании исторического материала, на выработку предложений по совершенствованию научно-исследовательской методологии и методики. При этом следует учесть и то обстоятельство, что наличие большого фактического материала в рассматриваемых работах само по себе представляет непреходящую ценность, его информационно-познавательная роль не снижается в новых социально-политических условиях. Кроме того, сегодня, на наш взгляд, возрастает возможность иного прочтения "старого" материала на базе так называемого "нового мышления", возрастает вероятность обнаружения имплицитно представленных в работах теоретических ракурсов.

История организации советской академической науки на Урале до сих пор не получила всестороннего, полного, комплексного освещения. Не были написаны специальные монографии, крупные обобщающие работы по этой тем. Материал по истории развития уральских подразделений АН СССР представлен в отдельных публикациях на страницах периодической печати различного уровня, в сборниках статей, посвященных юбилеям научного строительства на Урале, в изданиях общесоюзного характера. Эти обстоятельства заранее ог-

раничивают обзор историографического наследия, и в то же время они требуют более внимательного отношения к имеющемуся объему публикаций, так или иначе связанных с нашей темой.

И.В.Борзихина
(Свердловск)

СОВЕТЫ УРАЛА В ЛИТЕРАТУРЕ 80-х гг.

Изучение деятельности Советов народных депутатов на современном этапе является необходимым условием процесса осмысления их места и роли в политической системе советского общества. Исследователями Урала в 80-е годы был сделан определенный шаг вперед в разработке этой проблемы. Анализ выявленной литературы позволяет отметить, что изучение деятельности Советов шло по нескольким направлениям и охватывало как проблемы развития их организационной работы, так и роли местных органов власти в экономическом и социальном развитии подведомственных территорий.

Многие публикации посвящены либо специально, либо в определенной степени затрагивают проблему развития организационной работы Советов и справедливо связывают ее хорошую постановку с эффективностью деятельности местных органов власти. Наиболее полно эти вопросы рассматривают А.И.Махнев, Л.А.Соколов, Е.Ф.Луракин, А.Г.Костенюк. Авторами изучаются проблемы совершенствования сессионной деятельности Советов и работы их постоянных комиссий как основных организационно-массовых форм. При этом на конкретном материале обобщается наиболее удачная практика проведения сессий. Заблаговременная подготовка выносимых на сессию вопросов в основном силами постоянных комиссий, отдельных депутатов, актива Советов позволяет, по мнению авторов, отойти от практики прошлых лет, когда сессия готовилась лишь аппаратом исполкомов, и активизировать деятельность депутатов. В названных публикациях отмечается тенденция оживления работы постоянных комиссий, деятельности депутатов как в Советах, так и в избирательных округах. Авторами анализируется практика выполнения депутатами наказов, использования депутатских запросов, организации учебы депутатов и делается вывод о росте активности народных избранников. Подтверждение этих выводов многочисленными положительными примерами не позволяет, однако, считать их достаточной аргументацией.

Надо отметить, что основная часть публикаций по проблеме развития организационной работы Советов вышла в I-й половине 80-х гг. и над авторами, на наш взгляд, довлели стереотипы прошлых лет, связанные с застойными явлениями в общественных науках. Именно это, видимо, не позволило провести объективный анализ тенденций развития организационно-массовой работы Советов, для которой достаточно характерной чертой являлся формализм, заорганизованность. Эти негативные процессы в деятельности Советов в 80-е годы не затрагиваются в названных публикациях и анализ их причин, проявлений и последствий по сей день остается пока не исследованной проблемой.

Примерно также обстоит дело с разработкой в литературе 80-х годов вопросов о роли Советов Урала в экономическом и социальном развитии подведомственных территорий. В публикациях Черняева В.С., Михалко В.С., Султанова Ф.В. и др., на богатом фактическом материале раскрываются конкретные направления работы Советов, связанные с руководством местной промышленностью, социальным развитием села, с разработкой и осуществлением социально-экономических программ для каждого населенного пункта. Они, безусловно, дают представление о роли Советов в обеспечении комплексного экономического и социального развития своих территорий. Но вместе с тем практически для всех публикаций характерна иллюстративность, им недостает анализа механизмов деятельности местных органов власти. Достаточно типичной является такая схема изложения названной проблемы: описание хода обсуждения вопросов социального и экономического развития на сессиях и заседаниях исполкомов - утверждение о том, что эти проблемы находятся под неослабным контролем Советов, - и подробное перечисление количества построенного жилья, введенных в строй объектов социально-культурного назначения и т.д., как правило, без сопоставления с плановыми заданиями. При этом остается невыясненной роль именно Советов в экономическом и социальном развитии территорий, т.к. все достижения (вплоть до подготовки кадров для колхозов) относятся на счет местных органов власти.

Достаточно характерным для изученных нами публикаций является то, что в них практически не поднимался вопрос о зависимости Советов от диктата ведомств, об узкости их материально-финансовой базы и о правовой необеспеченности их экономической деятельности.

Отмечаемые трудности в работе Советов связываются, как правило, с недостаточной активностью органов власти по использованию предоставленных им прав. Здесь, на наш взгляд, также проявляются упоминавшиеся уже стереотипы прошлых лет.

В связи с этим назрела необходимость отхода от сложившегося стиля исследования деятельности Советов и перехода к объективному анализу их роли в жизни Урала. Надо отметить, что выявленные публикации в основном были в счет в I-й половине 80-х гг., а во 2-й наблюдается их резкое сокращение. Кроме того, изданные статьи и брошюры о Советах Урала (а монографических исследований в этот период не было) довольно малочисленны. Это свидетельствует о назревшей необходимости перейти от изучения отдельных вопросов деятельности Советов Урала к подготовке крупных трудов, в рамках которых можно было бы обстоятельно и объективно, с новых позиций проанализировать роль местных органов государственной власти в развитии уральского региона в 80-е гг.

К.И.Зубков
(Свердловск)

ПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СССР (АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

История советской экономики не может быть адекватно объяснена и осмыслена в качестве исторического опыта без обстоятельного исследования тех звеньев социальной детерминации, которые охватывают сферу субъективного: мотивацию и целеполагание деятельности, выбор средств и методов достижения цели. Без такого анализа всякая объяснительная схема обречена на редукционизм и искажение исторической реальности. Этот принцип существенно подчиняет себе логику научного поиска в западной советологии, смену ее основополагающих парадигм. Под напором концептуальных новаций современная советология уже не сосредоточивает свое внимание исключительно на политической истории "верхов", с готовностью признает, что массовые социальные процессы — это те "корни травы", где подспудно зреют крупные общественные перемены.

Это не отменяет однако резонного вывода о том, что в советской системе механизм общественного развития решительно смещен в "верхние этажи" властно-управленческих структур. Особая роль поли-

тико-управленческих отношений в развитии экономики СССР заключается в том, что логика движения последней изначально задана господствующей организационной моделью управления. По меткому замечанию французского советолога А.Безансона, в СССР политическая экономия фактически подменяется экономической политикой. Предлагавшиеся на этой основе трактовки советской модели управления экономикой – как в советологии ("тоталитарная", "бюрократическая", "идеократическая", "командная"), так и в нашем общественном сознании ("административно-командная") – оказывались однако уязвимыми для критики. Они достаточно быстро проходили пик своей популярности, сменяя друг друга и подвергаясь бесконечным модификациям.

И это не случайно. Данные теоретические модели статичны в своей основе, мало ориентированы на анализ конкретного многообразия исторических ситуаций, отмеченных отступлениями от доктринальных принципов в пользу прагматических решений. Вариабельность управленческой деятельности еще более возрастает на региональном уровне, где общие подходы должны неизбежно увязываться со специфическими условиями регионов.

Гораздо более продуктивный подход к изучению советской экономической политики задает одна из сравнительно недавних трактовок советской политико-управленческой системы – "плюралистическая" (Т.Данмор, Дж.Ф.Хаф, Т.Ремингтон и др.). Она подразумевает наличие в советской системе политической власти и управления ряда относительно автономных "центров силы" и рассматривает функционирование советской экономики, особенно в региональном разрезе, как результат сложного сбалансирования их особых интересов (ведомственных, иерархических, региональных и др.), проявляющих себя в рамках определенных принципов и "правил игры". Исходя из этих интересов формируются и ведущие мотивы деятельности разных субъектов управления.

Это заставляет по-новому интерпретировать разрабатываемые в советологии теории факторов регионального развития СССР. Следует признать, что действие различных факторов (геополитических, внутри- и внешнеэкономических, политических, идеологических и др.) нельзя представлять в виде простой корректирующей конкретизации целостной хозяйственной политики. Они воздействуют, прежде всего, на специфические интересы и мотивы деятельности ведомств и инстанций политико-управленческого аппарата. Проявление того или

инного фактора в региональной политике при этом всецело зависит от того, насколько его действие соответствует интересам различных субъектов управления и как в реальности складывается взаимодействие этих субъектов.

В этом контексте находят свое объяснение многочисленные несообразности, а порой и откровенный иррационализм, индустриального развития регионов. Дело в том, что последнее невозможно объяснить только исходя из общих соображений экономической целесообразности. В такой же, если не в большей, степени региональное развитие СССР отражает скрытую логику политического процесса, соперничество, взлет и упадок различных субъектов власти и управления.

В бюрократически организованной политико-управленческой системе, свойственной "доперестроечному" социализму, интересы сохранения власти и влияния, их расширения можно считать фундаментальным смыслом существования и деятельности соответствующих структур. Эти интересы под воздействием различных общественных факторов обретают форму специфических мотиваций деятельности.

Геополитические мотивации связаны с интересами внешней выживаемости системы, также как и общества в целом. На протяжении советской истории учет геополитического фактора в региональном развитии являлся сферой повышенного внимания со стороны центральных политических и планово-хозяйственных органов (ЦК, Госплан); меньше считались с ним отраслевые наркоматы (министерства). Например, ограниченные результаты программы сдвига оборонных отраслей индустрии в восточные районы СССР в 1938-1941 гг. показывают, что эта жизненно важная установка неявно саботировалась деятельностью наркоматов. Последние, набрав силу и влияние в годы индустриализации, противопоставляли свои ведомственные интересы, связанные с быстрыми оборотами капиталовложений в западных районах СССР, интересам укрепления обороноспособности страны. В годы Великой Отечественной войны это противоречие разрешалось путем усиления диктаторского, персонализированного стиля руководства с более короткими цепочками "команд" и сопутствующим "вымыванием" формальных бюрократических структур (М.Харрисон), а также географическим смещением на восток отдельных звеньев централизованного управления (назначение председателя Госплана Н.А.Вознесенского представителем СНК в Кубинское, ответственным за создание военной экономики в восточ-

ных районах; создание в Свердловске Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны) (Э.Залески).

Интегративные мотивации предполагают обеспечение политической и территориальной целостности государства, режимной стабильности в различных частях страны. В советской историографии политическая подоплека регионального экономического развития еще не нашла должного отражения. В западной же советологии советская политика индустриализации в ранее отсталых регионах увязывается не только с ее идеологическим императивом, но и с политически мотивированными целями экономической "привязки" регионов к центру (Л.Дайнес, Д.Хузон). Это достигалось путем однобокого, подчас противоестественного, хозяйственного профилирования регионов, массового ввоза рабочей силы из других районов страны.

Совпадающие в основном интересы центра и ведомства в этом случае находили отклик у регионального руководства, зараженного карьеристской, "аппаратной" психологией. Лишь с началом перестройки эта схема принципиально меняется: центральная власть блокируется с региональными лидерами в борьбе против возросшего и все более дезорганизуемого экономику автономизма ведомств (Т.Ремингтон). Процесс политической демократизации, на наш взгляд, меняет в свою очередь и ориентацию местных партийных и советских руководителей. Очевидной политической "модой" становится рассчитанная на массовые настроения идеология "регионализма".

Более сложную структуру отношений "центр - регион" воплощают достаточно дифференцированные внутрисистемные мотивации, присущие основным субъектам власти и управления. В период застоя интересы центральной власти заключались в поддержании собственного авторитета и социальной стабильности в обществе при консервации существовавших политико-экономических структур. Региональное развитие в этом контексте часто мотивировалось поддержанием искусственного динамизма системы (экстенсивные программы освоения) или общенациональной сплоченности вокруг проблем безопасности (БАМ как реакция на "китайскую угрозу") (М.Брукмейер). Восточные районы СССР рассматривались также в качестве крупнейшего источника валютных ресурсов, компенсирующих социальную напряженность и технологическое отставание в условиях стагнирующей экономики (колоссальный экспорт нефти и газа Западной Сибири).

Конкретные контуры региональных экономических программ в сильной степени зависят и от позиций регионального руководства. В

советологии серьезно и глубоко изучается (в том числе с помощью контент-анализа) этот уровень мотиваций. Даже в сталинской системе управления региональные партийные лидеры обладали возможностями бороться за фонды, поставки и другие экономические рычаги, позволявшие их регионам успешно выполнить установки центра (д.ж.Харф). Это было важнейшей гарантией укрепления региональными лидерами своего статуса в глазах Москвы. В последующем также наблюдается сильнейшая взаимозависимость неформального политического влияния областных партийных руководителей и распределения инвестиционных приоритетов по регионам (д.ж.Бреслауэр).

Синтез двух продуктивно развиваемых в советологии направлений – исследования динамики политико-управленческих структур в СССР и факторного анализа региональной политики – может обеспечить рациональное объяснение реальных механизмов, управляющих советским региональным развитием.

К.В.Ломакин
(Свердловск)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ РСФСР В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ

Быстрое развитие восточных районов РСФСР, возрастание их роли в международном сотрудничестве привело к появлению во многих странах литературы, посвященной изучению опыта индустриального освоения этой части СССР: Несмотря на большое количество работ, вышедших на Западе по вопросам промышленного развития Сибири и Дальнего Востока, взгляды западногерманских советологов на эти проблемы практически не анализировались в советской историографии.

Западногерманские авторы подчеркивают ведущую роль государства в освоении Востока России как до революции, так и в советское время. Г.-Г. Хёман пишет, что отставание в развитии этого региона "преодолевалось с помощью инструментов административного управления экономикой". В работах исследователей из ФРГ отмечается, что в ходе освоения восточных районов РСФСР произошла смена нескольких моделей развития. Процесс индустриализации Сибири, по мнению А.Каргера и Ч.Либманна, начался с сооружения Урало-Кузнецкого комбината – "ключевого проекта первого пятилетнего плана". Он является воплощением в жизнь модели "регионального комбината", ориентированного

на добычу сырья. Большинство авторов считает, что ее характерной особенностью являлось использование принудительного труда, который обеспечил успешное развитие восточных районов РСФСР в 30-е — первой половине 50-х гг.

Смена модели освоения, по оценке ряда авторов, произошла в середине 50-х гг. В ее основу были положены принципы добровольности при формировании рабочих коллективов и широкое использование материальных стимулов для привлечения молодежи в районы нового промышленного освоения. Символом этой фазы развития стало строительство Братской ГЭС. Был провозглашен принцип комплексного развития восточных районов РСФСР. Логическим продолжением идеи "регионального комбината" стала концепция формирования территориально-промышленных комплексов (ТПК), которая нашла свое воплощение в создании Братско-Усть-Илимского комплекса. Все исследователи позитивно оценивают идею создания ТК, но вместе с тем подчеркивают, что данные комплексы не имеют четкого юридического и экономического статуса, не могут противостоять диктату ведомств, до сих пор не найден баланс между централизмом и регионализмом. Внимательно изучаются отрицательные моменты при формировании ТК, обращается внимание на то, что "ошибки Братска" тиражируются по существу на каждой стройке (ведомственная разобщенность, отставание в развитии социальной инфраструктуры и т. д.).

Как известно, с середины 70-х гг. в восточных районах страны широкое распространение получил вахтово-экспедиционный способ организации работ. Б.Кнабе видит в этом отказ от существенных элементов идеи комплексного освоения Сибири. И.Беткенхаген и Г.Клемент считают, что вахтовый метод используется в целях экономии капиталовложений и уменьшения текучести кадров. Однако, как отмечает советский исследователь Ф.Х.Хисанов, в условиях Западно-Сибирского нефтегазового комплекса использование вахтово-экспедиционного метода ведет к дополнительным расходам, а не к экономии капиталовложений.

Западногерманские исследователи обращают внимание на то, что после 1965 г., с провозглашением политики перестройки, происходит переориентация советской экономики. В связи с этим они отмечают, что атмосфера "сибирской эйфории" уходит в прошлое, а осуществление многих крупных проектов переносится на более поздние сроки. По мнению Н.Вайна, развитие восточных районов РСФСР должно быть более обдуманным, чтобы не повторялись ошибки, допущенные во время стро-

ительства Байкало-Амурской магистрали (неясность побудительных мотивов, чрезмерное внимание к геополитическому фактору, ошибки в научной, организационной и технической подготовке).

Ряд авторов, в том числе Г.Клемент и И.Беткенхаген, отмечают, что восточные районы РСФСР, в особенности Западносибирский нефтегазовый комплекс, были тем компенсатором, который смягчал провалы в социально-экономической политике страны, оттягивал принятие неотложных мер по коренной модернизации экономики СССР. Многие стратегические задачи ускоренного и сбалансированного развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока, провозглашавшиеся с трибуны партийных съездов, либо остались на бумаге, либо выполняются со значительным отставанием.

Западногерманские советологи подчеркивают закрытый, автаркичный характер экономики восточных районов СССР. Например, К.Шписс отмечает, что экономика Дальнего Востока ориентирована на западную часть страны, а не на близлежащий Тихоокеанский регион. Причину подобной ориентации он видит во внешнеполитической обстановке. Поэтому нормализация отношений с соседними странами, прежде всего с Японией, отвечает прежде всего интересам развития советского Дальнего Востока.

Оценивая политику государства в отношении восточных районов У.Шиллер, Н.Вайн, И.Беткенхаген пишут о том, что на первое место оно ставит производственный сектор, социальные аспекты отодвигаются на задний план, что приводит к нехватке рабочей силы, высокому уровню текучести кадров. Поэтому необходимо усиление социальной ориентации экономики Сибири и Дальнего Востока, повышение уровня и качества жизни населения региона. В этом плане выводы как советских авторов, так и западногерманских исследователей совпадают. Это создает основу широкого концептуального взаимодействия между ними в изучении исторического опыта развития восточных районов РСФСР.

В.В. Широков
(Свердловск)

СОВЕТСКИЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА В НЕМАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Построенная на основе централизованной государственной собственности, советская экономика развивалась в русле решений, при-

нимасмык в высшем эшелоне власти. Однако не меньшее значение имел процесс их реализации, сосредоточенный в руках службых государственных структур, именуемых сейчас бюрократической, или административно-командной, системой. Опыт взаимодействия двух этих компонентов управления на уровне регисна представляет громадный интерес.

"Доперестроечная" советская наука почти исключале даже саму постановку таких проблем, поэтому в советской историографии они изучены крайне слабо. Их разработки в немарксистской историографии много полнее. Без критической оценки ее концепций любне исследования в данном направлении затруднены. Особый историографический интерес представляют англоязычные работы, вышедшие с начала 70-х гг. и явившиеся своеобразным итогом нескольких десятилетий работы зарубежных авторов.

Советский опыт управления экономикой региона исследуется в немарксистской историографии на основе различных годходов к принципам региональной эконолической политики в СССР. Английский исследователь Т.данмор выделил три таких подхода: "тоталитарный", "бюрократический" и "плюралистический". В рамках "тсталитарной" концепции предполагается, что аппарат проводит без возражений решения, принятые высшим руководством, в "бюрократической" модели в жизнь воплощаются решения, выгодные всему аппарату. "Плюралистическая" — предполагает компромиссную политику — результат сделок бюрократических группировок. В целом подход Т.данмора достаточно разумен: вне рынка других особых вариантов управления экономикой региона не существует. Реальные концепции авторов являются смесью этих моделей, но именно на основе преобладающей теоретической ориентации каждый исследователь анализирует советский опыт управления экономикой региона.

Согласно "бюрократической" модели, развитие региона определяется консолидированным классом управленцев, использующим экономическую власть в своих интересах. Последовательно эта модель представлена у У.Блэквела, считающего, что аппарат не только наложил отпечаток на советскую индустриализацию, но и эволюционировал в эгоистический класс. "Техническая и бюрократическая элита" стремилась укрепить свое положение в воссозданном в СССР "восточном способе производства". Де эгоизмом объясняет У.Блэквел пренебрежение в период индустриализации спецификой региона, нерациональ-

ность планирования и управления, игнорирование социальной сферы, использование принудительного труда. Типичным примером этих явлений для У.Блэквела выступает Урал. У.Блэквел явно преувеличивает замкнутость и сплоченность элиты, ее корпоративный эгоизм. В период индустриализации социальная структура советского общества еще только формировалась. Поэтому региональная экономическая политика не могла быть результатом сознательного внедрения в практику интересов какой-либо социальной группы. Упрощенный, вульгарный подход сторонников "бюрократической" модели далек от исторической правды.

"Тоталитарная" модель в целом для советологии является делом прошлого, но она трансформировалась в концепцию "командной экономики" (М.Харрисон, С.Кон, А.Ноув), приписывающую решающее значение в системе управления высшему руководству страны. Для С.Кона и М.Харрисона политика регионального развития определяется руководством, оформляется и реализуется Госпланом через прямой и жесткий контроль предприятий. Для А.Ноува инструментом тотального контроля является партия, доминирующая в лице ЦК над всей экономической жизнью. Эти ученые видят недостатки в развитии Урала и восточных районов СССР в ориентации руководства на краткосрочные результаты в экономике. Проведение такой линии было выгодно старым промышленным центрам европейской части страны, обеспечивающим быструю отдачу капиталовложений.

Концепция "командной экономики" наиболее применима к региональному развитию периода индустриализации, хотя она мало учитывает борьбу при выборе приоритетов. Но в целом развитие регионов шло в русле принятых решений, а недостатки были следствием их нецелесообразности и неадекватности возможностям экономики.

При анализе послевоенного периода концепция "командной экономики" не выдерживает критики со стороны сторонников другой - "плюралистической" модели регионального развития в СССР. В ее рамках работают Т.Данмор, Дж.Хаф, И.Коропещкий. Они считают региональную экономическую политику результатом "сделок" бюрократических группировок, представлявших разные структуры системы управления. Ведущая роль в этом принадлежит ведомственной бюрократии.

Для Т.Данмора периодом усиления ведомств была война. Она же ослабила партию, НКВД, профсоюзы и Советы, прежде всего в кадровом отношении. После войны НКВД отошел от функций контроля в экономике. Страдавшая организация аппарата ЦК и Минфина, слабость

местных Советов, некомпетентность кадров этих структур, отсутствие исполнительных функций у Госплана позволяли ведомствам бесконтрольно распоряжаться ресурсами.

Ведомства стремились размещать ресурсы в тех регионах, где они приносили быструю отдачу. Это вело к сохранению позиций развитых западных регионов в экономике страны. Ведомства не учитывали специфики регионов в управлении их экономикой, действовали без согласования, игнорировали "второстепенную" с их точки зрения социальную сферу. В послевоенный период восточные регионы были дискриминированы в снабжении оборудованием, материалами, кадрами, в социальной сфере. Пятилетние планы, намечавшие их ускоренный рост, не выполнялись. Высшее руководство было неспособно провести в жизнь свои решения.

"Плюралистическая" модель верно характеризует послевоенные пятилетки. Несколько позже ведомственные преграды на пути регионального развития заставят пойти на коренную реформу системы управления, в частности на создание региональных совнархозов.

Таким образом, война была рубежом двух разных систем организации экономической жизни регионов в СССР. Период 30-х гг. проходил в условиях "командной экономики". Послевоенное развитие определялось условиями новой - "плюралистической" - модели управления экономикой региона.

Анализируя исторический опыт управления экономикой региона в СССР, зарубежные авторы разными путями приходят к выводам об ограниченности и неприемлемости этого опыта, единственной здоровой альтернативой советской модели называют рынок. С этим утверждением можно согласиться, но конкретные формы рыночной экономики для советских регионов должны показать исследования совокупного мирового опыта и главное - будущая практическая работа.

А.П. Килин
(Свердловск)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ УРА)

Процессы коренных преобразований в экономике СССР вызывают необходимость обращения к опыту регионального развития зарубежных стран. Исследование специфических проблем регионов позволяет найти ключ к решению задач сбалансированного экономического развития

всей страны.

Регионалистика на Западе имеет свою историю. У нас ей дал импульс лишь в последнее время, в связи с острой проблемой хозяйственной самостоятельности регионов. Главная проблема районов нового промышленного освоения видится в моноресурсном профиле хозяйства и, как результат этого "колониального синдрома", в хроническом отставании социальной сферы от индустриального развития. Старопромышленные районы, относимые сегодня к депрессивным, также имеют свой комплекс острых и сложных проблем. Пример Рура в этом смысле наиболее показателен.

Регион, имеющий давние традиции индустриального развития, привлекает внимание экономистов, географов, историков. С 50-х гг. XX в. идет активное комплексное изучение района с целью выработки эффективной региональной политики, включающей антикризисные мероприятия. В связи с этим первоочередной стала задача изменения отраслевой структуры производства. Сложившийся дисбаланс в пользу отраслей тяжелой промышленности (горнодобывающая промышленность, черная металлургия, тяжелое машиностроение) делает экономику региона стагнирующей, невосприимчивой к новациям. Процесс концентрации промышленного производства идет параллельно с процессом урбанизации. Формирование промышленной агломерации влекло за собой обострение социальных проблем. Среди них — проблемы трудоустройства женщин, дефицит жилплощади, повышенная зависимость от ввозимого продовольствия. Настойчиво давала о себе знать неблагоприятная экологическая ситуация. Положение усугублялось истощением местных сырьевых ресурсов, удорожанием их добычи в связи с изменением рыночной конъюнктуры. Переориентация на новые энергетические источники и более экономичные виды сырья (главным образом импортные) повлекла за собой сокращение добычи угля, и как следствие — закрытие многих шахт. Безработица росла, т.к. число вновь созданных рабочих мест было недостаточным. Кризис Рура был очевиден.

Однако, наличие разветвленной инфраструктуры (от любого предприятия до железной дороги не более 2 км), высокий квалификационный уровень рабочих и ряд других преимуществ старопромышленного района, делали Рур привлекательным для вкладчиков капитала. Это позволило начать структурную перестройку экономики, внедрить достижения НТР в хозяйственную практику. Традиционные отрасли, в результате этого, были потеснены более современными (электротехника, нефтехимия, производство синтетических материалов).

Для преодоления кризиса потребовалось активное вмешательство государства. Поощряя рост наукоемких, экологически чистых производств, оно одновременно выделяло дополнительные ассигнования на технологическую модернизацию традиционных отраслей. Сложившаяся ситуация, вынуждающая монополии вкладывать капиталы в охрану окружающей среды, способствовала созданию новой отрасли — "экобизнеса". Органы местного самоуправления принимали участие в разработке региональной политики. Так, например, созданный в 1920 г. и существующий по сей день "Союз рурских городов" — разработал план территориального развития. Документ предусматривал сохранение малых городов, с целью снизить негативные издержки тотальной урбанизации, сохранить пригородные сельскохозяйственные и рекреационные зоны. Местные органы отказывали монополиям в возможности размещать экологически вредные производства на своей территории. Экологические мероприятия центрального правительства и местных органов во многом стимулировались деятельностью общественных организаций, прежде всего движения "зеленых", которое со временем превратилось во влиятельную политическую партию.

Опыт Урала, как и других регионов зарубежных стран, в области антидепрессивных и экологических мероприятий представляет значительную научно-практическую ценность, может быть использован в современной практике развития типологически сходных регионов СССР, в частности Урала.

П.Э.Подалко

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ СОВЕТОЛОГИИ

В настоящее время важное значение приобретает проблема формирования источниковой базы исследований, посвященных изучению зарубежных концепций истории России и СССР. В современных условиях предпринятые попытки деидеологизации обществоведения и исторической науки ставят задачу возможно шире разнообразить круг привлекаемых материалов, раздвинуть пределы научных направлений, так или иначе затрагивающих данную тематику (экономическая история, политология, экономическая география, социальная психология и т.п.). Подчас представители этих сопредельных научных областей (пусть даже, на первый взгляд, они кажутся мало связанными с собственно ис-

торией), в силу отсутствия у них консервативных воззрений, как сдерживающих факторов, являются проводниками более оригинальных и интересных подходов к исследуемому материалу, нежели ученые, придерживающиеся традиционных исторических методов. Необходимость расширения сферы привлекаемых источников диктуется также все более возрастающей взаимозависимостью и взаимопроникновением научных дисциплин, и это, безусловно, должно находить отражение в анализе зарубежных концепций.

Изменения во внутривнутриполитической ситуации в СССР, а также значительные перемены в международной политике тоже оказывают существенное влияние на развитие зарубежной советологии и эволюцию наших подходов к ее изучению. Время откровенных политических спекуляций уходит, и на первый план выступают прагматические вопросы экономического развития и экономического сотрудничества, проблемы национально-территориального устройства и т.д. В этих условиях отчетливее становятся различия между разными национальными школами западного советоведения — англо-американской, германской, французской, японской и т.д. И здесь выявляется необходимость изучения, наряду с общими тенденциями, имеющихся у этих школ различий, что, безусловно, определяется как сложившейся традицией, так и комплексом национально обусловленных черт — особенностями национального характера, историческими корнями взаимодействия науки и практики, в силу чего преобладает либо теоретический уклон с выходом на глобальные исторические оценки (германская советология) либо прагматичность научных разработок и "рекомендательный характер" проводимого анализа (японская школа). Все это ставит задачу вовлечения в оборот новых источниковых материалов, позволяющих раскрыть особенности национальной психологии и образа мышления тех или иных западных авторов.

Наконец, постепенное раскрытие так называемых "белых пятен" отечественной истории ставит задачу пересмотреть весь подход к анализу буржуазной исторической науки, и, в первую очередь, уравнять источниковую оснащенность зарубежных и советских авторов, ибо до сих пор фактологическая основа в трудах последних часто подменялась идеологическими заклинаниями, что, безусловно, снижает научную ценность и достоверность работ. При сопоставлении с вновь обнаруживающимися новыми фактами многие западные концепции доказывают свою состоятельность, но, дабы не идти в хвосте событий, советские ученые должны иметь возможность доступа к источникам не меньшей, чем их зарубежные коллеги. Несомненна также польза, которую обе стороны могут извлечь из прямых контактов исследователей,

дабы от взаимной критики и обвинений перейти к сотрудничеству и взаимопониманию, в том числе и в сфере обмена информацией. Все это не может не привести к резкому подъему уровня анализа зарубежной советологии.

Н.М.Пашков
(Томень)

ИСТОРИОГРАФИИ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО КЛАССА СССР

В политической структуре советского общества важная роль принадлежит рабочему классу, на долю которого приходится ныне 2/3 взрослого населения страны. Его руками производится 3/4 национальных богатств страны. Поэтому не случаен интерес исследователей к изучению проблем, связанных с рабочим классом. В советской исторической науке он не обойден вниманием. Об этом свидетельствует появление в 70-80-е гг. работ А.А.Амбросова, Э.Б.Белачиной, А.Э.Ваксера, И.Ф.Ворожейкина, Л.А.Гордона, В.Э.Дробизева, Э.В.Глопова, В.С.Лельчука, многотомной истории рабочего класса. Серьезная работа в этом направлении проведена историками-регионалистами. В частности, большой вклад в разработку вопросов становления и развития рабочего класса Сибири внесли В.В.Алексеев, Л.М.Будничкич, И.И.Комогорцев, Г.М.Макиевский, И.М.Савицкий, авторы многотомного труда "Рабочий класс Сибири" и другие.

В трудах раскрыты важнейшие вопросы формирования рабочего класса, его роль и место в общественно-политической структуре, решении социально-экономических задач. Однако практически всем работам до последнего времени была свойственна односторонняя, сугубо положительная трактовка проблем становления и развития рабочего класса. В этой связи представляется необходимым пересмотр ряда прочно утвердившихся стереотипов, обусловленных извращением таких методологических принципов, как объективность, научность, партийность.

Прежде всего, нуждается в пересмотре постулат о ведущей роли рабочего класса в советском обществе. На наш взгляд, об этом можно говорить, имея в виду лишь численность рабочих и их роль в производстве материальных богатств. И только. Между тем, понимание ведущей роли рабочего класса можно было бы расширить при условии высокой общественно-политической активности и ответственного участия рабочего класса в делах управления государством. В доказательство этого исследователи, как правило, призо-

дили данные о формальном представительстве рабочих в составе государственных, партийных, общественных организаций, без глубокого выявления и весомых докзательств их влияния в этих органах. Между тем, в настоящее время представляется неправомерным говорить о ведущей роли какого-то класса или социальной группы, учитывая, что каждый из них в общественно-политической структуре и экономической жизни играет одинаково важную роль, и только их совместными усилиями обеспечивается общественный прогресс. Подчеркивание же ведущей роли какого-либо, в данном случае рабочего, класса означает принижение других с крайне негативными последствиями для общества.

Нуждаются в коренном пересмотре подходы исследователей к анализу количественных и качественных изменений в среде рабочего класса. Одну из сторон его политической силы на определенном историческом этапе классики марксизма видели в том, что он в количественном отношении являлся постоянно растущим. Численный рост рабочего класса после революции в нашей стране рассматривался как показатель быстрого индустриального развития страны. До начала 60-х гг. такой подход был в какой-то мере оправдан. Между тем, на современном этапе, когда мир вступил в очередной этап научно-технической революции, в развитых странах идет сокращение рабочего класса, удельный вес которого в развитых странах сократился вдвое, составляя менее 1/3. В этой связи дальнейший рост советского рабочего класса является свидетельством технической и технологической отсталости страны, что вынуждает решать проблемы социально-экономического развития не уменьем, с помощью новой техники и технологии, а увеличением числа рабочих рук. В процессе освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири, например, предполагалось взять богатства региона с помощью новейшей техники и технологии с тем, чтобы численность рабочих не превышала 150 тыс. человек. Решить эту задачу не удалось, и сегодня количество рабочих на нефтепромислах Сибири превысило 500 тыс., что влечет за собой все новые и новые социальные проблемы.

При характеристике качественных изменений в рабочем классе в исследованиях в основном ограничивались приведением многочисленных данных, характеризующих общеобразовательный уровень, профессиональную квалификацию, о которой судили по наличию рабочих, имеющих высокие квалификационные разряды. Среди нефтяников, газовиков, строителей объектов нефтегазовой промышленности Западной Сибири 95-97% составляли рабочие, имеющие неполное и полное

среднее и высшее образование, до 60% — рабочие высоких разрядов. Между тем, учитывая низкое качество образования, искусственное завышение профессиональной квалификации с целью повышения зарплаты и компенсации таким образом отсутствия нормальных условий жизнедеятельности, следует отметить, что многие рабочие оказались не в состоянии овладеть новейшими видами бурового, промышленного оборудования, сложными видами техники в строительстве объектов нефтегазового комплекса, что стало одной из причин медленного внедрения достижений научно-технического прогресса.

Сравнительно низкий уровень квалификации обусловил и невысокую творческую активность рабочих, хотя исследователи проблем изобретательства и рационализации (Г.М.Алексеев, Ю.А.Дмитриев и другие) придерживаются иного мнения. Между тем, среди трудовых коллективов сибирских нефтяников, где, по общему признанию, уровень творческой активности был значительно выше, чем в целом по отраслям, в рационализации и изобретательстве принимали участие от 7 до 10% коллективов, в том числе 3-4% рабочих. Если иметь в виду, что в 70-80-е гг. в ГДР техническим творчеством занимались более 40%, в Японии до 95% рабочих, то на этом фоне выводы наших исследователей о высоком уровне творческой активности следует рассматривать по-иному. Справедливости ради заметим, что дело не только в низкой квалификации рабочих, но и в отсутствии экономических условий, которые бы побуждали к творчеству.

Не стали предметом внимания историков такие качества рабочего класса, как дисциплинированность, организованность, ответственность, сознательное отношение к труду, собственности. В 70-80-е гг. они имели стойкую тенденцию к ухудшению как отражение общего падения нравственно-этического уровня советских людей. В районах нового промышленного освоения эти процессы усугублялись высокой текучестью кадров, социальной неустроенностью, использованием в широких масштабах вахтового метода работы. Отсюда рваческие настроения, равнодушие к результатам своего труда, халатное отношение к материальным ресурсам, варварское отношение к окружающей среде.

Глубокий научный анализ проблем рабочего класса свидетельствует о том, что он выполнил на определенном этапе свою историческую роль, "расчистив" пути для воплощения социалистических идей, однако в их реализации авангардной роли еще не смог добиться ни в СССР, ни в других социалистических странах.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РАЙОНОВ НОВОГО ОСВОЕНИЯ

Масштабное индустриальное освоение ранее необжитых районов Тюменского Севера, где сосредоточены основные запасы углеводородного сырья СССР, происходило на фоне весьма специфических демографических процессов. Их содержанием в значительной степени определялось и состояние экономики, и уровень развития производительных сил региона, и в целом темпы и пропорции общественного развития. Однако, понимание этой связи практически отсутствовало как на уровне директивных органов, осуществлявших функции управления социально-экономическим развитием нефтегазового комплекса, так и в работах историков, изучавших процессы формирования населения.

Лишь во второй половине 80-х гг. становится очевидной взрывоопасность последствий региональной демографической политики, проводившейся в течение трех десятилетий. Практически нерегулируемый рост народонаселения привел к запредельно диспропорциональной демографической структуре, дальнейшее жизнеобеспечение и саморазвитие которой весьма проблематично. Перед необходимостью строгого научного анализа социальных противоречий, возникших в регионе в значительной мере на основе демографических диспропорций, оказались историки, изучавшие региональные социально-демографические процессы. Со всей остротой встала проблема пересмотра сложившейся историографической традиции в их освещении, перехода от пассивной констатации количественных показателей к всестороннему изучению и обобщению реального исторического опыта социально-демографического развития и, в первую очередь, практики управления демографическими процессами.

Каков же характер историографической традиции в освещении опыта формирования населения региона? Анализ всего массива публикаций по данной проблематике позволяет утверждать следующее.

Собственно демографическая политика как элемент управления развитием народонаселения региона, включая различные стороны воспроизводства населения, миграцию, формирование желательного демографического поведения и т.д. не являлась предметом исторических исследований. Отсутствует ее периодизация, характеристика содержания отдельных этапов, оценка ее эффективности.

В большинстве работ, относимых историографической традицией к категории социально-демографических исследований, за редкими исключениями (К.Н.Мисевич, В.И.Чуднова, Е.Д.Малинин, А.К.Ушаков, Т.Г.Гапонова) объектом исследования выступало не народонаселение региона в целом, а его отдельные группы – социальные, профессиональные (занятое население, трудовые ресурсы различных отраслей нефтегазового комплекса, рабочие, служащие, пенсионеры и т.д.). Распространение выводов, к которым пришли исследователи в результате изучения этих групп, на социальную-демографическую структуру населения региона в целом является характерной чертой историографии, существенно нарушающей адекватность реальных демографических процессов их отражению в научной литературе.

Преимущественное внимание исследователей было сосредоточено на анализе механического движения населения. В частности, получили определенное освещение миграционные процессы как извне региона, так и внутри него, на материалах отдельных районов и отраслей нефтегазового комплекса исследовался состав миграционных потоков, их направления, проблемы приживаемости новоселов (Г.Ф.Куцев, А.Д.Хайтун, А.Н.Санников, Г.М.Урасова и др.). В то же время практически отсутствуют работы по проблемам воспроизводства населения, не обозначены подходы к изучению его естественного движения, не введены в научный оборот данные о рождаемости и смертности, не анализировались типы демографического поведения, формировавшиеся в условиях пионерного освоения ранее необжитых территорий. В контексте этого не получили освещения этнические аспекты демографического поведения. Как следствие, в литературе отсутствует интегративная характеристика изменений, происшедших в социально-демографической структуре населения районов нового освоения за годы формирования и развития нефтегазового комплекса, не выявлены факторы, детерминировавшие эти изменения, не определено их совокупное воздействие на процессы социально-демографического развития региона.

Публикации по социально-демографической проблематике опираются на крайне недостаточную источниковую базу. Далеко не полностью освоены исследователями материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Слабо привлекались материалы текущего учета населения. Абсолютно не использовались документы делопроизводства ЗАГСов, многочисленные формуляры, отличающиеся высокой информационной насыщенностью.

Сложилось существенное отставание в методике исследования

социально-демографических процессов. Практически не востребован богатейший арсенал математических методов обработки массовых источников первичного типа, исследователи предпочитали обращение к опубликованным или обобщенным статистическим материалам, не утруждая себя доказательствами их достоверности. Это исключало возможность применения количественного и факторного анализа, изучения демографических процессов в их целостности и взаимозависимости.

Недостаточное внимание исследователей к анализу собственно демографических процессов, механизма их протекания порождало неверные оценки их последствий. В частности, это характерно для работ по истории формирования кадрового потенциала нефтегазового комплекса. Так, в историографии закрепилось положение о доминирующей роли системы образования в деле повышения общеобразовательного уровня рабочих и служащих (Б.А.Ним, Э.И.Куренко, Н.М.Пашков, Е.И.Пилипенко и др.). Между тем, эта динамика полностью описывается состоянием данного показателя в структуре миграционных потоков в регион. Ошибочным представляется также и утверждение о "сибирском" происхождении основного миграционного притока, начиная с середины 70-х гг. (Н.М.Пашков, Т.Г.Гапонова). В течение всего периода 60-80-х гг. реально доминировал приток населения из европейских районов СССР.

Нерешенность частных проблем, связанных с анализом исторического опыта формирования населения районов нового освоения является основной причиной отсутствия обобщающих работ, воссоздающих историческую динамику социально-демографического развития региона: этапы, тенденции, закономерности и особенности формирования его населения. Назрела необходимость проведения масштабного исторического исследования по обобщению опыта социально-демографического развития Тюменского Севера. Его методологическую и методическую основу, как нам представляется, может составить целевая научно-исследовательская программа "Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)", разработанная в Институте истории и археологии УрО АН СССР. Организующим основанием такого исследования могло бы стать решение следующих крупных задач:

- выявление объективных потребностей развития народонаселения региона;
- характеристика процесса осознания потребностей, выбора целей развития и определение средств их достижения;
- исследование деятельности, направленной на развитие народонаселения;
- характеристика итогов и результатов социально-демографического развития. Определение эффективности управления развитием на-

родонаселения региона.

Их решение требует координации усилий историков, социологов и демографов.

Т. И. Борко
(Тюмень)

К СОСТОЯНИЮ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Уровень исследований духовной культуры коренных народов Севера на сегодняшний день не только не позволяет выработать концепцию ее развития на будущее, но даже представить ее современное состояние. До сих пор в этой области мы не имеем значительных обобщений, глубокого анализа, позволяющего проследить эволюцию духовной деятельности, духовного творчества этноса. Практически не существует ни теории, ни методологии изучения культуры малых народностей, как не существует и единого понимания термина "духовная культура". Поскольку в традиционном обществе материальная и духовная деятельность очень тесно переплетены, при выявлении того или иного комплекса надо учитывать, видимо, не субстратную, а функциональную их характеристику. Как основополагающий критерий для определения духовной деятельности, думается, удобнее всего избрать мировоззренческий аспект явлений культуры. Мировоззрение, как форма самосознания, дает возможность познать себя и локальной культуре, и отдельному человеку внутри этой культуры осознать себя как творческую личность. В мировоззрении концентрируются представления об отношении человека (социума) к миру (природе, обществу, другим культурам), о предназначении и месте личности в мире. Поэтому наличие мировоззренческого аспекта в явлении культуры определяет его принадлежность к духовной деятельности (сюда можно включить философское сознание этноса, научное знание, религиозные воззрения, художественное творчество). В связи с этим сегодня чувствуется настоятельная необходимость помимо фиксирования фактов раскрывать и объяснять их сущность, анализировать взаимодействия между всеми явлениями и их свойствами в целостной системе. Поэтому наиболее действенным в методологическом плане представляется комплексный подход. И он уже имеет определенные результаты. Так, уже давно поставлена проблема изучения верований в связи с социальной организацией общества и с установленными в данном обществе нормами поведения. (Старцев И. Остяки. Социально-этнографический очерк. Ленинград, 1928). Исследователь обнаружил

сознание сезонных обрядовых действий с промысловыми работами, отметив, таким образом, влияние практической деятельности народа на его идеологические воззрения.

При большей изученности культуры народов Приобья археологами обращение к параллельным исследованиям в области языкознания, фольклористики, искусствоведения дает наиболее точные результаты в поисках истоков культурных традиций и в определении связей между этническими группами. Пожалуй, самыми значительными в этой области стали изыскания Чернецова В.Н., определившего преемственность признаков и художественных традиций между усть-полуостровской культурой I тысячелетия до н.э. и некоторыми (наиболее монолитными) группами ханты. Ученый заметил, что наибольшая сохранность характерна для тех форм художественного творчества, которые связаны с более древними, оформленными в систему, представлениями, указал на устойчивость декора культовых принадлежностей и шаманского костюма.

В последнее время появилось много исследований, имеющих целью выделить в комплексе воззрений народов древнейшие представления и более поздние наслоения. Религиозный быт, магическая практика племени служат для утверждения узаконенного порядка, для поддержания нормальных отношений с природной средой. Обряд, традиция закрепляли навыки, опыт гармоничного сосуществования человека и природы. Промышленное освоение Севера принесло изменения в сознание коренных народов, разрушение традиций, направленных на нормативное регулирование отношений с природой. Выработанная в течение веков в местных культурах система запретов, табу, промысловых правил (народная экология) ломается под вторжением "машинной цивилизации". Пренебрежение природой, являющейся для локальных культур жизненным началом, грозит уничтожением не только им самим, но и тем, кто обосновался здесь со времен освоения. Несомненно, что этот опыт бытия человека в природе, выработанный у северных народов, должен быть учтен и осмыслен с научной точки зрения. По сути дела, мировоззрение малых народов включает в себя не только элементы иррационального (религиозного) познания мира, но также рационального и художественного, образного.

Надо отметить, что в последнее время как зарубежные, так и советские исследователи склонны изучать локальные культуры в типологическом и культурологическом аспекте. Это позволяет более четко определить круг проблем, возникающих в связи с малыми общностями

ми, выявить специфику и самобытность культур. Возможно, в дальнейшем обозначатся и пути их дальнейшего развития. Сегодня эти исследования помогли осознать ошибочность некоторых концепций развития культуры. К отрицательному опыту относится насильственное насаждение чуждой этим народам идеологии и запрещение собственных духовных традиций, что привело к деформации и подмене ценностей. Механическая реставрация обычаев с утерей их смыслового значения не дает выхода из ситуации. Попытка оградить национальную культуру от любых влияний приводит к замкнутому традиционализму, вырывая ее из общекультурного контекста. Но культура может быть сохранена, только функционируя. Задача поэтому состоит в осознании своих корней, в самоуважении к традиционной культуре, имеющей свои ценности, общесоциальное значение, через них включающейся в общий процесс культурогенеза. И если до сих пор акцент в исследованиях ставился на традиционном мировоззрении, то теперь необходимо учитывать радикальные перемены в сознании коренных народностей. При наблюдаемом ныне разрушении единства картины мира основной задачей в области духовной культуры малых народов будет попытка гармонизировать современные изменения с традиционными, устоявшимися представлениями.

Е. В. Штубова
(Свердловск)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В РАЙОНАХ НОВОГО ОСВОЕНИЯ

Исследование деятельности учреждений культуры, всестороннее изучение и обобщение опыта их работы в районах нового промышленного освоения и, в частности, на Тюменском Севере, предполагает привлечение широкого круга исторических источников. В типологии последних отчетливо выделяется делопроизводственная документация как один из наиболее информационно-насыщенных типов. Именно эта группа источников содержит обильный конкретно-исторический материал для анализа закономерностей и особенностей в деятельности учреждений культуры. Наиболее полно отражены в них и региональные аспекты культурного строительства.

В делопроизводственной документации учреждений культуры выделяется распорядительная и отчетная. Первая представлена приказами,

распоряжениями и инструкциями Министерства культуры РСФСР, постановлениями региональных управлений культуры, протоколами заседаний их коллегий и президиумов, а также обкомов, горкомов и райкомов профсоюза работников культуры. Анализ этих документов позволяет дать развернутую характеристику основных направлений культурно-просветительской работы в регионе, включая механизм управления, выработки и принятия решений по вопросам культуры, организационное и материальное обеспечение различных форм работы учреждений культуры с населением в районах нового промышленного освоения. В материалах протокольного типа содержатся выступления руководителей культурно-просветительских учреждений, региональных управлений культуры, рядовых работников сферы культурного обслуживания. В них отражены ключевые проблемы развития сети учреждений культуры региона, конкретные данные об их работе и ее оценка.

Распорядительную документацию существенным образом дополняет отчетная, имеющая первостепенное значение для изучения и обобщения опыта практической деятельности учреждений культуры региона. Она представлена годовыми отчетами управлений культуры и культпросветучреждений, справками, информацией и обзорами об их работе по выполнению отдельных распоряжений Министерства культуры РСФСР, областных и окружных управлений, городских и районных отделов культуры. Достаточно стабильный набор отчетных показателей в годовой динамике (количество и типы проведенных мероприятий, численность зрителей, участников самодеятельных творческих коллективов и т.п.) позволяет с большой степенью точности выявить общие тенденции в развитии культурно-просветительской работы в регионе, изменения ее форм и методов на протяжении всего периода формирования и развития нефтегазового комплекса, определить приоритетные направления и перспективы организации деятельности по эстетическому воспитанию населения районов нового освоения. Сопоставление отчетных данных с распорядительной документацией открывает возможность для исследования механизма реализации целей культурно-просветительской работы, позволяет установить степень соответствия первоначальных планов и замыслов их конкретному воплощению.

В то же время традиционная схема отчетов не включает в себя ряд принципиально важных качественных показателей, характеризующих содержательную сторону работы учреждений культуры. К ним можно отнести такие как посещаемость культурно-просветительских мероприятий, использование нормативного времени, состав участников художественной самодеятельности и т.д. По имеющимся данным не всегда возможно оценить эффективность проводимой работы. Сложность для исследовате-

лен заключается также и в том, что в отчетной документации преобладают обобщенные сведения, как правило, за крупный регион — область, округ, район. Первичные материалы, использованные при подготовке отчетов, сохранились не полностью. Поэтому анализ деятельности учреждений культуры в разрезе городов и поселков исключительно затруднен, восстановить полную историческую динамику, как правило, не удастся.

Следует также учитывать субъективность оценок деятельности учреждений культуры, содержащихся в отчетной документации. Поскольку она составлялась главным образом для демонстрации определенных достижений — а именно так понимали отчетную кампанию большинство руководителей местных отделов культуры и комитетов профсоюза — в ней крайне редко содержится критический анализ работы учреждений культуры. Практика замалчивания недостатков получила исключительно широкое распространение и, без сомнения, является одной из причин современного кризисного состояния социо-культурной сферы региона.

В целях всестороннего изучения и обобщения исторического опыта работы учреждений культуры районов нового освоения требуется проведение тщательного источниковедческого анализа имеющихся в распоряжении исследователей делопроизводственных документов. Ключевой проблемой должно стать доказательство их достоверности, адекватности реальным процессам развития социо-культурной сферы региона. Необходима тщательная верификация статистической информации и отчетных показателей, их сопоставление с данными источников первичного типа, привлечение широкого круга дополнительных материалов, включая социологические, а также воспоминания работников культурно-просветительных учреждений региона.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Фофанов В.И. Исторический опыт и исторический выбор советского общества на современном этапе.	3
Русакова О.Ф. Исторический опыт как предмет научного исследования.	6
Денисевич М.Н. Роль информации в историческом развитии: методология вопроса.	9
Меренков А.В., Суворова Т.Б. Методологические проблемы исторического изучения творческого потенциала личности.	10
Тимошенко В.П. Исторический опыт индустриального развития Урала: методология проблемы.	12
Артемов Е.Т., Дуснов А.П. Доктринальный фактор развития и размещения производительных сил СССР.	15
Метельский Н.И. Синергетический метод в историческом познании и проблема оценки простейшей кооперации в первые годы Советской власти.	16
Ефимкин М.М. Проблемы изучения исторического опыта развития восточных территорий РСФСР.	20
Шевченко Л.А. Принципы и методы ретроспективного анализа социально-культурного развития региона. ..	22
Макиевский Г.М., Севастьянов В.Н. Обобществление производства: региональный аспект.	24
Репида Л.Е. Политические и социально-экономические процессы в западном регионе СССР в исторической ретроспективе....	27
Корякова Л.Н., Шорин А.Ф. Проблемы исследования аграрного развития Урала и сопредельных территорий в древности.	30
Миненко Н.А. Об особенностях подхода к изучению аграрного развития Уральского региона в XVI - XIX вв.	32
Суринов В.М. Народный опыт и сельскохозяйственная наука..	34

Ратушняк В.Н. Методологические аспекты исследования аграрных окраин пореформенной России (на примере Северного Кавказа).	35
Гаврилов Д.В. Методологические проблемы исследования региональных особенностей российского пролетариата периода капитализма.	38
Мотревич В.П. Сельскохозяйственное освоение Урала: основные направления исторического исследования.	41
Тимофеев А.Ф. Принципы ретроспективного анализа и прогнозирования социального развития.	43
Истомина Э.Г. Экология и история городов: направление исследований и методика.	44
Севастьянов В.Н. Методологические вопросы обусловленности социально-территориального развития.	48
Куксанова Н.В. Методологические аспекты изучения социального развития районов нового освоения.	50
Букин С.С. Методологические аспекты изучения социально-бытовых проблем развития восточных районов РСФСР.	52
Прядин В.С. К вопросу о периодизации истории социального соревнования в Уральском регионе.	54
Кузнецов А.И. Опыт участия региона во внешней торговле: особенности изучения.	56
Лебедев В.Э. Региональная научно-техническая политика: вопросы ретроспективного анализа.	58
Бакулин В.И. Проблема регионального развития промышленности в политике партии большевиков (1917-й - конец 20-х гг.)	60
Власова Н.И. О методологии изучения технической политики периода индустриализации (на примере Уральского региона). . .	63
Кузнецов А.Ф. Методологические проблемы изучения исторического опыта развития лесного комплекса Урала.	64

Водичев Е.Г. Наука в регионах интенсивного хозяйственного освоения: проблема императивов.	66
Солдатенко В.А. Экспедиционная деятельность АН СССР в 30-е гг. на востоке страны: неиспользованный потенциал.	68
Воробьев А.П. Отраслевая наука в структуре регионального научного потенциала.	70
Труфанов И.П. Методологические проблемы изучения межнациональных отношений в региональном аспекте.	72
Лисовина А.П. Методологические принципы нового видения проблем политической, социально-экономической и духовной истории советской Молдавии.	75
Квирквелия О.Р., Сенявский А.С. Национальные процессы Татарской АССР на фоне исторического развития региона.	78
Обыденнов М.Ф. Этапы археологического изучения Урала. .	81
Васильев С.А. Поздний палеолит Урала и Зауралья: к вопросу о границах европейской и североазиатской зон развития культуры.	83
Романчук А.И. Диктат историографии в интерпретации источников (на примере истории средневекового Херсонеса).	85
Билков О.Н. Концепция С.В.Бахрушина и В.И.Шункова о характере первоначального периода заселения и освоения Сибири русскими в конце XVI-начале XVIII в. в оценке советской историографии последних лет.	86
Пундани В.В. Социально-экономическое развитие государственной деревни Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в.	88
Железкин В.Г. Проблема государственного сектора промышленности в отечественной историографии: к вопросу о преимуществах хозяйственных укладов.	91

Загайнова В.Л. Роль театра в развитии духовной культуры Урала в пореформенный период: историография проблемы.	93
Пирогова Е.П. Изучение истории Урала Пермской ученой архивной комиссией.	95
Алексеева В.К. Изучение роли дореволюционной кооперации в социально-экономической жизни населения Урала.	98
Зонов И.М., Попов Н.Н. Историография политической ссылки на Урале в конце XIX – начале XX вв.	100
Анохина Э.Н. Современная историография об опыте парламентской борьбы уральских большевиков в период деятельности III Государственно ^ю Думы.	102
Огоновская И.С. К вопросу об изучении истории печати Урала и ее роли в межпартийной борьбе в 1917 г.	104
Васьковский О.А., Тертышный А.Т. Роль регионального опыта в выработке советской социально-политической стратегии периода Гражданской войны.	105
Чирухин Н.А. Дутов и КомУЧ (Историография вопроса). ...	109
Сичинский Е.П. Опыт поиска "третьего пути" (Из истории Временного областного правительства Урала).	111
Курманаев А.Т. Буферная политика Советской России на Дальнем Востоке, 1920–1922 гг. (Региональный исторический опыт).	114
Третьяков В.В. Начало аграрных преобразований в работах уральских историков.	115
Телицын В.Л. К проблеме изменения политических настроений крестьянства в период перехода к мирному хозяйственному строительству (лето 1919 – весна 1921 гг.).	118
Романова Т.В. Современная историография участия средних городских слоев Урала в установлении и упрочении Советской власти.	119

Халиулин Г.Г. Роль региональных исследований в изучении закономерностей формирования производственно-технической интеллигенции.	I22
Халиулина А.А. Урало-Кузнецкая проблема в сибирской литературе 20-х - начала 30-х гг.	I25
Казанцева Л.К. Малисследованные проблемы истории создания Урало-Кузбасса.	I26
Цибульникова В.А. Строительство на Урале в годы довоенных пятилеток: к историографии проблемы.	I30
Кушнарев Е.Н. Рабочий класс в период "великого перелома" (Опыт альтернативной оценки).	I32
Фельдман М.А. К вопросу о культурно-техническом уровне рабочего класса Урала в 1928-1941 гг. (Историографический аспект).	I34
Кузнецов И.С. Региональные особенности социальной психологии сибирского крестьянства 20-х годов: проблемы историографии.	I36
Шляпников П.В. Современная историография становления академической науки на Урале в 1931-1934 гг.	I39
Демидов В.В. К оценке урало-сибирского метода хлебозаготовок в исторической литературе.	I41
Санцевич А.В. Структурный аспект исторического краеведения.	I43
Семенова Н.И. Подготовка рабочих кадров в учебных заведениях профтехобразования Нижнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (Историография проблемы).	I45
Кожевникова Л.М. Историография социальной политики партии на селе в первое послевоенное пятилетие (на материалах Восточной Сибири).	I47

Афонин В.И., Мельяников Г.С. Проблема межреспубликанского сотрудничества в трудах белорусских историков.	150
Ступин П.П. Послевоенное развитие Ангаро-Енисейского региона в исторической литературе 70-80-х гг.	152
Цыкунов Г.А. Формирование системы Ангаро-Енисейских ПТК: проблемы исторического изучения.	154
Докучаев С.В., Эйдис Т.Е. Историография проблемы подготовки и повышения квалификации инженерно-технических кадров Урала.	157
Суворова Т.Б. К проблеме историографии организации академической науки на Урале.	160
Борзихина И.В. Советы Урала в литературе 80-х гг.	162
Зубков К.И. Политика и региональное развитие СССР (Анализ зарубежной историографии).	164
Ломакин К.В. Исторический опыт индустриального освоения восточных районов РСФСР в западногерманской советологии. ...	168
Широгоров В.В. Советский опыт управления экономикой региона в немарксистской историографии.	170
Килин А.П. Зарубежный опыт развития проблемных регионов (на примере Рура).	173
Подалко П.Э. Новые подходы к анализу современной буржуазной советологии.	175
Пашков Н.М. К историографии современного рабочего класса СССР.	177
Логунов Е.В. Историографическая традиция в освещении исторического опыта формирования населения районов нового освоения.	180
Борко Т.И. К состоянию изучения духовной культуры коренных народов Севера.	183
Штубова Е.В. Проблемы источниковедческого анализа делопроизводительной документации учреждений культуры в районах нового освоения.	

**МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

**Тезисы докладов и сообщений
Всесоюзной научной конференции,
23-25 октября 1990 г.**

ВЫП. I. МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

**Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО АН СССР**

Отв. за выпуск А. П. Килин

**НИС УрО АН СССР № 180 (90)
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,0.
Уч.- изд. л. 10,6. Тираж 250 экз.
Заказ 1246 Цена 1 руб. 50 коп.**

620219 Свердловск, ул. Р. Люксембург, 56
Институт истории и археологии УрО АН СССР
ПО "Полиграфист", Свердловск,
ул. Тургенева, 20.